

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВДА, МОСКВА № 39 СЕНТЯБРЬ 1986

НОВЫЙ РАЙОН ТАЛЛИНА —
БУДУЩЕЕ ГОРОДА

ГЕРОЮ ВОСЕМЬ ЛЕТ ▶

Что
может
мода?

Встреча
с Вячеславом Зайцевым

Марчелло
Мастроянни
в фильме
Никиты
Михалкова

РОМАН Л. КАРЕЛИНА
«ДАЮ УРОКИ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 39 (3088)

27 СЕНТЯБРЯ —
4 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1986

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. БЕЛЕЦКАЯ,
И. В. ДОЛГОПОЛОВ
(главный художник),
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный
секретарь),
Н. А. ИВАНОВА,
Б. А. ЛЕОНОВ
(первый заместитель
главного редактора),
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель
главного редактора),
Ю. С. НОВИКОВ,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
Ю. П. ПОПОВ.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13

Сдано в набор 08.09.86. Подписано к печати 23.09.86. А00733. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2423. Заказ № 3507.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

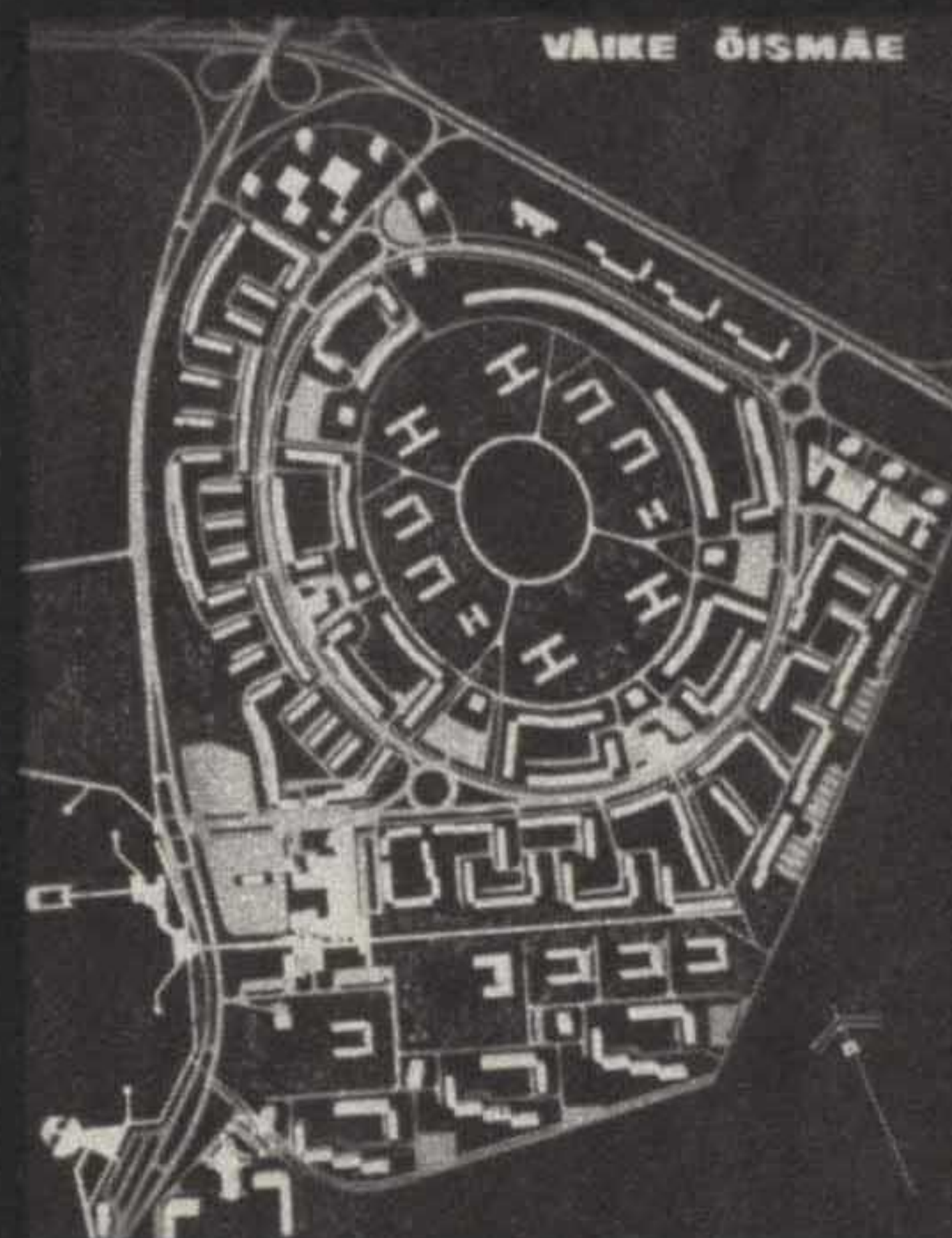

Плющом одетые дома.

М. ЕВСЕЕВА,
М. СЫЧЕВА,
кандидат архитектуры

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

«МЕНЯЮ

Представьте себе, что вы летите на вертолете и видите на земле огромную чашу, края которой опускаются с высоты шестнадцатиэтажных зданий к зеленому поясу парка, где среди молодых деревьев разбросаны разноцветные здания школ и детских садов. А в центре — блестящее овальное зеркало водоема.

Это новый жилой район Таллина — Вяйке-Ыйсмяэ.

Его начали строить в 1974 году, а сейчас в нем живет более 45 тысяч человек. Район расположен в 9 километрах к юго-западу от центра Таллина и удобно связан

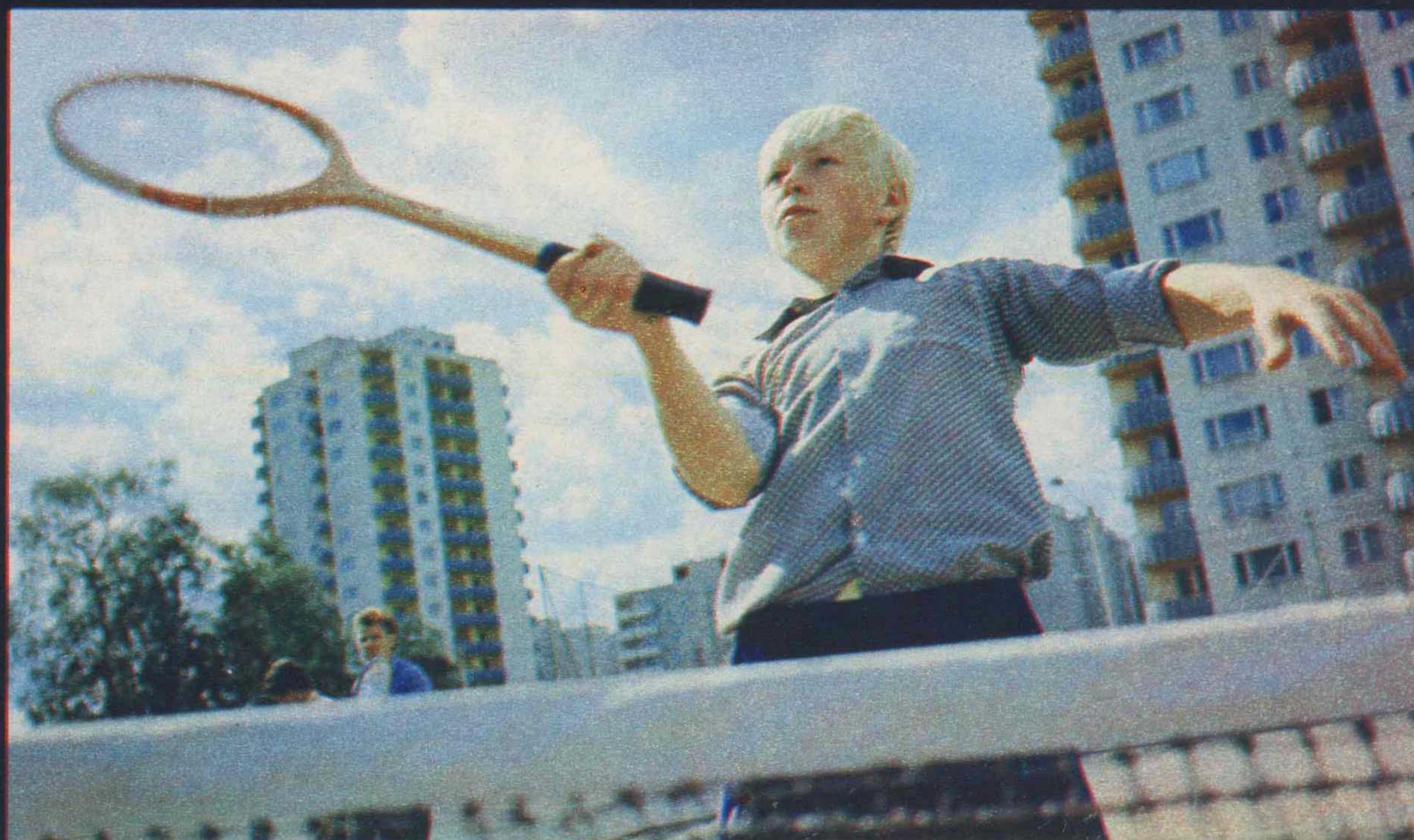
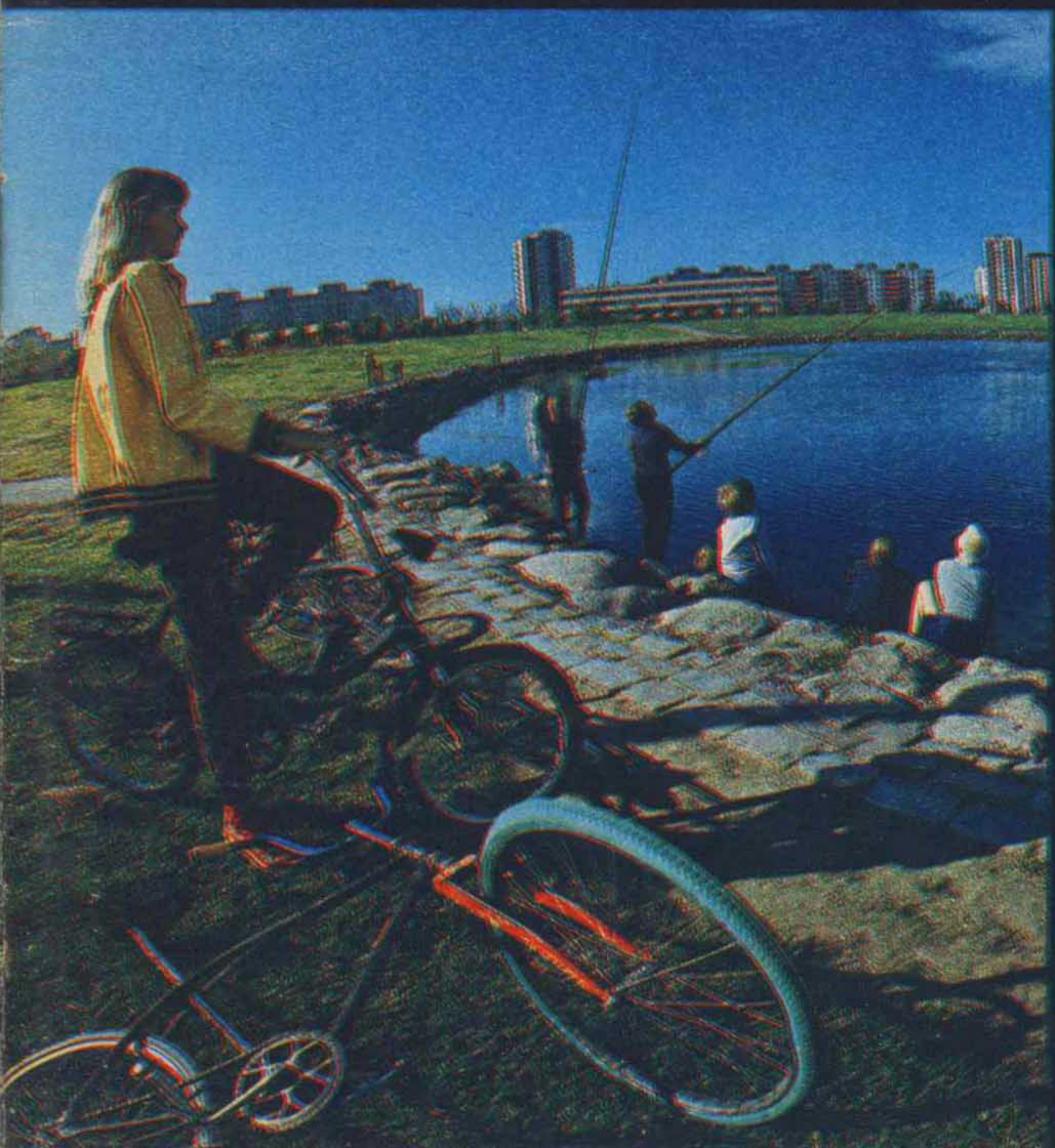

Так выглядит центр таллинского микрорайона Вайке-Ыйсмяэ.

ЦЕНТР НА ОКРАИНУ...»

Две-три остановки на городском транспорте и... пытай рыбачье счастье.

Олег Орлов освоил теннис: в его дворе отличный корт.

Учатся печь хоть песочные, но уже пироги.

Прямо за околицей... живой уголок.

Торговый центр.

В книжном царстве.

Семья на прогулке...

с ним прекрасным шоссе. В полутора километрах от района — озеро Харку с зоной отдыха и пляжем.

Когда из города подъезжаешь к Вяйке-Ыйсмяэ по опоясывающей его круговой магистрали, первое, что бросается в глаза, — интригующе быстрая смена панорам. Разноэтажные, оригинальные по силуэту дома рождают радостное ощущение необычности, нестандартности. Невольно возникает ассоциация с курортным комплексом. Днем живописная планировка вызывает чувство простора, вселяет оптимизм, ночью луна отражается в пруду, и жилой массив представляется весьма романтичным местом...

С одной стороны магистрали — раскинувшиеся веером пятиэтажки с комплексами торгово-бытовых центров. С другой стороны улицы стоят светлые дугообразные здания, отдаленно напоминающие древние стены Таллина. Эти дома образуют внутренние дворы, благоустроенные, уютные. За зеленым барьером цветущих кустов — автостоянки и полуподземные гаражи.

В глубь района можно попасть по зеленым аллеям. Всего их четыре — дубовая, березовая, кленовая и рябиновая. Они ведут по диагонали района в парковую зону, где разместились детские учреждения, и затем к искусственному пруду. По берегам водоема на зеленой траве среди ромашек и одуванчиков играют и загорают дети. Они купаются здесь и даже плавают на небольшом самодельном плоту!

Сидя у водоема, мы подслушали разговор двух немолодых женщин:

— Как красиво у тебя тут: зелень, вода, птицы поют... И на душе спокойно. Я просто отдыхаю.

— Я тоже отдыхаю здесь с тех пор, как переехала именно в этот район: не надо выезжать за город. Ведь тут и озеро, и много зелени — каждый год подсаживают. Скоро детские сады не увидишь за деревьями. У нас будет как в лесу.

— Кажется, еще не так давно сюда легко можно было поменять квартиру, а я, глупая, боялась — далеко. А ведь доехала к тебе за полчаса. Теперь решилась, а в обменном бюро такая длинная очередь на Вяйке-Ыйсмяэ...

Вяйке-Ыйсмяэ не экспериментальный район. Это самый обычный жилой район массовой застройки: 96 процентов — полностью сборные крупнопанельные дома. Только торговые центры построены по индивидуальным проектам. И вместе с тем район уникальный!

В последнее время много говорится и пишется о том, что новая жилая застройка в городах однообразна, уныла, очень похожа одна на другую. Это действительно так. Однако у нас есть и примеры ярких, запоминающихся жилых массивов в различных республиках страны. Среди них Ладзинай (Вильнюс), Сосновый Бор (Ленинград), Зеленый Луг (Минск), Виноградарь (Киев)... В конце прошлого года в этом перечне появился еще один — Вяйке-Ыйсмяэ, что в переводе с эстонского означает «Цветущая гора».

С чего начиналось рождение района? Каковы были замыслы архитекторов? Какие идеи им удалось воплотить в нем?

Перед проектировщиками была поставлена довольно сложная задача — благоустроить для проживания территорию в 150 гектаров и расселить на ней 45 тысяч человек. Площадка была отведена совершенно плоская, заболоченная, без единого деревца и кустарника. И архитекторы совершили чудо...

Как же удалось достичь этого?

Основой композиции была выбрана кольцевая магистраль, которая, как ожерелье, окаймляет весь район.

В чем виделось ее преимущество перед традиционными приемами? Прежде всего транспорт выводился из жилой застройки, на магистрали ставились общественно-торговые центры. Это создавало удобства — люди, едущие с работы, заходили в магазины, в мастерские и шли домой.

Однако в самом начале проектирования этот прием вызвал разногласия. Противники утверждали, что кольцевая дорога, как бы разделяющая пяти- и девятиэтажную застройку, будет вызывать дорожные происшествия. Но прошло более десяти лет, и никто не пострадал. Авторы же, хорошо зная интуитивное стремление водителей снижать скорость на поворотах, отстояли этот композиционный прием. Кольцевой характер единственной улицы не только придал общей планировке геометрическую законченность пространства, но и продиктовал особую структуру района.

Главное его достоинство — комплексность застройки. Жители одновременно с жильем получили все необходимое для хорошо организованного быта.

Постепенный переход от крупного масштаба жилых зданий к пространству двора, живописно сгруппированным деревьям, кустарникам, малым формам архитектуры дает ощущение пропорциональности, соразмерности человека и природы. Двор — место общения жителей. В последние годы он, к сожалению, утратил эту добрую функцию. Не потому ли люди, живущие в многоэтажных домах, разобщены, часто незнакомы с теми, кто живет в своем же подъезде, за стеной, в соседней квартире. Авторы проекта следовали традициям старых городов, где жители дома прекрасно знали друг друга. Но придали этой традиции новую интерпретацию. Во дворах — оборудование для настольных игр, удобные скамейки для пожилых, песочницы для детей, цветочницы, скульптуры. Здесь у жителей есть свой любимый двор, непохожий на соседний, а с этого начинается любовь к месту, где живешь, к городу, к Родине...

Рассказывают, что сначала каждый отрабатывал на благоустройстве восемь часов в году безвозмездно. А затем стали работать вдвое, втрое больше: люди узнали друг друга, сдружились, двор стал для них родным. Теперь весной здесь убирают мусор, сажают цветы, зимой устраивают каток и праздничную елку, украшают двор к праздникам. Замечательно, что во всех начинаниях участвуют и дети.

Общественно-торговые центры также стали излюбленным местом общения жителей. Архитектура их проста, но эстетически очень выразительна. Одноэтажный центр состоит из нескольких зданий, связанных между собой переходами, где можно укрыться от ветра, солнца, дождя. Перед каждым магазином — цветочный базар, имеются дворы, где можно посидеть, встретиться со знакомыми, побеседовать, оставить ребенка, не боясь, что он выбежит на магистраль.

Архитектура жилого района Вяйке-Ыйсмяэ выдвинута на соискание Государственной премии СССР 1986 года. Вот имена его создателей: руководитель авторского коллектива народный архитектор СССР Март Янович Порт, архитекторы М. Меелак, К. Лутс, И. Пылдма; инженер-конструктор Х. Рохтмаа; инженеры-строители Х. Луми и Г. Шварцер.

Замысел зодчих осуществляли работники Таллинского домостроительного комбината. В условиях строгих градостроительных норм в Таллине удалось создать район, где нет безликости и гнетущего однообразия. Авторы смогли доказать широкие возможности индустриального домостроения. Ведь все жилые дома, повторяем, построены по типовым проектам.

Отметим еще и значительную экономическую эффективность строительства. Компактность планировки позволила достичь высокой плотности, сократить протяженность дорог и инженерных коммуникаций. При этом высвободились дополнительные площади, а это экономия свыше трех миллионов рублей. Средняя стоимость одного квадратного метра жилой площади в этом районе одна из самых низких в стране.

Прогрессивные композиционные и архитектурные приемы, безусловно, окажут влияние на жилищное строительство в стране.

Юрий ЛУШИН, собкор «Огонька»

бережливость

ДЕРЕВО НОВАТОРСТВА

Увы, как-то повелось, что новое в изобретательстве нелегко, порой ценой многолетних и необъяснимых мытарств пробивает себе дорогу. Судьба новинки, предложенной сельскими умельцами из Казахстана, отцом и сыновьями Жалыбиными, о которых «Огонек» рассказывал в № 12 и № 23 за нынешний год, не представляет исключения.

Как же развивались события после тех публикаций? Что изменилось в отношении к предложениям инженеров Жалыбиных об использовании в сельском строительстве профилей их конструкции?

— Вы согласились бы стать министром? — спросил я Николая Федоровича Жалыбина.

— Ни за какие коврижки.

— Почему?

— Потому что в своем деле, которому жизнь посвятил, я понимаю не меньше министра, а меня на моем месте вряд ли заменит и министр.

— Это один из наших читателей, А. И. Макаров из села Шишкеево Мордовской АССР, предлагает вам такой пост.

«Наконец я увидел, нашел то, что не побоюсь сказать, искал всю свою жизнь... Путь к разумнейшей экономии материалов, средств, сил! Если бы это было в моей власти, основал бы новое министерство — министерство новомышления, а Николай Федорович Жалыбин, не колеблясь, назначил министром».

— Министром, значит? — смущенно усмехнулся Жалыбин. — Спасибо за доверие, конечно, но думаю, что на своем месте я принесу больше пользы. К тому же, согласитесь, новомышление сейчас в опеке не нуждается...

Большой стол, за которым мы устроились, был завален горами читательских писем — откликов на публикацию «Огонька» об изобретателях Жалыбиных. Писали и продолжают писать отовсюду: из Подмосковья и Сахалина, Урала и Туркмении, Украины и Воркуты, Ташкента и Пскова, Тбилиси и Хабаровска... Главные вопросы конкретны: как приобрести профили для сооружения теплиц? Каким образом получить техническую документацию? Вопросы, которые ставили Жалыбиных в тупик. С одной стороны, они радовались огромному интересу к своему изобретению, а с другой — понимали, что ни колхоз имени Ленина,

где они работают, ни они сами конкретно помочь всем желающим не смогут. Беспокоились об этом и читатели.

«Зная, что редакция не в силах распространить техническую документацию и чертежи, все же прошу помочь получить хотя бы эскизы, необходимые для изготовления и строительства теплиц», — пишет Леонид Васильевич Лукьянов, главный инженер рыбхоза «Гжелка» из Московской области. — В противном случае ваша статья останется просто «холостым выстрелом» и не окажет помощи нашему сельскому хозяйству...

«Мне кажется, что опыт Жалыбиных, — размышляет Георгий Николаевич Носов из города Люберцы, — с таким трудом узаконенный ими практическими делами, надо немедленно распространить по Союзу через Госстрой СССР, так как проектные организации по-прежнему могут навязывать типовые проекты-дворцы вместо легких кошар... Как пример недавнего прошлого, а может быть, и настоящего для других областей Союза это строительство овцеводческого комплекса в Тамбовской области, где применили типовые железобетонные кошары, в которых замерзли все овцы, несмотря на свои теплые шубы... А сколько других сооружений можно построить, придерживаясь схемы Жалыбиных...»

«Считаю, что жалыбинский профиль является большим достижением рационализаторской мысли. Экономия строительных материалов и денежных средств, сокращение сроков строительства и быстрая окупаемость объектов — это все то, чего нам сегодня недостает в сельском строительстве», — отмечает зам. председателя Камско-Устьинского РАПО Татарской АССР по капитальному строительству Николай Александрович Камонин.

Да, лавина читательских писем радовала Жалыбиных, но и прибавляла им забот. Все просили помощи у них, а между тем в ней нуждались сами изобретатели.

событие недели

17—20 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, совершая поездку по Краснодарскому и Ставропольскому краям, знакомился с трудовыми коллективами, откровенно беседовал с партийными работниками и хозяйственными руководителями, рабочими, колхозниками, интеллигенцией города и села.

Товарищ М. С. Горбачев выступил на встречах с партийным активом в Краснодаре и Ставрополе.

Поездка М. С. Горбачева, его речи и беседы вызвали огромный интерес в нашей стране и во всем мире.

Встреча
М. С. Горбачева
с тружениками
совхоза «Нива»
Новоалександровского
района
Ставропольского края.

Телефото ТАСС

«Перестройка не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода. Мы живем с вами в переломное время. Страна проходит в своем развитии очень важный этап. Происходит крутой поворот в жизни советского общества. И если мы все — в Москве, в республиках, краях и областях, трудовых коллективах, в партийных, государственных, общественных организациях будем всегда помнить о важности нынешнего момента, о переломном его значении для наших судеб, для нашей страны, нам легче будет осознать значение самой будничной работы, которую каждый из нас выполняет, увидеть большое в самом малом, в самом обычном».

М. С. ГОРБАЧЕВ

Среди писем и они, и редакция тщательно искали ответы от наиболее заинтересованных, казалось бы, организаций—Госагропрома и Госстроя. Их все не было. Бесполезно прождав три месяца, Николай Федорович решил продвигать в жизнь свое изобретение... опять собственными силами (беспредельны они, что ли?!) и, взяв отпуск, поехал в Полтавскую область.

— Почему именно туда?

— Причина проста. Полтавчане, узнав о нас из публикации в «Огоньке», приехали к нам в колхоз самими первыми, опередив даже читательские письма. И первыми же, придирчиво осмотрев все созданные нами конструкции из профилей, пригласили нас к себе, обещав всяческую помощь и поддержку...

Полтавчане слово свое сдержали. Сразу же после приезда Жалыбина в дело включились шесть полтавских предприятий, готовых выполнить заказы изобретателя в самый короткий срок. Место для строительства завода по производству легких профилей определили быстро— село Новые Прищепы. Оно «славилось» тем, что почти все его жители ездили на работу в город, теряя на дороге ежедневно по три, четыре часа. Услышав о предстоящей стройке, обрадовались: будет работа на дому... Координатором дела стал облагропром. Каждый день находил время для встречи с изобретателем первый секретарь Новосанжарского райкома партии М. В. Бернадский (кстати, возглавлявший ту, первую делегацию

полтавчан к Жалыбиным). Он быстро понял, что жалыбинские профили способны произвести настоящую революцию в сельском строительстве. Мало того, что они экономичны, прочны, просты в изготовлении. Они универсальны и ко всему прочему не нуждаются при монтаже в строительных механизмах, легко и просто монтируются вручную. Трижды за месяц отпуска Жалыбина посчитал нужным встретиться с ним и первый секретарь Полтавского обкома КПСС Ф. Т. Моргун, человек, чуткий к новаторству...

Ощувив столь мощную поддержку, Николай Федорович работал не жалея сил. Да и приехал он не с пустыми руками. Вечерами и ночами перед отъездом он разрабатывал и готовил чертежи нового прокатного оборудования, более совершенного, чем прежнее. Это стиль его жизни— не повторяться. Он хотел за полгода создать под Полтавой то, над чем работал вместе с сыновьями семнадцать лет в Казахстане. Потому и торопился, и себя не жалел, и в конце концов надорвался, заболел (небеспредельны все же силы человеческие). Пришлось уезжать домой, но дело уже двинулось. К тому же почти тотчас после отъезда Жалыбина-старшего на смену ему выехал в Новые Прищепы младший сын Олег Николаевич (также используя свой законный отпуск). Потом наступила очередь Николая Николаевича— такую тактику определили Жалыбины на семейном совете...

В то самое время, когда в Полтавской области продолжалась

одиссея Жалыбиных, ваш корреспондент пытался выяснить в Москве в заинтересованных, как мне казалось, организациях их отношение к изобретению Жалыбиных.

Редакция получила письмо от старшего научного сотрудника сектора промышленного и сельскохозяйственного строительства ВНИИИС Госстроя СССР Н. К. Ходченко, который, в частности, писал: «Эффективность конструктивных систем Жалыбиных подтверждается и зарубежным опытом. Многочисленные фирмы Великобритании, Франции и других стран комплектно поставляют каркасно-плечные здания, в том числе и в утепленном варианте, не только для овец, но и для содержания свиней, птицы и других целей. Информация о зарубежном опыте периодически освещается в изданиях ВНИИИС Госстроя СССР. Кроме того, информация о таких сооружениях включается в годовые доклады о зарубежных научно-технических достижениях в области строительства с предложениями о целесообразности массового внедрения пленочных сооружений. К сожалению, вся эта информация не находила должной оценки и понимания».

Встретившись с Ходченко, я спросил его:

— Николай Константинович, кому посылаются годовые доклады, о которых вы упоминали в письме?

— Кроме Госстроя СССР, всем его республиканским подразделениям.

— Неужели никто и никогда к новшествам не проявлял интереса?

— К сожалению,— развел руками Ходченко.

— Ваш отдел собирает информацию о зарубежных достижениях в строительстве. А какой отдел интересуется подобной информацией в нашей стране?

— Такого отдела вообще не существует.

— ?! Кто же все-таки может квалифицированно оценить изобретение Жалыбиных?

— Попробуйте обратиться к заместителю председателя Госстроя СССР Ивану Ивановичу Ищенко...

Обратился. Его помощник очень любезно объяснил, что этими вопросами ведает другой заместитель, а именно Александр Владимирович Чернышов. Не успел я и глазом моргнуть, как оттуда меня переправили к начальнику главстройпроекта В. М. Спиридонову. Тот не менее любезно и стремительно— к начальнику главстройпроекта П. В. Соболеву. Оказалось, что Петр Васильевич о Жалыбиных и слухом не слыхивал, но зато знает, кто мог слышать. И послал меня к главному специалисту по легким конструкциям Борису Андреевичу Штепе. Не знаю, куда бы меня послал главный специалист, но он оказался в отъезде. Все. Круг замкнулся...

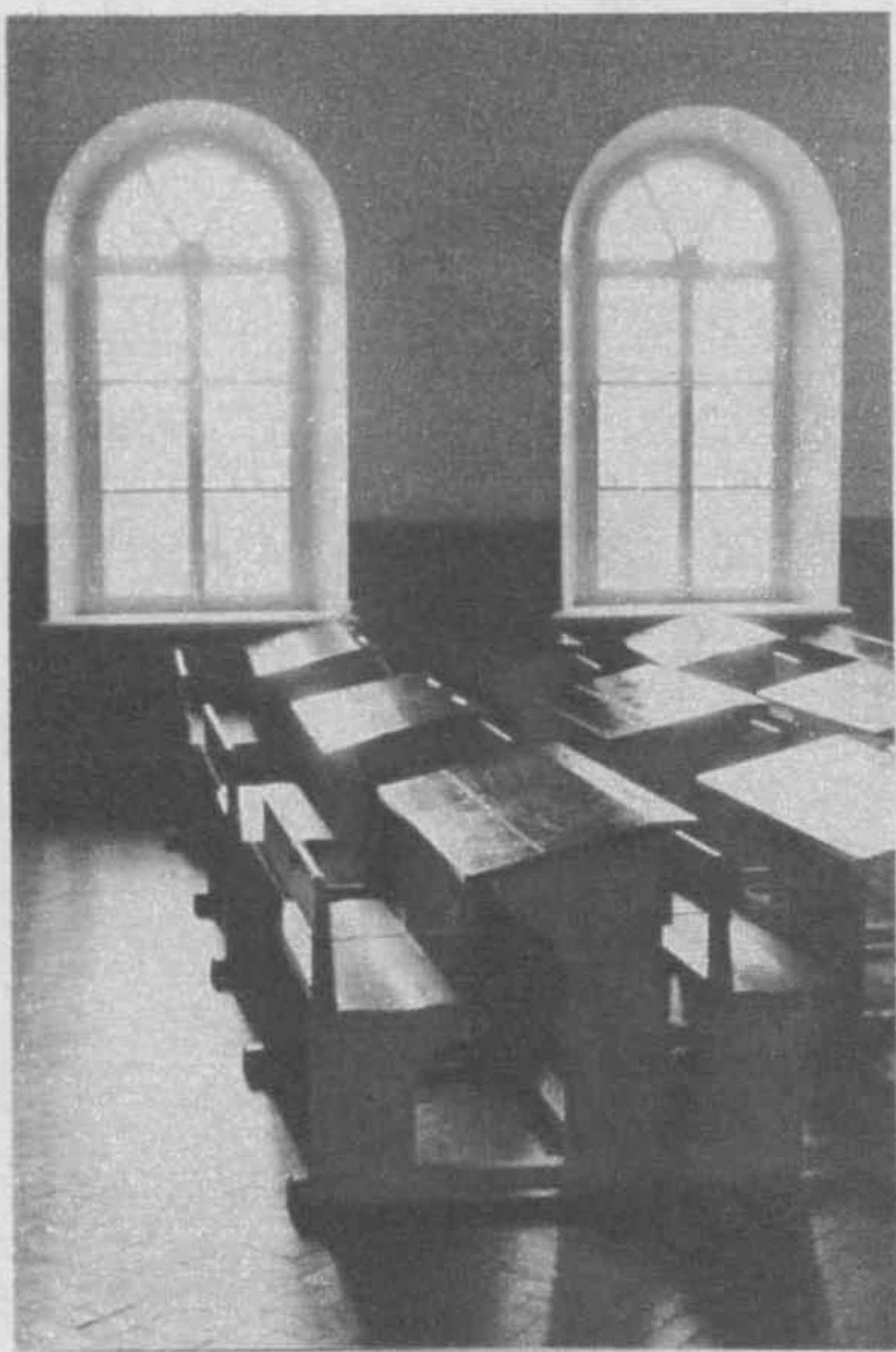
В Госагропроме мне было легче. Есть в его составе такое объединение— «Союзтеплица». На него я сразу и вышел. И состоялся у меня любопытный разговор с главным конструктором ГСКБ Юрием Абрамовичем Дубровичем. Для начала он сказал, что «Огонек» не выписывает, поэтому о Жалыбиных не читал. Потом вспомнил:

— Впрочем, лет десять тому назад или даже раньше специалисты нашего объединения проводили экспертизу конструкций Жалыбиных. Тогда выяснилось, что они не проходят по прочности.

— Но ведь те же самые теплицы, которые забраковали ваши

Р О Д Н И К

Ульяновск. Мемориальная классная комната в школе имени Ленина.

Это, быть может, самое старое в стране среднее учебное заведение, в которое до наших дней ежеутренне входит шумная ватага ребят, спеша заполнить классные комнаты до звонка. В этой средней школе, каких в стране тысячи и тысячи, — юбилей! Да какой — двести лет, не шутка. Сколько же поколений юных, день ото дня мужающих жителей Ульяновска, а еще раньше — Симбирска обучились здесь родной речи, русскому языку, научились писать, считать, думать!.. А сколько поколений учителей!.. Два века — есть что помнить стенам школы, носящей сегодня имя В. И. Ленина. Достаточно напомнить, что ее в свое время окончили, например, известный врач, академик В. Филатов, физик И. Курчатов...

Вытянутое вдоль тротуара Советской улицы двухэтажное здание. Мемориальная доска: «Здесь учился Владимир Ильич Ульянов-Ленин. 1879—1887 гг.».

Володя Ульянов по совету двенадцатилетнего брата Александра перешагнул подготовительный

класс и был принят сразу в первый — принят, потому что выдержал приемные испытания. Всем известно, что учился он легко, азартно. Одно время отец даже опасался, что Володя не сумеет выработать в себе такое важное качество, как трудолюбие. Но именно здесь, в гимназии, Володя постепенно превращался из резвого ребенка, атамана детских игр, в сосредоточенного отрока, потом юношу, становившегося у всех на глазах будто сразу старше. Этому раннему взрослению способствовали не только недюжинные природные данные. Ну, конечно, прежде всего именно они. Володя на лету усваивал все необычное, чем отличались те годы в общественной жизни России. Этому ненавязчивому воспитанию гражданина весьма способствовала атмосфера в семье Ульяновых. А в гимназии учащиеся знали, что словесник Муратов был изгнан за организацию нелегальных социалистических кружков! Бывшие соученики Ленина запомнили, как он читал всему классу Цицерона — вызывающе страстно: «До каких пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?..»

Но учение, уроки — это прежде всего, это обязательно. Часто, очень часто мимо кабинета отца пролетала коренастая фигура Володи в гимназической шинели, сын на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять...» Сестра Анна Ильинична вспоминала: предметы менялись, в другой

день слышалось «из латыни пять, из алгебры пять...».

А 1887 год незабываем, страшный год. Володя кончал гимназию, истекали последние дни курса, а в доме горе, черная беда. Любимому брату Саше объявлен приговор... Он выпускник гимназии, в которой младшему Ульянову предстоит держать последний экзамен. Володя взял себя в руки. Пример подала мама. В мае брата казнили, а 10 июня 1887 года Владимир Ульянов получил аттестат зрелости. И похвальный лист, и золотую медаль — только он один. Он всегда, в каждом классе был первым учеником.

В бывшей гимназии сейчас учатся младшие классы. А рядом новый корпус школы-юбиляра. Пятьдесят кабинетов, прекрасные залы, спортивный комплекс с бассейном, даже свой телецентр! За долгие годы триста человек окончили школу имени В. И. Ленина с золотой или серебряной медалью. Учиться понемногу, чему-нибудь и как-нибудь в такой школе нельзя.

И мы все в общем-то выпускники школы Ленина!..

Сегодня в орденоносной школе имени В. И. Ленина праздник! Много ярких осенних цветов. Много гостей. И музыка, и шум прибоей новой жизни. Каждый год, каждый день в старых классных комнатах и новых лабораториях мальчики и девочки начинают новую жизнь. Сильный родник! И навечно молодой.

Н. ШАТОВ

эксперты, служат даже без замены деталей уже более десяти лет в колхозе имени Ленина Алма-Атинской области, и, сколько еще простоят, никто не знает.

— Неужели? — удивился Дубрович.

— К тому же изобретатели не стояли на месте, они постоянно совершенствовали и совершенствуют свои конструкции. Может быть, вашим экспертам стоит повторить свой визит к Жалыбыным?

— Может быть, — полусогласился Дубрович, — мысль, конечно, интересная. Но у нас, знаете, есть СНиП — строительные нормы и правила, которыми мы руководствуемся. Впрочем, когда мы закупали голландские теплицы (один гектар которых стоит миллион рублей. — Ю. Л.), то они тоже не отвечали по прочности нашим нормам. Пришлось нормы скорректировать...

— ?!

— Но не в этом дело, — спохватился главный конструктор, — теплицы Жалыбыных применимы не во всех регионах, а нам нужны универсальные, проект которых мы и разрабатываем.

— Однако теплицы Жалыбыных успешно прошли многолетние испытания практикой под Новосибирском, в Ангарске (Восточная Сибирь), в Забайкалье...

— Неужели? — снова удивился Дубрович и добавил: — Вообще-то пленочных теплиц мы выпускаем в избытке, хватает на всех.

— Украине тоже хватает, Полтавской области, например? — невинно поинтересовался я.

— Разумеется.

Я бы, пожалуй, рассмеялся, если бы не было так грустно. Что же это происходит? Получается, что сотни хозяйственных руководителей, обращаясь к изобретателям Жалы-

быным, просто не знают, что давно уже обеспечены теплицами. Только вот какими? Посмотрим, что пишет нам директор Оршанского тепличного комбината Е. А. Лаппо: «Как правило, пленочные теплицы в нашей стране хотя и выпускаются заводами, но имеют много конструктивных и строительных недостатков. Оршанский тепличный комбинат желал бы приобрести пять-шесть гектаров теплиц Жалыбына и отработать на них технологию выращивания овощей применительно к Белоруссии. В настоящее время... десять гектаров зимних теплиц в нашей зоне расходуют столько тепла в зимний период, сколько город со стотысячным населением... Если теплицы Жалыбына приспособить для работы в зимних условиях с двойной пленкой, это будет самая экономичная теплица по расходу тепла (двойная пленка при морозе и ветре в ночное время сохраняет полувину тепла, а днем теплогенераторы можно выключать благодаря парниковому эффекту). Поэтому есть целесообразность «Союзтеплице» начать выпуск теплиц, предложенных тов. Жалыбыным Н. Ф. Комплектация при этом сократится со 132 деталей до 30—40. От этого выиграют все: поставщик, заказчик, эксплуатационники...»

— Интересно, что же ответит директору тепличного комбината главный конструктор Ю. А. Дубрович? — спросил я Жалыбына.

— Мне тоже это крайне интересно, — ответил он. Но в голосе его я не заметил ставшей уже привычной в последние годы нотки неверия. От болезни он оправился, был весел, много шутил. Из Полтавы шли хорошие вести, только что в Псков он отправил комплект чертежей (и когда только успел сделать?!), недавно вернулся из Ташкентской области, где из профилей Жалыбыных собрали всего за три дня теплицы площадью в пятьсот квадратных метров. По-прежнему ехали в колхоз делегации, и он с сыновьями не уставал показывать свои достижения (их становилось все больше). Но главное, что наполняло его оп-

тимизмом, заключалось в другом. Наконец-то через полгода в редакцию пришел ответ на нашу публикацию из Алма-Атинского агропрома, подписанный его председателем З. К. Минбаевым: «В журнале «Огонек» № 12 за март и № 23 за июнь 1986 года опубликованы статьи, в которых рассказывается об экономическом эффекте при строительстве кошар, теплиц, складов и других помещений из облегченных конструкций тов. Жалыбына Н. Ф. и о трудностях их внедрения в производство. Критика признана правильной».

Далее в письме говорится о том, что в колхозе имени Ленина полным ходом идет строительство нового цеха по производству облегченных профилей конструкции Жалыбыных, что выделено полмиллиона рублей капитальных вложений, что «строительство нового и расширение существующего цеха взято Алма-Атинским агропромом под особый контроль», перечисляется, сколько в области построено из профилей теплиц, кошар, птичников, пунктов для стрижки овец, телятников, складов... И сразу резко к лучшему изменилось отношение к изобретателям.

— Эх, если бы это началось полтора десятка лет тому назад, — вздыхает Николай Федорович, — ведь мы люди небесталанные. У нас есть масса других интересных идей, реализация которых могла бы принести большую пользу государству. Но идея перевести сельское строительство на профили сама по себе революционна, она позволит резко ускорить строительство, упростит его, сэкономит государству миллиарды рублей. Вот почему все эти годы мы бились за нее...

Ну что тут скажешь? Прав Жалыбын. Однако, мне кажется, рано еще бить в победные литавры. Давайте порассуждаем. В следующем году в Алма-Атинской области заработает на полную мощность цех по производству профилей производительностью 500 комплектов в год. Потребности республики он, естественно, удовлетворить не сможет (нужны десятки тысяч комплектов). Будут ли строиться еще в Казахстане подобные цеха, пока неизвестно... Вступит в строй завод в Полтавской области и, возможно, в Пскове. Вот и все. Между тем продолжают повсеместно возводиться железобетонные хоромы для скота и проектируются новые (хотя за рубежом давно от этого отказались, случайно ли?). В городе Фрунзе (по соседству с Алма-Атой) есть Гипрориниовцепром. Здесь давно известно об изобретении Жалыбыных, но даже попытки войти с ними в контакт никто не сделал. Этот институт также проектирует кошары с применением железобетона... В новом совхозе «Нурлы» под Алма-Атой соорудили клуб-столовую из жалыбынских профилей, а рядом коровник из железобетона. Может быть, следовало поступить наоборот?

Нет, рано еще бить в литавры. Какое будущее ожидает профиль Жалыбыных? Вопрос еще окончательно не решен.

Поэтому редакция по-прежнему желает знать компетентное мнение компетентных людей из Госстроя и Госагропрома СССР (причем независимо от того, выписывают ли они «Огонек»).

Да, кстати. Что-то пока не видели в колхозе имени Ленина экспертов из «Союзтеплицы», а мысль-то интересная...

Алма-Ата.

С миссией дружбы в Советском Союзе находились литераторы Франции — члены Академии Гонкуров. Почетным гостем нашей страны стал также известный английский писатель Грэм Грин.

С писателями встретился и беседовал наш корреспондент Владимир КОВАЛЕВ

Эрве БАЗЕН:

С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Творчество этого романиста одинаково понятно и доступно многим читателям. Привлекает гражданская позиция Эрве Базена, президента Академии Гонкуров, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— Мсье Базен, из Франции приходят тревожные известия о взрывах, невинных человеческих жертвах... Мир неспокоен... Как в таких условиях должен вести себя писатель?

— Подавлять в себе комплексы вины и слабости и действовать на авансцене жизни. Голос писателя-трибуна слышен во много крат сильнее голоса иного политика. Но при этом он не должен играть роль «властителя дум», а правдиво и без лишних эмоций доносить людям правду.

— С 1958 года вы в Академии Гонкуров, ныне возглавляете ее. Из первых, как говорится, устало бы узнать о влиянии этого сообщества на развитие литературного процесса во Франции.

— На создание Академии уповал в своем завещании Эдмон Гонкур, и за девять десятилетий существования она стала действительно влиятельной. Ежегодная литературная Гонкуровская премия, присуждаемая осенью, во многом является барометром реализма.

— Реализм всегда был основой связи двух культур наших народов. В России во все времена вниманием и любовью пользовалась французская литература...

— Русскую классику, литературу первых десятилетий после революции 1917 года прекрасно знают и во Франции. Наши страны словно не разделяют тысячи километров. Поскольку

вера в человека

говорят гости

Академия занимается современной литературой, наши авторы, понятно, не могут обойтись без общения, без «подпитки» животворными связями. Мы приехали к новому поколению советских писателей с открытым сердцем. Мне лично хотелось бы найти молодые таланты, чтобы поднять совместный голос в защиту мира.

— Что бы вы пожелали своим внукам?

— И сыновьям, и внукам — мира. В свободное время я смотрю через телескоп на звездное небо с чердака своего дома. В случае войны тучи пепла скроют не только звезды, но и солнце. Этот гибельный фон убьет даже тех немногих, кому посчастливится выжить. Ни в коем случае мы, уже пережившие одну войну, не должны прекращать борьбу за спасение жизни и цивилизации.

Андре СТИЛЬ:

ИЩЕМ ФОРМУЛУ ДОВЕРИЯ

Шестьдесят пять лет жизни и без малого полвека литературной деятельности. Коммунист, в прошлом — редактор газеты «Юманите». В Советском Союзе произведения Андре Стиля издавались сорок шесть раз тиражом более 1,5 миллиона экземпляров.

— Писатель в изменчивом и противоречивом современном мире. Каким вы видите его место и роль?

— Положительно восприимчивым к переменам и твердым в убеждениях. Не разрушителем и ниспровергателем, а умеющим личным примером доказать неизбежность победы добра. Именно такими остались в моей памяти Луи Арагон и Пабло Неруда, Константин Симонов

и Илья Эренбург. Они начинали поиск доверия как одной из формул жизни писателей в странах с различными политическими системами. Доверие к человеку — это признание образа его мышления, привычек и многого другого.

— Приходилось слышать, будто сами деятели культуры создали образ «равновесия страха», чтобы питаться «благотворными соками» человеческих страданий...

— Ничего подобного! Верно, кому-то хочется принизить, а то и вовсе зачеркнуть деятельность миролюбивых сил, пускаясь в нелепые рассуждения, будто чувство страха у человека — вполне обычное его состояние. Французский, так называемый «новый роман» конца 60-х — начала 70-х пространно освещал этот тезис.

— Нашлось ли продолжение у модного в свое время литературного течения?

— Еще в бытность моей работы литературным критиком — лет десять назад — от него осталась одна теория. Можно оставить позади классические формы и устремиться вперед, к молодым. Только неизбежно, в полном соответствии с диалектическими законами потребуются вечные истины. Академия Гонкуров упадку «нового романа» не способствовала, как иногда о нас пишут. Наступило разочарование читателя. «Гонкуры» могут гордиться, что удержали от непродуманных действий и пустой траты сил тех, кто мог свернуть с позиций реализма ради сиюминутного коммерческого успеха.

— С чем вы отправляетесь домой после очередного приезда в нашу страну?

— С желанием вновь вернуться. К старым друзьям и к новым. Сейчас новое поколение и новая литература — Распутин, Астафьев, Айтматов... Нельзя упускать времен связующую нить. Печалит лишь то, что во Франции издается в два раза меньше советских авторов, чем французских в СССР.

— Надеетесь на перемены к лучшему?

— Мыслить по-иному мне не позволяет моя писательская совесть!

Грэм ГРИН:

Я РАД, ЧТО ПОБЫВАЛ В МОСКВЕ

Один из самых значительных писателей современности снова в СССР. Бывший во время войны профессиональным разведчиком, Грин пишет о глубоких социальных переменах в мире после победы над фашизмом.

— Вы испробовали себя в самых различных литературных жанрах: были автором стихов, пьес, романов, рассказов, эссе, биографий. Если бы пришлось начинать сначала, остановились бы на чем-либо одном?

— По-видимому, лучше всего у меня получаются романы. С их помощью я всю жизнь учился выражать время. Если в ранних романах я безуспешно пытался его сцементировать, укротить, не дать ему растечься, то сейчас стараюсь охватить мыслью героев по возможности большие периоды.

— Часть из созданного вами выходит за рамки чистой литературы и являет собой образцы художественной публицистики или документальной прозы. Нет ли в этом случайности?

— Художественная литература направлена на спасение будущего, в то время как прогрессивная журналистика и документальная проза сражаются со злом немедленно. Я не мог терпеть несправедливость, когда открыто обвинял французскую мафию. А может ли честный человек пройти мимо зверств контрабанды в Никарагуа, без содрогания наблюдать на экране телевизора бомбежки мирных ливийских

Мои наилучшие пожелания счастья и мирного будущего читателям журнала «Огонек».

Грэм ГРИН

All my good wishes
for a happy and
peaceful future to
the readers of Ogonok
from Graham Green
5 September 1986

Фото А. Карзанова

городов или расправы над черным населением в ЮАР?

— Если бы вам представилась возможность редактировать газету или журнал, с чего бы начали?

— Вряд ли взялся бы за столь сложное дело. Во-первых, я уже стар, а во-вторых, болен писательством и не считаю себя профессионалом в журналистике. Любопытный факт мне хотелось бы превратить в художественный образ.

— Не так давно вы блестяще продемонстрировали это в книге «Мое знакомство с генералом». Произведение знакомо и советским читателям...

— Рад, что еще не разучился в вопросах политики давать прогнозы. В свое время я имел прямую или косвенную причастность к событиям истории, о которых все узнавали спустя время. На моих глазах разваливались колониальные империи, рушился старый мир. Сейчас понятно — в истории все шло своим чередом, и впредь так будет. Собственно, об этом мои «Комедианты», «Почетный консул», «Человеческий фактор».

— Какой день из проведенных вами в СССР наиболее запомнился?

— Когда мы встречались с молодыми студентами Московского университета. Ни одного праздного вопроса! Кажется, они могли бы расспрашивать меня целый день. На эту встречу пришел космонавт Георгий Гречко и принес книгу «Наш человек в Гаване» — весьма потрепанную, с подчеркнутыми фразами. Я узнал, что по этой книге космонавт изучал английский на земле, а затем взял ее с собой на космическую станцию. Книгу он подарил мне, и она станет самой ценной реликвией, увезенной из вашей страны.

Кем стать! Кто, как не мастер своего дела, лучше расскажет о нем. И не на сборе в школе, а прямо в своем дворе.

ПЕРЕСТРОЙКА: проверка делом

С. КАЛИНИЧЕВ, фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Любоваться бы этим карьером! Стоишь на ровной твердой земле, а впечатление полета... Под вуалью воздушного марева развернулась многокилометровой ширины пропасть. По ее висячим балконам-уступам ползают японские сто-двадцатитонные грузовики «Камацу» и такие же наши «БелАЗы». Сверху они похожи на желтых майских жуков. Потом, когда под натужное повизгивание тормозов съедешь в ближайший забой и станешь рядом с грузовиком, ось его колеса (оно весит больше трех тонн) окажется на уровне твоих глаз, а посмотришь на кабину — и шапка с головы падает. Но для карьера такой самосвал — букашка. Тут стоэтажный небоскреб под самую крышу можно упрятать.

— Большая рана Земли, — вздыхает мой собеседник экскаваторщик Центрального горно-обогатительного комбината имени 50-летия Советской Украины Павел Евстафьевич Гиль. — Когда-то на этом месте стояли дома, больница, магазин...

Павел Евстафьевич своим экскаватором выгрел не один миллион тонн руды из этого карьера. Четверть века он углубляет, раздвигает

рена, как в беге на короткие дистанции. Но Гиль все это делает... на 10 секунд быстрее!

Он никогда не приберегал резервы — использовал их до капли. Но, когда партия взяла курс на ускорение, Павел Евстафьевич твердо решил, что все им ранее достигнутое не в счет, это вчерашний день. Руководство комбината посоветовало ему объединить в одной бригаде экскаваторщиков, автомобилистов и железнодорожников. Гиль ухватился за эту идею с присущей ему горячностью. Получился сквозной хозрасчетный комплекс — от выемки руды и до подачи ее на аглофабрику.

Прошло чуть больше года... Техника, по сути, осталась та же, условия в забое те же (если не хуже, потому что глубины неуклонно растут), а вот производительность труда каждого в этой большой, до ста человек, бригаде резко рванулась вперед.

А Павел Евстафьевич неугомонен. Тяжелые самосвалы периодически уезжали на заправку (шестьсот литров горючего не всегда хватает для такой машины, чтобы отработать одну смену). Гиль поставил вопрос так: зачем всем выезжать из карьера? Не лучше ли, чтобы один заправщик спустился в карьер?

А надо ли разным звеньям принимать и сдавать смену наверху, в нарядной? Не лучше ли прямо в забое, у рычагов сменять друг друга? То же самое с питанием: не лучше ли столовую поставить на колеса, чтобы она объезжала участки? Ведь это только слово короткое — карьер. А в нем — десятки километров крутых дорог, 24 горизонта, где работают до сорока тяжелых экскаваторов. Пока выберешься, а потом вернешься, полсмены уйдет.

...Мы съехали к его экскаватору. Работала смена Анатолия Николаева, ученика Гили. Огромная машина, как усталый слон, опустила хобот на неустойчивую осыпь черной руды.

— Профилактика, — пояснил Павел Евстафьевич и нетерпеливо стал подниматься в высокую, как третий этаж, кабину.

Дело в том, что мы приехали к нему, когда он пребывал в отпуске последние два дня. Вот и не терпелось взглянуть на своего «коня». В моторном отсеке, на этаж ниже кабины, возились электрики. Директор рудника Ю. Г. Сербин знакомит меня:

— Наш главный энергетик Олейник.

— Степан Владимирович, — представился тот.

Олейник и Гиль не первый год улучшают хозяйство экскаватора. Чтобы обеспечить обдув главных двигателей, их охлаждение, завод устанавливает одиннадцать (!) электромоторов. Выход из строя любого, а это случается довольно часто, ведет к остановке.

— Мы перекроили систему вентиляции, — говорит Олейник. — Поставили два более экономичных, мощных двигателя. Долго испытывали свою схему, убедились в ее надежности и вот устанавливаем капитально.

— Как получим новый экскаватор, сразу начинаем многое переделывать, — поясняет Сербин. — Взять освещение — десятки приборов закреплены жестко. Экскаватор вибрирует, свет пляшет, лампочки сгорают, как свечки. А Гиль предложил закреплять их мягко, грубо говоря, чтобы болта-

лись. Экскаватор вибрирует, а им это не передается, они светят ровно и долго. И так во всем, к чему бы он ни прикоснулся. Лет двадцать назад, — закончил свой рассказ директор рудника, — я у Гили помощником машиниста работал.

Выезжая из карьера, делая замысловатые повороты, наш микроавтобус то встречал, то обгонял тяжелые «Камазу» и «БелАЗы». Едва не на каждом втором из них — флажок. Это из бригады Гили. Бригада утверждала ударные темпы.

Тут и мог быть закончен этот репортаж. Но накануне нашего отъезда Павел Евстафьевич пригласил нас «на арбузы». В Кривом Роге они дешевы, продаются на каждом углу и такие крупитчатосладкие, что можно есть одними губами. За этим угощением и разговор шел приятный — обо всем.

— А как вам видится ускорение в экономике, перестройка? — спросил я хозяина.

Он задумался, вздохнул...

— Рано еще радоваться. Иной вылезет на трибуну, пошумит и считает, что уже перестроился. Таких много, больше, чем нам кажется. Вот уже лет десять экскаваторщики жалуются, что электромоторы завода «Динамо»... как бы это помягче — слабое место в нашей машине. Полтора года уже говорим о перестройке. Между тем моторы эти как горели, так и горят, не выдерживают положенных им нагрузок. А как прикажете понимать, что и сами экскаваторы Ижорского завода стали значительно хуже тех, которые выпускались лет десять и больше назад? Я бы тот не поменял на нынешний. В какую же сторону выходит тут ускорение?

Об этом депутат Гиль говорил и на сессии Верховного Совета СССР. Даже письменные ответы получил с завода и от министра. Я читал их. Экскаваторы, выпускаемые его ведомством, министру нравятся... Осторожность, приближенность, с какой упоминаются

намечаемые улучшения, говорят о неповоротливости. В ответе с завода, например, есть такие слова: «Кроме того, в настоящее время проходит эксплуатационные испытания головной промышленный образец статического преобразователя (вместо трехмашинного агрегата)».

Прошу читателей простить меня за технические подробности, но этот громоздкий, капризный «трехмашинный агрегат» Гиль выбросил десять лет назад! Энергетики помогли ему заменить это сооружение деталями обычного сварочного аппарата. Можно представить себе, сколько людей и бумаг вращается на заводе вокруг того, что в карьере давно решено и прошло многолетнюю проверку в живом деле!

Между прочим, в ответах на депутатское выступление Гили говорилось, что группа заводских конструкторов приедет к нему в карьер, чтобы выслушать претензии на месте, увидеть свое детище в работе. Который месяц ждет их экскаваторщик! А ведь они не то чтобы за много лет раз, да еще наездом — они тут постоем стоять должны.

— Не подумайте, что я на кого-то указываю, а у нас, мол, все хорошо. Нет. Вот наша сквозная, комплексная хозрасчетная бригада доказала огромную выгоду новой организации труда, а где ее последователи? То-то! Среди рабочих тоже немало таких, которые засели в обжитых окопах и не хотят выезжать. Были случаи, когда людей из моей бригады ночью, после смены, оставляли в карьере. Наши в забое сменяются, а другие наверх спешат и командуют водителю автобуса: «Пошел, не жди!» Так что, если вы хотите рассказывать о нашей работе, то с восторгами надо бы повременить.

Я напомнил, что он не ответил на мой вопрос о перестройке.

— Наше ускорение только наметилось. Главная работа вся впереди.

Столы накрыты. Приятного аппетита!

ет его, придумывает лучшие приемы труда, учит других. Последние три пятилетки он неизменно завершал с опережением на год, стал Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственной премии республики, криворожцы избрали его депутатом Верховного Совета СССР и послали делегатом на XXVII съезд партии...

Гиль мыслит как хозяин не только своего забоя или даже рудника. Он не умеет говорить полуправду или работать вполсилы. Готов прийти на помощь каждому. Местные коллеги-журналисты убеждали меня, что если искать человека, который глубоко понял суть происходящей в стране перестройки, который в полную силу работает на ускорение, то кандидатура Гили подойдет без всяких оговорок.

Его бригада, едва ли не лучшая в Кривбассе, побилла не один рекорд бассейна и всей отрасли. Казалось бы, что нового можно открыть в управлении тяжелым экскаватором? На то, чтобы зачерпнуть двадцать пять тонн скалы, поднять, переместить, высыпать и вернуться ковшом в забой, отведено 32 секунды, и каждая выве-

МАСТЕР

**Дмитрий БИСТИ,
народный художник РСФСР**

Думая об Андрее Дмитриевиче Гончарове, замечательном мастере, вспоминаешь людей его поколения, воспитанных послеоктябрьской эпохой. Твердая убежденность, широта взглядов были их неотъемлемыми свойствами. В окружение художника входили Александр Дейнека, Юрий Пименов, Сергей Урусовский, Сергей Образцов, работавшие в разных видах искусства. Крупной личностью, по-настоящему интеллигентным человеком являлся и сам Гончаров — в творчестве, в жизни. Это, на мой взгляд, объясняет и поразительную цельность его натуры, и некоторую противоречивость поступков, оценок. Когда дело касалось друзей, того, что было ему близко и дорого, он был мягок. Но становился непримиримым, когда речь шла об общественной позиции и взглядах на искусство.

Масштаб гончаровского дарования определил круг увлечений художника: он стал талантливым графиком, живописцем, монументалистом, сценографом. Но наивысшие успехи выпали на его долю в графике, точнее — в книжной графике, в гравюре. Творческая деятельность и принципы, им исповедуемые, становятся понятны, если вспомнить о школе, которую он прошел. Будучи гимназистом, учился в частных студиях К. Юона и И. Машкова; затем в Высших художественно-технических мастерских его учителями были тот же И. Машков, А. Шевченко, В. Фаворский. Они дали серьезные профессиональные знания, привили этические принципы, необходимые каждому честному художнику.

Уже много позже, сам занимаясь преподаванием, Андрей Дмитриевич старался прежде всего развить в студентах человеческие качества, воспитать интеллигентных людей. Он говорил: «Если у человека не будет нравственной основы и культуры, художником он не станет, как бы я ни научил его рисовать». Уверен, что именно отсутствие твердых нравственных устоев является причиной обилия на наших выставках «серых» вещей. Казалось бы, все умеет человек: и краску положить, и линию провести, а искусства все-таки нет.

Высокие требования, которые Гончаров предъявлял к художнику вообще, выразились и в том, что как педагог он не терпел посредственностей. В институте обращал внимание на одаренность, на способности учеников; чрезвычайно важным для него было выявление личности.

...Жизненный уклад начала 20-х годов и система художественного образования подвели студентов к жажде практической деятельности; всех тогда захватили, воодушевляли идеи связи искусства с про-

изводством, и Гончаров перешел с живописного на графический факультет, возглавляемый Владимиром Андреевичем Фаворским. Так был сделан первый шаг к работе в книге.

Фаворский утвердил в книжной графике гравюру на дереве: из подсобной техники, применявшейся при репродуцировании, она стала подлинным искусством. Подход к созданию книги, понимание ее как единого, цельного организма, со своим собственным пространством и временем, произвели революцию в издательском деле. Возникло понятие «искусство книги».

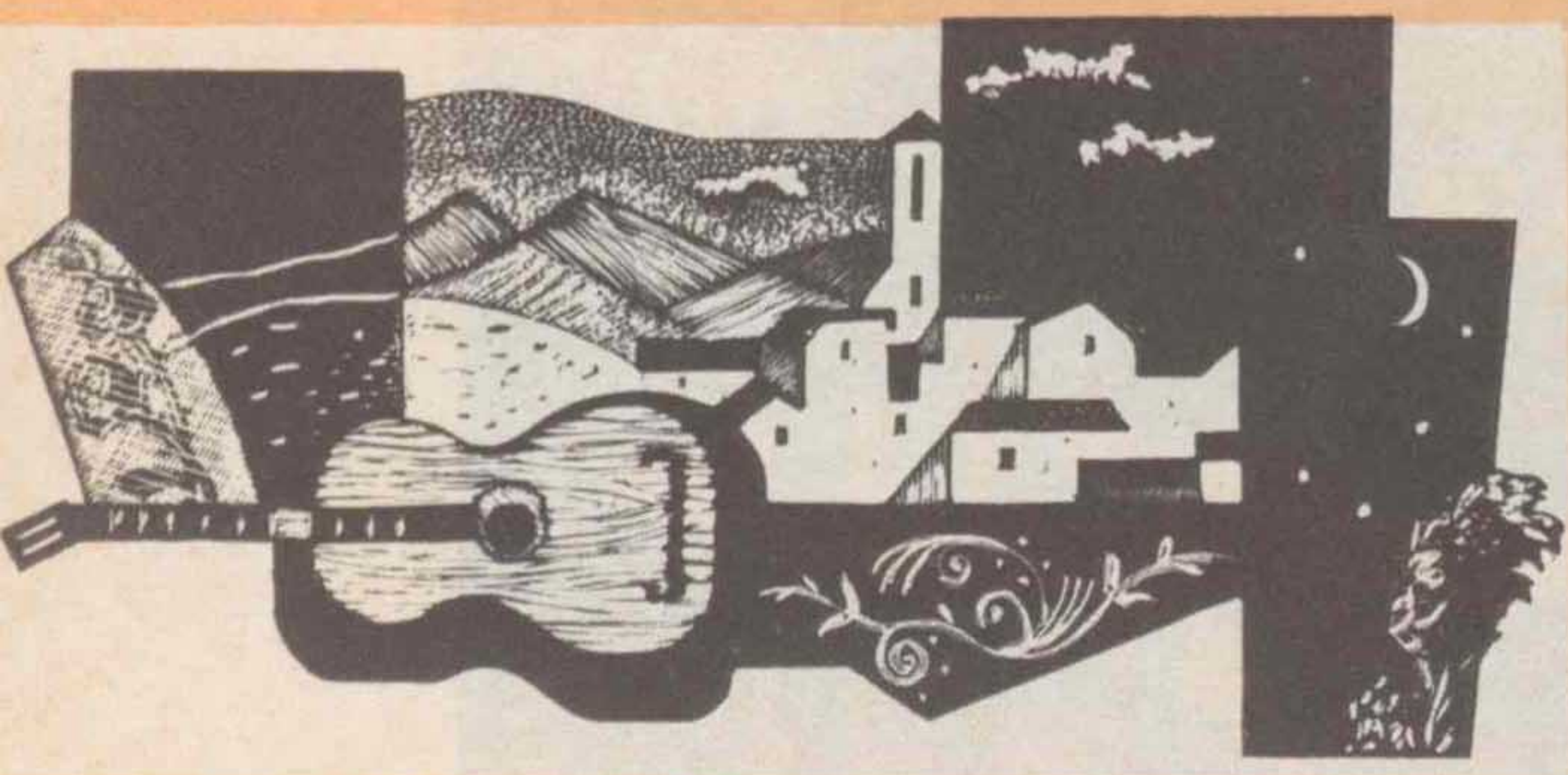
Отдавая дань влиянию учителя, Гончаров после недолгого периода подражания его манере пришел к самостоятельному пониманию вставших перед ним задач и начал искать собственные пути. Первым опытом стали иллюстрации к блоковской поэме «Двенадцать». В те годы это творение А. Блока захватывало умы молодежи своей революционностью, новым содержанием, небывалыми до той поры образами, сложным новаторским строем — тревожным и напряженным. И молодой художник сделал гравюры в духе поэтического строя поэмы.

Он постоянно работал над особым, специфическим языком ксилографии — гравюры на дереве, усиливал значение силуэта, энергию контура, создавая им массы, объемы, пространство. Постепенно тонкость штриха, серебристость общего тона уступают место насыщенности, плотности изображения.

Литературу Гончаров знал хорошо и тонко чувствовал. Особенно любил и понимал поэзию, многое помнил и читал наизусть. Прекрасно ощущал ритм, саму музыку стиха.

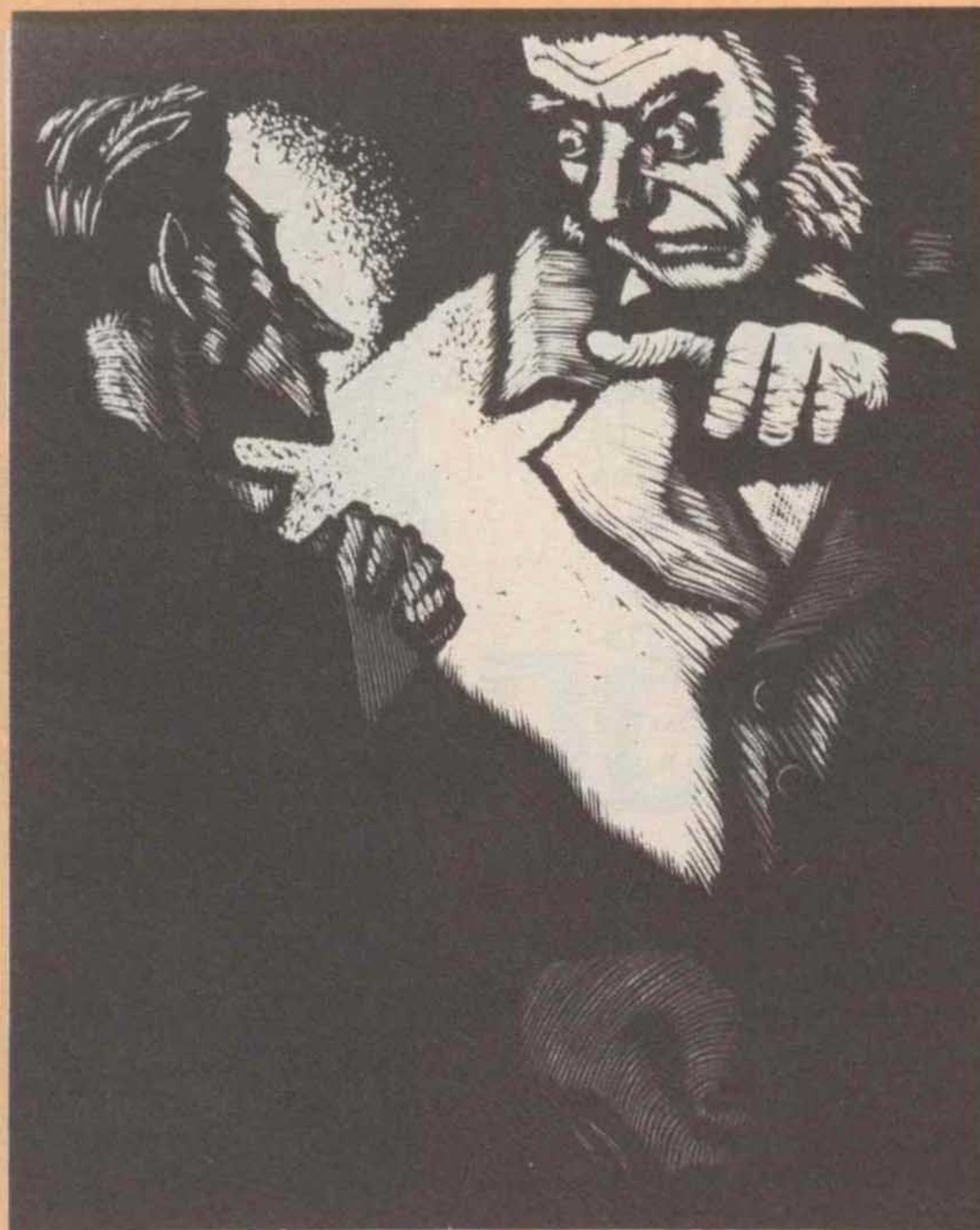
Иллюстрируя замечательные произведения классики — Платона, Эсхила, Петrarки, Шекспира, Сервантеса, Стендаля, Мериме, Гете, А. Островского, Достоевского, Сухово-Кобылина, Блока, Маяковского, Хемингуэя, — Андрей Дмитриевич для каждого писателя находил нужную интонацию, образный графический строй и стиль. К некоторым из этих шедевров он обращался неоднократно: так было с «Гамлетом» — Гончаров каждый раз открывал здесь для себя что-то новое, старался глубже раскрыть характеры и добивался все большей выразительности языка гравюры. Он живо интересовался решением книжного пространства, отличного от пространства в других видах изобразительного искусства, и очень точно его чувствовал. Это позволяло ему создавать органичный по строю, целостный организм книги.

Всю жизнь, будучи уже известным мастером, Гончаров стремился к совершенству, старался глубже постичь законы изобразительного

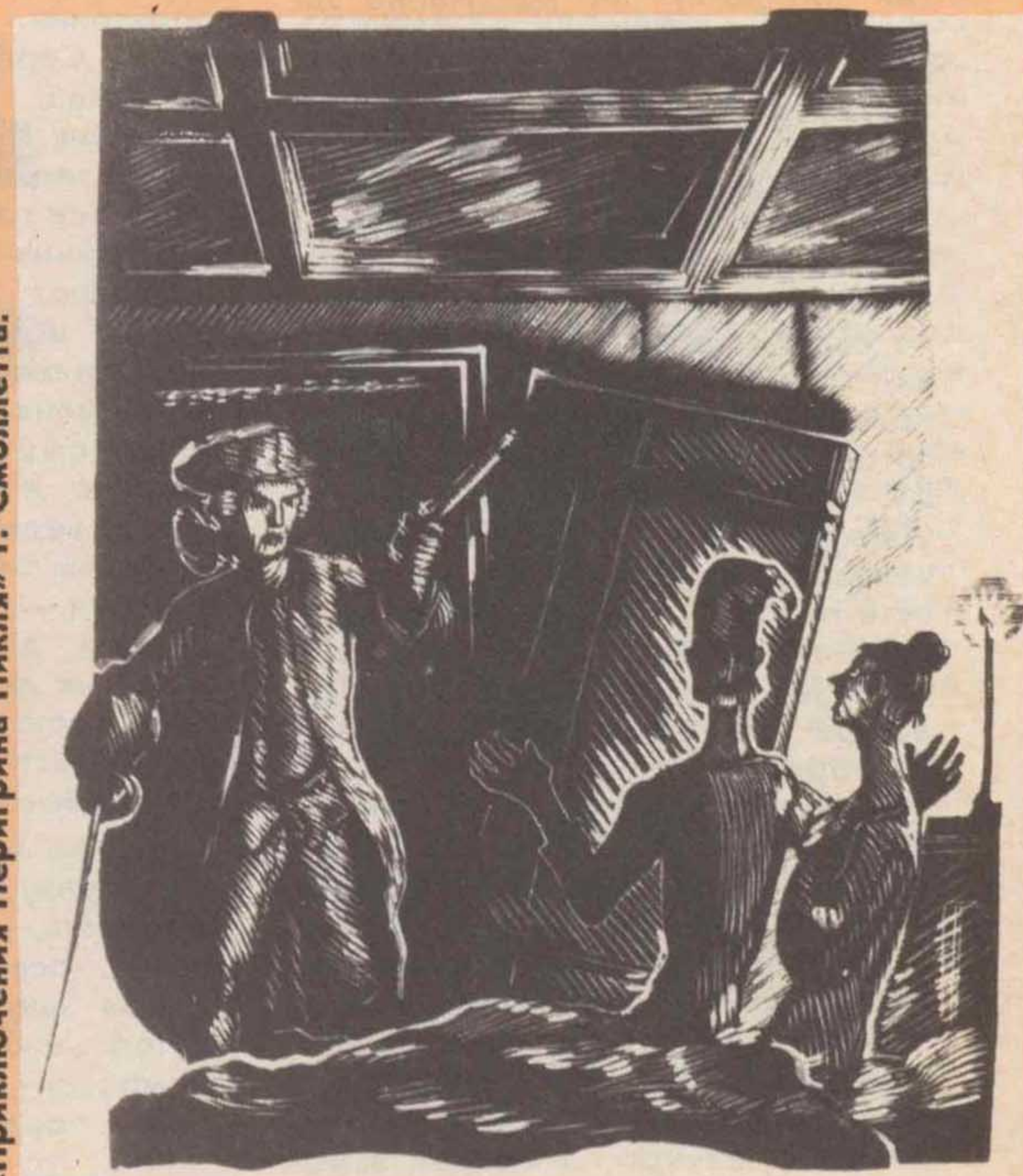

Стихи Ф. Гарсиа Лорки.

«Дело» А. Сухово-Кобылина.

В тексте воспроизведены
иллюстрации
А. Д. ГОНЧАРОВА

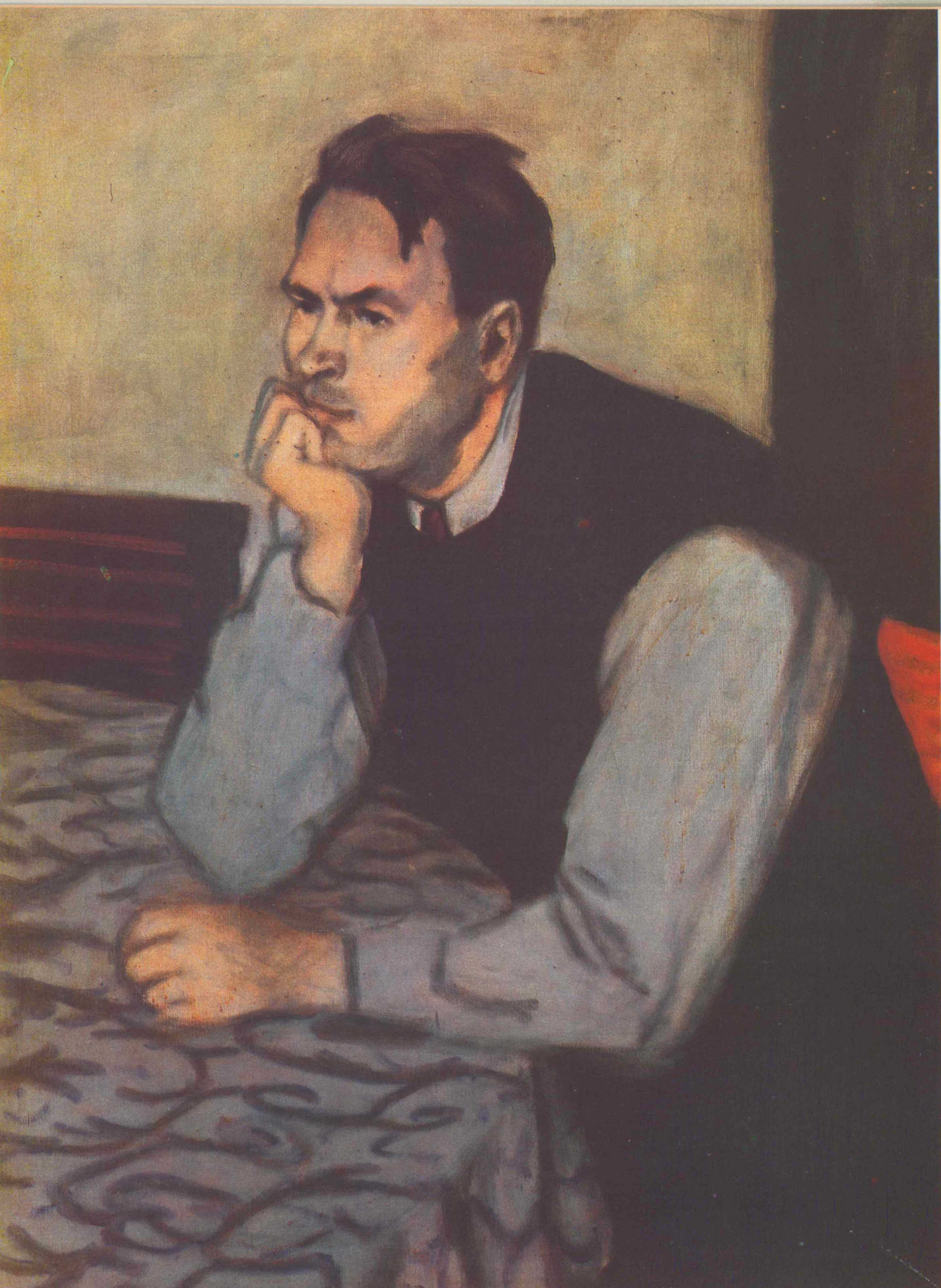

«Приключения Перигрина Пикля» Т. Смоллетта.

А. Гончаров. ПОРТРЕТ КИНООПЕРАТОРА С. УРУСЕВСКОГО. 1952.

профессионального языка, точнее воплотить в иллюстрациях замысел писателя. Его наивысшие достижения — гравюры к «Братьям Карамазовым» и пьесам Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». Эти литературные произведения очень сложно выразить в зримых образах: психологическая насыщенность, экстремальность ситуаций требуют от художника безупречной техники и яркого ума, способности проникнуть в сокровенные тайны литературы, найти и показать самое существенное. В гравюрах Гончарова всегда велика роль света, резко рисующего силуэт и выхватывающего из темного пространства отдельные куски изображения. Соотношения черного и белого, строгая, но иногда и декоративная ритмика позволяют добиться выразительности чувств, драматизма и масштабности решения. Богатство графического языка говорит о безграничных возможностях мастера, он меняется в зависимости от задач, возникающих в каждом отдельном случае.

Любая гончаровская гравюра смотрится монументально, и я убежден, что если ее увеличить, то можно перевести во фреску.

За тридцать лет нашей дружбы мы часто встречались с Андреем Дмитриевичем, но с внешней, событийной стороны эти встречи не были примечательны. Как любому человеку, живущему интенсивной внутренней жизнью, внешние проявления ему не были важны. В моей памяти остались наши беседы, споры, его суждения и оценки.

Существует одна интересная фотография Пикассо, снятая, по-моему, в Антибе. Он стоит на пляже, держа в руках жука богомола, и любуется им. Глаза его сверкают — он видит чудо природы, чудо жизни.

Андрей Дмитриевич мог также мгновенно загореться, увидев что-нибудь красивое и интересное. В жизни для него не было незначительных мелочей, он мог восхититься и мелким предметом, вроде спичечной коробки, и прекрасными цветами. Кажется, не существовало пред-

близких людей. Им заслушивались — и тем, что он говорил, и тем, как говорил.

Гончаров предъявлял очень высокие требования к людям и далеко не всех принимал у себя. Но для людей, ему внутренне близких, его дом был открыт в любой момент.

Пунктуальность и обязательность считал естественным и неременным проявлением культуры поведения, культуры общения. Столь же требовательно относился и к себе. Это было не только человеческим, но и деловым его свойством. Если обещал что-то сделать, напоминать не требовалось.

Живопись Гончаров любил страстно, но наивысших достижений добился в гравюре. Однажды у нас произошел такой разговор:

— Андрей Дмитриевич, скажите откровенно, что вам больше нравится — книжная графика или живопись?

— Недозволенный прием! Не позволю со мной так разговаривать.

— Почему «не позволю»? Вы занимаетесь и тем, и другим — естественно, что-то вам должно быть ближе.

— Ну, графику я делаю для денег. Надо же на что-то жить.

Я возразил:

— Андрей Дмитриевич, ведь это неправда: вы не тот человек, который будет что-то создавать ради денег. Я знаю художников, которые работают ради денег.

— Ну и что?

— Они меня оставляют равнодушным, холодным.

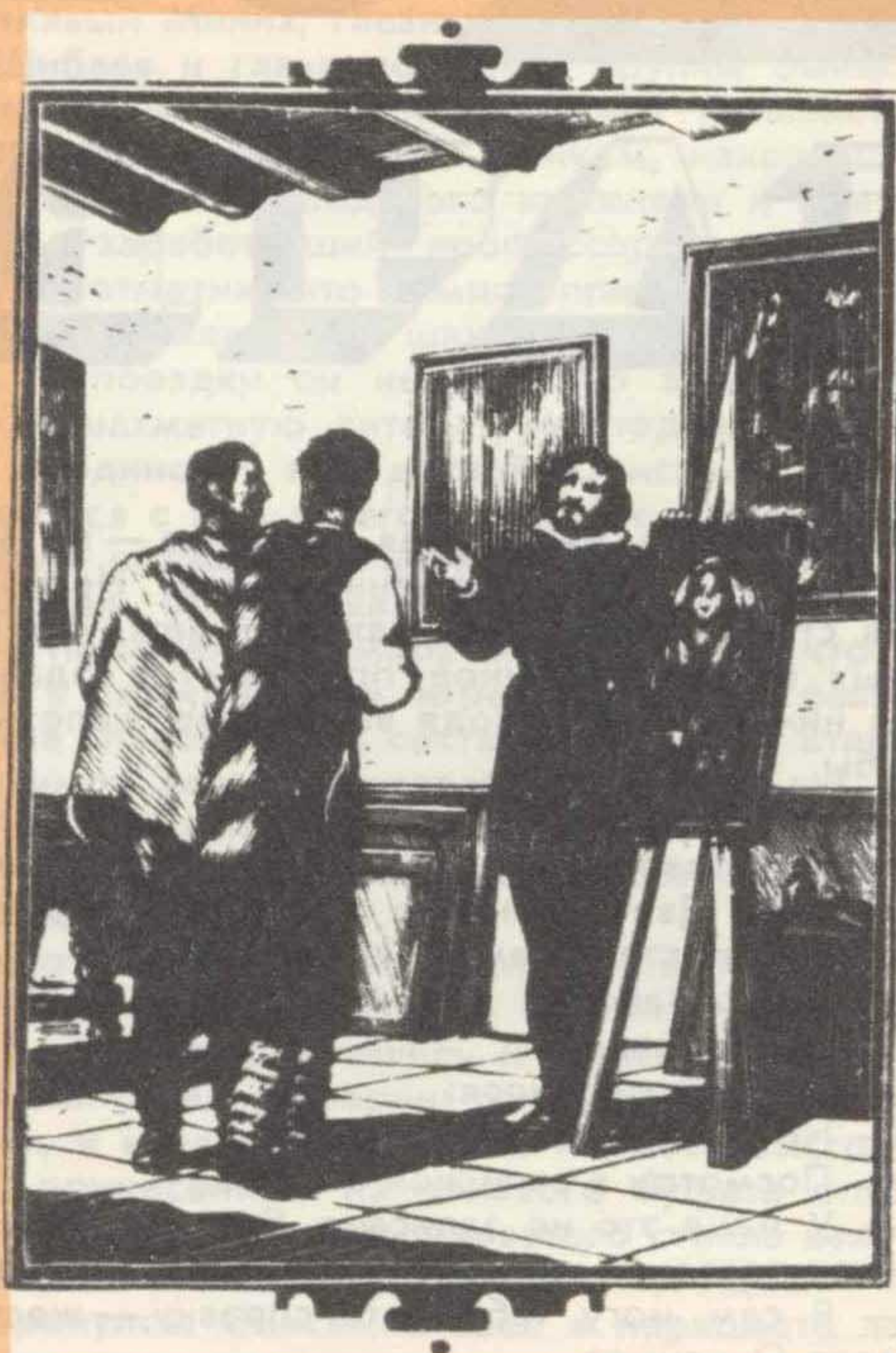
— Не бережете мне душу.

Как и для многих людей его эпохи, живопись для Гончарова была основой основ. Не занимайся он ею, того эмоционального накала, который ощущается в его гравюрах, просто не было бы.

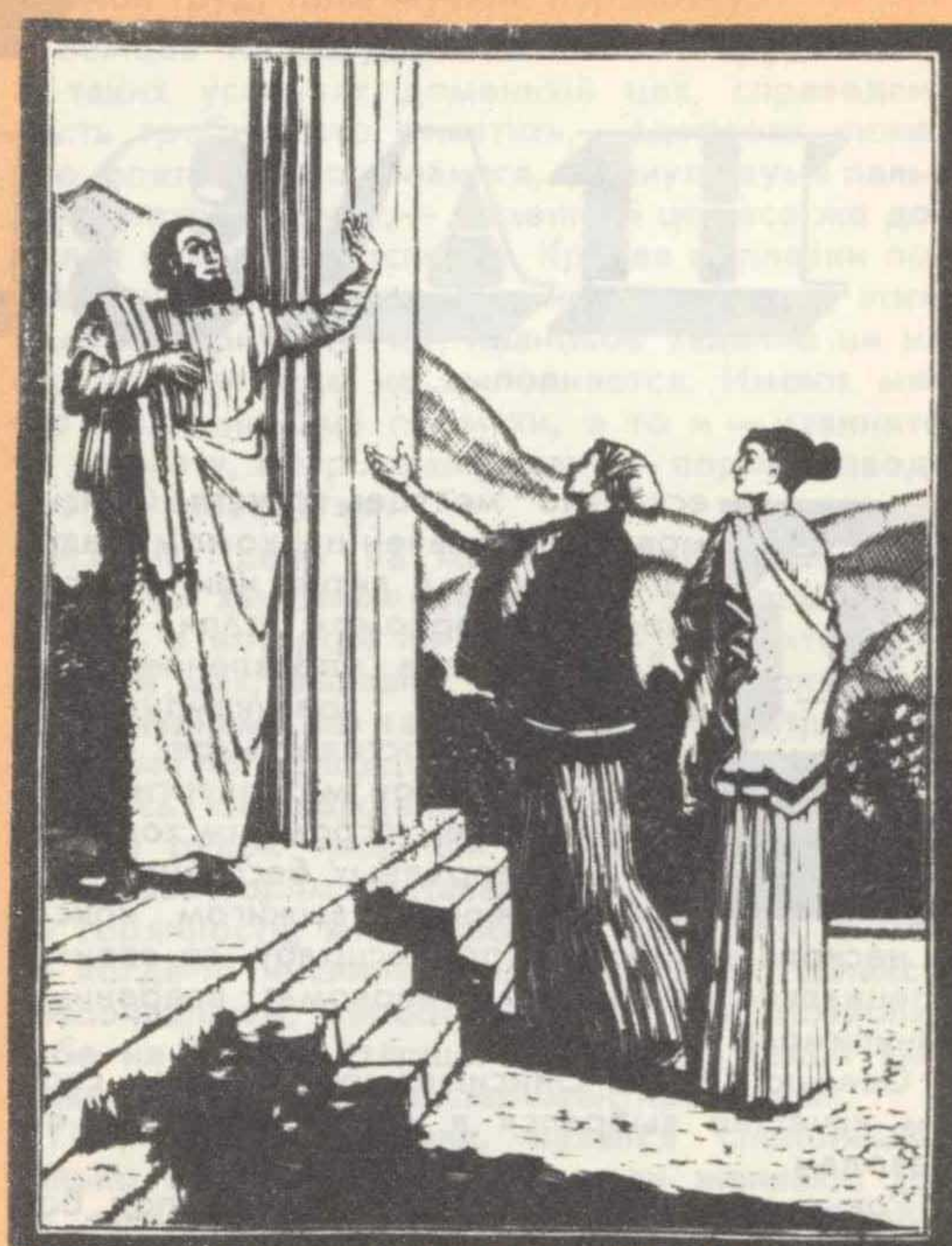
С годами образные характеристики героев его живописных портре-

«Рог быка» Э. Хемингуэя.

«Периваньес и командор Оканы»
Лопе де Вега.

«Антигона» Софокла.

мета или человека, который бы не заинтересовал его. На все он реагировал с большим воодушевлением и темпераментом.

Однако, как ни парадоксально, при таком обостренном интересе к жизни Гончаров не любил путешествовать. Даже поездка на дачу была для него целым событием. Правда, он несколько раз ездил за границу, туристом — в Италию, Францию, Англию. Были и деловые командировки — в Лейпциг, Брно. Но при разговорах с ним всегда возникало ощущение, что человек объездил весь мир. Он обладал поразительной памятью — и не только зрительной, литературу воспринимал так же образно. Прочитав книгу о Мексике, представил себе страну настолько ярко, что рассказывал о ней так, будто сам побывал в ней.

Андрей Дмитриевич не мог быть равнодушным, холодным, даже мельчайшие бытовые события воспринимал очень активно. Жил всегда в напряжении — творческом, волевым. Говорил блистательно, увлекал слушателей: на вернисажах, дискуссиях, обсуждениях выставок, среди

тов становились острее, иногда доходя почти до гротеска. Но всегда зрителю открывался мир человека, понять который Андрей Дмитриевич умел, как немногие. В его полотнах все подчинено цвету, сопоставлению ярких, контрастных сочетаний; это играет основную роль в создании образа.

Он писал людей, окружающих его в повседневной жизни, которых хорошо знал. Человек интересовал его как конкретная личность, вне зависимости от общественного положения и профессиональной принадлежности. Но, проникая в глубину характера, психологии, он не склонялся к интимной трактовке. Его живопись несет в себе социальную остроту, подчеркивая значимость человеческой индивидуальности.

А гончаровские натюрморты и пейзажи поражают чистотой чувства, радостным переживанием природы. Его живопись открывает красочный мир, которым он распоряжается с небывалой свободой.

Поэтому искусство Гончарова — всегда праздник.

В журнале «Знамя» будет напечатан роман Александра Бека «Новое назначение» — из литературного наследия известного советского писателя. В центре повествования — собирательный образ крупного руководителя и специалиста тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. Бек дает художественный срез этой эпохи во всем ее драматизме, героике, противоречиях и свершениях.

Роман «Новое назначение», как обычно у Бека, построен на документальной основе, однако автор выходит к широким обобщениям. В романе фигурируют как реальные, так и вымышленные герои. Автор ставит острейшие и сегодня весьма актуальные проблемы советской демократии и законности, этики руководства, новаторства в технике.

Публикуем отрывок из романа.

Александр БЕК

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Несколько месяцев спустя Онисимов был назначен наркомом стального проката и литья, или, как говорили, наркомом стали.

В те времена управление промышленностью разукрупнялось: получили самостоятельное бытие Наркомат черной металлургии, ведавший и всем огромным хозяйством железорудных бассейнов, добычей флюсов, выжигом кокса, и несколько меньший по масштабу, со своими специальными задачами, наркомат, вверенный Онисимову.

Осенью 1940-го Онисимов уже в новом своем качестве выбрался в долгую поездку по заводам.

Ровно год назад в Европе, совсем под боком у Советского Союза, запыхала вторая мировая война. Дивизии Гитлера чуть ли не одним рывком сломили Польшу. А через некоторое время танковыми колоннами ворвались во Францию, заставили ее капитулировать. И снова война на некий срок как бы затаилась. Надолго ли? Не пробьет ли вскоре и наш час?

В маршрут поездки наркома была включена и Кураковка. Онисимов там вновь повстречался с Головной-младшим.

Выдался теплый денек бабьего лета. Вдвоем они шли по тесному двору старой Кураковки, столь непохожему на просторные, с разветвленными автомобильными дорогами заводские территории вновь сооруженных комбинатов металлургии, — рослый, хотя и со втиснутой в плечи головой, не расстававшийся с темной мягкой шляпой, темной, поношенной пиджачной парой, неизменной одеждой диккенсовского скромнейшего клерка, Онисимов и шагавший с ним в ногу в легкой выцветшей синей спецовке, в келке, порывавшей от красноватой рудной пыли, окрасившей здесь ржавым оттенком землю и железо крыш, тонкий в кости, но с тяжелой нижней челюстью тридцатилетний директор.

Асфальтовая неширокая дорожка — по ней они шагали — вела к доменному цеху. Несколько в стороне виднелось зажатое между рельсовых путей кирпичное приземистое здание. Над ним чернели, уходя ввысь, две железные трубы.

— Здесь у тебя что?
— Это, товарищ нарком, тут самая древняя постройка. Две маленькие мартеновские печи.
— Какую сталь там сейчас делаешь?
— Легированную. Для подводных лодок.
— Номер заказа?
Головной затруднился:
— Не помню, товарищ нарком.
— Посмотри в записной книжке.
— У меня это не записано. Если разрешите, сейчас позвоню, справлюсь в плановом отделе.
— Я сам могу тебе дать справку, — жестко сказал Онисимов.

И на память назвал номер заказа. Он, конечно, не добавил, что лишь вчера, готовясь к обходу цехов, проштудировал номенклатуру заказов, порученных Кураковке. Впрочем, все показатели такого задания, как сталь для подводных лодок, выполняемого по особому правительственному предписанию или, точнее, распоряжению, он мог бы, пожалуй, и не нуждаясь в шпаргалке, привести наизусть в любой день и час.

Далее Онисимов продолжал свой немилосердный экзамен:

— Задание в тоннах? Срок отгрузки?
На эти вопросы молодой директор, усмехнувшись, без запинки ответил. Усмешка показала самоуверенной, дерзкой. Онисимов подавил раздражение. Этому баловню, принадлежащему к именитой семье, или, как с некоторого времени стали выражаться, династии доменщиков, он сегодня еще всыплет. Истинная выволочка предстоит Головне в доменном цехе. А пока...

— Зайдем, — коротко бросил нарком.
Рельсовый путь, куда они ступили, привел сквозь распахнутые настежь железные ворота

на рабочую площадку двух сталеплавильных печей-маломеров.

Шла разливка стали. Пахло газом, стоял дымный туманец, было душно. Бегущий из ковша жидкий металл бросал багряные отсветы на черные, поросшие копотью балки и стропила низкой кровли, на такую же прокопченную кирпичную кладку стен. Пожилой мастер в нахлобученной кепке, в брезентовой почерневшей спецовке, заслонив рукой лицо, смотрел, как лилась в изложницу жаркая струя. Онисимов шагнул к нему:

— Как ты глядишь?
— А что? Обыкновенно.
— Обыкновенно, — едко повторил за мастером нарком. — Почему так далеко стоишь? Где твое синее стекло? Почему не следишь за корочкой?
— Слежу.
— Что ты можешь увидеть без синего стекла? Где у тебя оно?

Мастер вынул из кармана синее стекло в садовой моделированной рамке. По стеклу змеилась трещина.

— В каком состоянии ты держишь свой инструмент?

Онисимов выхватил у мастера стекло, рывком швырнул. Затем достал свое, окольцованное алюминием, протянул мастеру. Тот поднес к глазам стекло наркома, стал смотреть.

— Не так!
Взявшись за брезентовый ворот, нарком подтащил мастера вплотную к пышущей жаром изложнице. И сам в шляпе, в подкрахмаленном воротничке встал рядом. Слегка скручивались в излучениях металла ворсинки на его пиджаке.
— Дайте стекло! — велел он Головне.

И, не отступая хотя бы на полшага, озаренный едва переносимым близким розовым отблеском, всматривался сквозь синюю пелену, препятствующую ослеплению, как сталь наполняет изложницу. Прокатчик, он досконально знал и разливку, последнюю операцию сталеплавильных цехов. Наводя порядок, технологическую дисциплину, неуклонно требовал:

наблюдать при разливе за состоянием корочки. Следить, чтобы корочка все время играла на расстоянии в один-два сантиметра от стенки. Если прилипает, ускорять струю. Иначе прилипание корочки отзовется вторым сортом или браком при прокате. Он даже издал среди других технологических инструкций и специальный приказ, дотошно перечисляющий правила разлива. А тут, на Кураковке, пожалуйста, дело идет так, словно и не было приказа.

Оставив мастера около изложницы, кинув уничтожающий взгляд на Головню, Онисимов подошел к окну опорожненной, источающей розоватый свет печи, намереваясь посмотреть подину. Путь к окну преграждала груда сброшенного раскаленного доломита, уже померкшего, подернутого пеплом. Онисимов шагнул на эту груду.

— Что вы? Сгорите! — прокричал Головня.

— Не красная девица, — желчно ответил нарком.

Однако жгучий жар уже пробрался сквозь подметки. Онисимов быстро отпрыгнул. И покосился на директора: не усмехнулся ли тот?

Несколько минут спустя они вышли через те же ворота. Наркома нагнал инженер — начальник смены.

— Товарищ нарком, возьмите свое стекло.

— Отдайте мастеру на память. Да и другим пусть оно напоминает, что надо знать инструкции. Знать и соблюдать.

...По асфальтовой дорожке Онисимов и Головня опять шагали к домам. Самонадеянный директор был уже слегка проучен. Догадывался ли он, какую головомойку еще учинит ему нарком в доменном цехе? Почти две недели на заводе пребывала специальная следователецкая бригада наркомата, которую Онисимов по своему давнему правилу послал впереди себя. Ему сразу же, лишь он сюда приехал, доложили, что Головня-младший затеял какие-то сомнительные опыты в доменном цехе. Затейл, не осведомив об этом наркомат, не испросив разрешения. Такие нравы были еще живучи в металлургии. «У каждого барона своя фантазия» — этой поговоркой вновь назначенный строгий нарком уже не раз характеризовал порядки на заводах. Он, прошедший выучку у родоначальников стальной промышленности — англичан, побывавший затем и в Германии, воспринявший немецкую точность, пунктуальность, не допустит, чтобы на заводах каждый мудрил по-своему. Никаких нарушений выверенной, надежной технологии не потерпит, введет дисциплину. И Головня ты или не Головня, именит или не именит, а за самоуправство спустит с тебя шкуру, как и со всякого иного.

Возле дорожки расположилось еще одно низенькое, небольшое здание.

— Что здесь?

— Столовая доменного цеха.

— Ну-ка заглянем. Где тут черный ход?

Так Онисимов поступал всюду: показной стороне не доверял, появлялся нежданно с черного хода, с задворок, застигал невзначай.

Спустившись по истоптанным каменным ступеням в полуподвал, они вошли в темноватое, примыкавшее к кухне помещение. Несколько женщин чистили картошку. Все приостановили работу, поглядывая то на горбоносого молодого директора, то на бледного, в шляпе, никому тут не известного начальника. Онисимов всмотрелся, произнес:

— Почему так толсто срезаете?

Ответила одна из женщин:

— Гнилая же.

Онисимов подошел ближе, наклонился, взял с полу картофелину. Потом другую.

— Нет, не гнилая.

Нарком кинул картофелины, еще постоял, повернулся и вышел. На воле достал платок, вытер испачканные пальцы. Головне едко сказал:

— Толстоваты очистки. Тащут домой. Поросят держат.

И, ничего более не прибавив — делай, мол, выводы сам, — зашагал к высившейся невдалеке доменной печи номер один. Петр по-прежнему шел рядом.

По железной лесенке, тоже красноватой от налета рудной пыли, они поднялись к печи, издававшей низкий, ровный гуд. Пройдя в пирометрическую будку — там то и дело на панели вспыхивали и потухали разноцветные глазки, — Онисимов сел, придвинул к себе, развер-

нул журнал плавок. На вопросы наркома отвечал начальник цеха, такой же молодой, как и директор, одетый в такую же блекло-синюю куртку. Порою волнение принуждало его запинаться, он пятнами краснел. Онисимов еще ни словом не обмолвился о самоуправных выдумках, введенных в цехе. Верный себе, он хотел сначала уличить собеседника в незнании дела, сбить, высечь его. И, не поднимая от журнала глаз, спросил:

— Почему вчера на второй печи дали пять холостых калаш?

Начальник цеха затруднился:

— Э... Э... Вчера?

— Да, да, вчера.

Стоявший здесь же директор вдруг вмешался:

— На втором номере вчера не было холостых калаш. Вы ошиблись, товарищ нарком.

Петр Головня говорил твердо, но тоже волновался, — усмешка пропала, под кожей обозначились, заходили желваки. У Онисимова, фигурально выражаясь, зачесались руки, чтобы тут же приструнить Петра: «Ты, как видно, не заводом занимаешься, а одним только доменным цехом. И к тому же выделяешь здесь всякие фортели». Онисимов, однако, сдержался. Всему свое время. Сюда, в будку, вызваны и вскоре явятся участники наркоматской бригады, в том числе глава доменной группы инженер Земцов. Пусть он сначала в присутствии виновного доложит о технологических вольностях в Кураковке, об отсебятинах директора. А насчет дальнейшего позаботится нарком. Свое Петр получит.

И получил...

Это произошло там же — в пирометрической будке домны № 1. Туда в назначенный час явились те, кого нарком загодя командировал в Кураковку, — начальник Главюга узкоколейный, костлявый Миних, главный бухгалтер наркомата Шибает и глава доменной группы Земцов, наделенный крупной статью, что называется, солидный, с прической ежиком, накопивший немалый опыт заводского инженера и вместе с тем заработавший профессорское звание. Кстати, отметим, что Земцов приобрел некоторое имя и как автор шахматных этюдов и задач. В поездки он непременно захватывал с собой шахматную литературу, подолгу колдовал в одиночку над доской. Онисимов любил сразиться с ним в вагоне. Как ни удивительно, в таких сражениях нарком большей частью одолевал этого квалифицированного игрока. Свои поражения Земцов объяснял тем, что-де сила в практической игре далеко не равнозначна способностям составителя задач. Втайне Онисимов его подозревал: не ловчит ли? Но партии выигрывал с удовольствием. И не скрывал перед собой эту свою слабость, прощал ее себе.

Вокруг поцарапанного, много послужившего стола со следами когда-то пролитых фиолетовых чернил разместились и Онисимов, и приехавший с ним референт-секретарь, и Петр Головня, и начальник цеха. На подносе выстроились принесенные из цехового буфета стаканы чаю и дешевая, зеленоватого стекла вазочка с печеньем. Никто, однако, к угощению не притронулся. Онисимов ввел в наркомате железное правило: никогда и ничем на заводах не пользоваться — не только, скажем, ужином или обедом у директора, но и хотя бы даровым стаканом чая. Нарушителей такого правила он вытаскивал на обозрение во время заседаний коллегии, хлестал кнутиком нещадных слов. И сам подавал в командировках пример педантической воздержанности.

Время от времени дверь будки отворялась, врвался на секунду свист и гуд, входил чернобровый, чисто выбритый мастер и исполнял свою работу: поглядывал на световые сигналы, на исчерпанную черными линиями самопишущих приборов бумагу-миллиметровку. Потом уходил. Эти вторжения не прерывали заседания.

Закурив, Онисимов обратился к Земцову:

— Послушаем, Николай Федотович, тебя. Как тут, на доменном фронте, обстоят дела? Шахматист-доменщик поднялся. Баском, не торопясь, выдерживая паузы и порой двумя пальцами оттягивая выпяченную нижнюю губу — ему был свойствен такой жест, — Земцов обстоятельно, в динамике разобрал работу здешнего доменного цеха. Сам отвел необоснованные возможные нападки. Тем, кто тут присутствовал, было ведомо: в промыш-

ленности и на транспорте еще длилась полоса тяжелого разлада, расстройства, вызванного арестами миновавших недавно годов. Об этом, впрочем, говорить не полагалось. Итоги выплавки металла в 1939-м были печальны. И лишь к середине 1940-го — того, о котором сейчас на этих страницах идет речь, — сталелитейная промышленность, как и другие отрасли хозяйства, начала понемногу выправляться. Но еще неуверенно, с перебоями, с откатами.

С той же улыбкой, то покровительственной, то иронической, он описал нигде еще не виданный способ форсировки хода домны и достойные удивления конструкторские новшества, введенные на одной из печей директором Кураковки.

— Результаты, конечно, оказались плачевными, — сообщал Земцов. — Да и могло ли быть иначе, если тут нарушена азбука доменного дела? Она требует дать полную волю восходящему потоку газа, а наш неумный экспериментатор, увлеченный собственными теоретическими домыслами, о которых, к сожалению, еще помалкивает мировая техническая литература, взял да и стиснул горло доменной печи. И, разумеется, лишь хлебнул горя.

Конечно, и Кураковка страдала в те времена из-за того, что подача электроэнергии сократилась, нередко вдруг и вовсе прерывалась, качество поступающих на завод плавильных материалов резко ухудшилось, да и тех постоянно не хватало, рудный двор оставался без руды, завалка домен шла с колес. Онисимов, назначенный в такую пору наркомом стали, днями и ночами, бывало, следил из Москвы за продвижением к заводам чуть ли не каждого состава с рудой или известняком. Хроническая нехватка рабочих, текучесть, особенно там, где еще применялся отживший тяжелый ручной труд, тоже мучили Кураковку.

Земцов не затушевывал этих трудностей. В таких условиях доменный цех, справедливость требует это отметить, — здоровяк инженер опять приостановился, потянул двумя пальцами нижнюю губу, — доменный цех все же добился некоторых успехов. Кривая выплавки постепенно идет вверх. Можно ли, однако, этим удовлетвориться? Нет, плановое задание ни на одной печи еще не выполняется. Имеют место серьезные промахи, а то и — извините за прямоту, Петр Афанасьевич, — пороки заводского руководства.

Изучив дело на месте, — продолжал Земцов, — мы выяснили следующее: тяжелое положение, в котором по сей день находится доменный цех, вызвано не только объективными причинами, но также и тем, что Петр Афанасьевич по молодости, — с улыбкой, в которой читалось снисхождение, Земцов приглаживал пухлой рукой тронутый проседью ежик, тотчас вновь торчком встававший, — по молодости, по горячности, мне особенно понятной, и меня когда-то числили в изобретателях, увлекся беспочвенным, необоснованным или, позволю себе на правах старшего товарища такое выражение, дурным экспериментированием.

Петр молча слушал, казался спокойным. Только мгновениями поигрывали желваки. Да на загорелом с белым косым шрамом лбу обозначалась вертикальная, устремленная к переносью черточка.

Онисимов резко спросил:

— Кто тебе разрешил эти затеи?

— Я говорил начальнику главка о своей конструкции. Он не возражал против того, чтобы это опробовать, изучить.

Онисимов задал вопрос Миниху:

— Ты подтверждаешь?

— Такого разговора, Александр Леонтьевич, я не помню.

— Так кто же разрешил? — повторил Онисимов. — И где это задокументировано?

Петр не ответил.

— Кем же ты тут себя воображаешь? Удельным князьком, что ли? Доверили тебе завод, а ты, не угодно ли, воспользовался: дай-ка займусь за государственный счет своими выдумками. Завод для тебя собственная вотчина? Так тебя прикажешь понимать?

— Я убежден, — произнес Петр, — что рано или поздно мой способ восторжествует во всей металлургии. И принесет...

— Я... Я... — оборвал Онисимов. — Поменьше какой! Странно, каким образом ты, выросший в рабочей семье, набрался такого анархического индивидуализма? Фу ты, ну ты, подумай,

исключительная личность! Считаешь, что советские законы не для тебя писаны?

— Этого я не считаю.

— Почему же самовольничаешь?

— Но мой способ вызван самой жизнью. Именно наша советская металлургия...

— Наша металлургия нуждается прежде всего в строгом порядке. А ты его первый нарушаешь! Немудрено, что и в цехах у тебя разболтана технологическая дисциплина. Нам нужны не чудеса, которые ты сулишь, а будничная, неустанная работа по наведению порядка. За такие номера, которые ты тут выкидываешь, тебя для примера иным-прочим следовало бы снять, но пока ограничиваюсь предупреждением. И всю эту музыку, твою отсебятину, потрудишься прекратить. Немедленно прекратить!

Покончив на этом с конструкторскими вольностями Петра Головни, нарком объявил двухчасовой перерыв и вышел из цеха.

Лишь поздней ночью завершился разбор нужд и недочетов доменного цеха. Были записаны конкретные указания, решения, которым затем предстояло войти особым разделом в приказ, что оставит здесь нарком.

В два или в три часа ночи Онисимов отпустил заседавших. Такой режим он неизменно выдерживал, посещая заводы. Работники наркомата, которые ему сопутствовали в поездках, звавшие себя с горьковатым юмором его лошадками, возвращались на ночлег всегда измочаленными, наголодавшимися, загнанными. А сам он, будто отлитый из сверхпрочной стали, оставался свежим, сохранял остроту языка, остроту взгляда.

Покинув цех, нарком, сопровождаемый директором, пересек теснину рельсовых путей — наложенные колесами стальные полосы мутно поблескивали под заводским, слегка багровеющим небом, — выбрался на асфальтовую дорожку, где уже дежурила, ждала машина. Другая, предназначенная для его спутников, умчалась минуту назад, невдалеке еще виднелась удаляющаяся красная точка заднего фонарика. Вот и она скрылась. Шумы ночного завода казались приглушенными. Лишь иногда врывался лязг или свистящий, резкий звук.

— Прошу вас, — проговорил Петр, — разрешите мне на одной печи изучать мой способ.

— Опять двадцать пять, — сказал Онисимов. — Пройдемся, проводи меня немного.

Они зашагали по краю дорожки. Следом, не обгоняя наркома, поползла машина. Онисимов недовольно оглянулся. Он и в Москве не допускал, чтобы автомобиль когда-либо следовал за ним, приноравливаясь к его шагу, считал барственной такую манеру. Подойдя к водителю, распорядился:

— Поезжай к главным воротам. Подожди меня там.

И вернулся к Петру.

Некоторое время они шли молча.

— Подумалось сейчас о флокенах, — произнес Онисимов.

Интонация была мягкой, доверительной. Он словно отбросил свою всегдашнюю броню официальности.

— О флокенах?

Обоим был отлично известен этот специальный металлургический термин, обозначающий не распознаваемый в те времена никакими приборами порок стального слитка. Наука выяснила лишь, что флокен вызывается мельчайшим, почти микроскопическим, застрявшим в теле слитка пузырьком водорода. В прокате под вальками стана такой пузырек вытягивается, становится тонкой, как волосок, трещинкой, своего рода червячком, ничем по-прежнему не дает о себе знать. Зараженная флокенами сталь получает клеймо «годная». И только много времени спустя она, казалась бы, надежная, пущенная в дело, ломалась, рвалась. Были крушения поездов из-за внезапного разрушения рельса, по всем признакам безукоризненного. Случалось, мгновенно трескался гребной винт корабля. Иногда вдруг рушились и прочнейшие, казалось бы, фермы, и шестерни, и оси. И лишь в изломе обнаруживались губительные уже разросшиеся флокены — серебристо-белые хлопья, окруженные темными пятнами усталости.

С давних пор флокены были излюбленной темой Онисимова. Тут, пожалуй, уместно упомянуть, что еще в молодости он, безупречный студент, парторг института, был прозван

товарищами «человек без флокенов». И гордился таким прозвищем.

Ныне подначальные Онисимову металлурги знали, что грозного наркома можно, по грубоватому словцу, купить, если перевести разговор на флокены. Александр Леонтьевич в таких случаях воодушевлялся, входя в разнообразные тонкости этой темной проблемы, приводил поразительные факты. И, как замечали, доблел, разговорясь. Впрочем, выражение «доблел» с ним как-то не вязалось. Попросту на время можно было не опасаться его желчности, вспыльчивости.

Он и теперь, идя рядом с Петром, меряя шагами пустынную по-ночному дорожку, охотно рассуждал о флокенах. Казалось, несколько приподнялась всаженная в плечи крупная его голова, покрытая фетровой шляпой. Онисимов отдыхал в эти минуты, вскочив на своего конька.

Петр, как знает читатель, не был наделен тактичностью. Он слушал, слушал — да и принялся за свое:

— Не вижу, товарищ нарком, какой-либо связи между моим способом и флокенами.

— А я вижу.

— В чем же она?

Усмехаясь — ох уж эти его усмешки! — Петр в нескольких ясных фразах показал, что его способ, с какой стороны ни подойди, качеству металла отнюдь не угрожает. Да и вообще уже открыты новые пути радикального очищения стали от всяческих газовых включений. Давно уже предложена разливка в вакууме. Надо и это испытывать, изучать практически. Онисимов тут не вступил в спор, лишь обронил:

— Нет, с флокенами лучше не мудрить. — Теперь его тон был, как обычно, жестковат. — Кроме того, ты не учел, что о флокенах можно говорить и в иносказании. Твои изобретательские чудачества — это твой личный флокен. Лучше избавляйся от него заблаговременно.

— А я стараюсь понять вас, — негромко сказал Петр.

— Да, это уж придется тебе сделать.

— Конечно, насчет моего способа я, видимо, ничего доказать вам не смогу. Оставим пока это под вопросом: удачен он или непригоден. Но если бы сверху вам сказали: окажи содействие...

— Ну...

— Или даже попросту кивнули, то я получил бы от вас все, что надобно для моего изобретения, хорошее оно или плохое.

— И что из того следует?

Реплика прозвучала угрожающе. Петр ответил без запальчивости:

— Промышленность, Александр Леонтьевич, так жить не может. Думаю, что и вообще так жить нельзя...

Онисимов тут ему врезал...

...Впрочем, зачем, зачем он сейчас об этом вспоминает? Ведь думалось о чем-то совсем другом.

Но снова врывается, течет в уме тот же поток.

...Пожалуй, именно та ночная прогулка от доменных печей к главным воротам, поначалу мирная, открывшая вольные мысли Головни, заставила Онисимова твердо решить: с таким не поладишь, такого надо снять.

...Еще два или три дня Онисимов провел на заводе, по-прежнему удивляя всех следовательской хваткой, пунктуальностью, неутомимостью, — чистых шестнадцать часов в сутки он и тут отдавал делу.

Накануне отъезда он выступил на собрании заводского актива. Начальники цехов и отделов, некоторые другие выделившиеся инженеры, лучшие мастера, передовики рабочие, руководители партийных и профсоюзных организаций, а также и весь аппарат, сопутствовавший наркому, насчитывавший до тридцати различного рода специалистов, тесно заполнили ряды скамеек в сравнительно просторном, на четыре сотни метров, красном уголке листопроката.

Ограничившись лишь крайне сжатым политическим характером вступлением, Онисимов деловито, конкретно анализировал работу завода. Смягчающие фразы, полутона или так называемое поддрессирование в его речи отсутствовали. Он указывал изъяны руководства, школил, стегал тех, кто был повинен в безалаберности, в пренебрежении к технологической и элементарной трудовой дисциплине, ставил

доступные ясные задачи. Не помиловал и директора:

— К сожалению, товарищ Головня вместо того, чтобы заниматься делом, организацией производства, увлекся собственными изобретениями. Он, видимо, думает, что завод дан ему на откуп: что хочу, то и творю. Он, однако, заблуждается. Директор, как и любой из нас, лишь исполняет службу, служит государству. И использовать служебное положение для всяких своих фантазий, фиглей-миглей никому в Советской стране не дозволено. Общий порядок обязателен и для директора: обратись куда следует со своей задумкой. И ожидай решения!

Сидевший на помосте за столом президиума горбоносый, с рыжиной в завитых природой волосах молодой директор хмуро встал:

— В котором вы уже мне отказали.

— К вашему сведению, товарищ Головня, я не самодур-купчина, который по собственной прихоти может отказывать или не отказывать. Устройство, которое вы здесь самочинно завели, было основательно изучено специалистами. Они дали оценку: дурная отсебятинка. Это рассматривал и я. Пришлось скомандовать: прекратить, товарищ Головня, свои художества.

Петр еще раз бросил с места:

— Когда-нибудь всем будет известно, что вы это запретили!

Онисимов резко обернулся. Вот как! Этот выскочка-упрямец и тут, перед четырьмястами металлургами, отваживается вякать, перечить наркому. Ну, я ему вякну!

— Да, запретил! И пришлю сюда своих контролеров, чтобы проверить, как вы исполнили приказ. И если свое партизанство не оставите, такой бенефис вам закачу, что не обрадуется. Завод вам не поместье, и вы на нем не барин! Не стройте из себя сиятельную особу, привилегированную личность. У нас нет привилегированных! И я не посмотрю, что вы принадлежите к прославленной семье. Скидки на это вам не будет.

— А ее мне и не надо.

— Изволь со мной не пререкаться. Какой пример ты подаешь?

Переведя дыхание, Онисимов вернул себе невозмутимость. Его массивная голова на миг склонилась над бумагами. Вот зеленые острые глаза опять обратились к залу. Нарком счел нужным сказать еще несколько слов о директоре:

— Сегодняшнее поведение товарища Головни вновь убеждает меня в том, что заводом руководить он не может и его следует снять.

Слова были спокойны, весомы.

С таким решением — снять дерзкого директора — Онисимов на следующий день уехал из Кураковки.

Однако смещение директора на большом заводе не могло быть произведено лишь его, Онисимова, властью. Руководители крупнейших предприятий и строки утверждались Центральным Комитетом партии, входили, говоря языком того времени, в некую особую номенклатуру. Без санкции Центрального Комитета нельзя было отставить, сменить и Головню-младшего.

Онисимов исподволь обдумывал аргументацию, которую выдвинет в разговоре наверху. В мыслях готовил записку на сей счет. Такого рода бумаги, адресованные в Центральный Комитет, он всегда составлял сам. Но за эту все не принимался. Возникший в уме текст пока его не удовлетворял. Все же набросал черновик, показавшийся более или менее подходящим. Однако лишь более или менее... Безотчетное, словно бы инстинктивное сомнение оставалось. Этому своему невнятному чутью он верил. Что же, успеется, повременю.

Кстати, приближались праздничные дни — годовщина Октября. Все равно вопрос придется ставить только после праздников.

Вечером шестого ноября Онисимов, покинув в этот непривычно ранний для него час свой служебный кабинет, заехал домой переодеться и покотил с женой в Большой театр на традиционное торжественное заседание в честь дня рождения Советской власти.

Пройдя через предназначенный для членов правительства расположенный в сторонке вход, Александр Леонтьевич в черной новехонькой пиджачной паре, в безукоризненно блестящих ботинках и Елена Антоновна в сером, строгого покроя костюме, как бы подчеркивающим ее статность, прямизну, ничем не украшенном,

если не считать воротничка шелковой кремовой блузки, что был выпущен поверх жакета, поднялись в боковую, примыкающую к сцене ложу. В своего рода передней комнатке — на театральном диалекте она зовется аванложей, — отделенной от стульев тяжелой темно-зеленой занавесью, стояли Иван Тевадросович Тевосян и его жена Ольга Александровна, очевидно, тоже только что приехавшие.

Смуглый, низкорослый, с черной до глянца шевелюрой, нарком металлургической промышленности радушно приветствовал вошедших. Черные, словно нанесенные тушью небольшие усы делали по контрасту особенно выразительной его белозубую улыбку.

Ольга Александровна тоже улыбалась. Легкий розовый шарф обвивал в меру полную шею. Русые волосы не были аскетически гладко зачесаны, но и не взбиты. Она поправила их перед висевшим тут же зеркалом, не сочла это для себя зазорным.

Невольно Онисимов сравнил Ольгу Александровну, тоже избравшую смолоду профессию партийного работника, со своей женой. Обе были деятельницами, но сухость, свойственная Елене Антоновне, не положила своего отпечатка даже и в черточках внешности на спутницу жизни Тевосяна. Глядя на нее, уже мать двоих детей, Онисимов в который уже раз втайне пожалел, что у него нет своего ребенка (в ту пору Андрейки еще не было в

помине, лишь два года спустя, в дни войны, ему суждено было родиться).

Минуто-другую спустя женщины ушли за ниспадающую складками ткань на свои места. Гул многоярусного огромного зрительного зала глуховато доносился в аванложу. Два наркома присели на диван. Здесь разрешалось курить, о чем свидетельствовала пепельница на низком столике и почти незаметная, вмонтированная в стенку решеточка вентиляционной тяги. Заядлые курильщики, оба не пренебрегали возможностью сделать на скорую руку несколько затяжек.

Онисимов поздравил Ивана Тевадросовича. Впервые за много-много месяцев наркомат Тевосяна выполнил наконец в истекшем октябре план по чугуну. А еще год назад работа заводов была столь разлажена, что металлургия не давала и восьмидесяти процентов программы. Соответственно упали и заработки, металлургии приуныли, у многих опустились руки, положение казалось беспросветным. Не кто иной, как Тевосян, отважился тогда на смелый, небывалый в истории советской промышленности шаг: объявил, что премии отныне будут выплачиваться даже и за восемьдесят процентов плановой выплавки. И каждый последующий процент повлечет прогрессирующее увеличение премий. Эта мера, утвержденная Советом Народных Комиссаров, была распространена и на предприятия, подведомственные

наркомату стального проката и литья. Именно такое решение — тут Александр Леонтьевич без малейшей зависти, до этого он не позволил бы себе унижаться, склонялся перед организаторскими способностями Тевосяна, — именно такое решение, затронувшее всю армию металлургов, покончило с настроениями безразличия, безотрадности, подействовало магически.

— Раненько поздравляешь, — сказал Тевосян. — Выложу план по всему циклу, тогда дело другое. По-видимому, мы с тобой голова в голову к этому придем. Глядишь, ты еще вырвешься на ноздрю вперед.

Онисимов не стал оспаривать такое предсказание. Действительно, подчиненные ему предприятия, в том числе и старая Кураковка, уверенно набирали темпы, совсем близко подошли к стопроцентному выполнению программы и по валу, и по ассортименту. Уже нельзя было сомневаться, что в грядущий сорок первый — знал ли кто, каким грозным станет этот год?! — промышленность, выпускающая сталь, войдет окрепшей.

— В общем, — продолжал Тевосян, — если по нынешнему обыкновению потревожить Маяковского, сочтемся славой. И на поздравлениях давай поставим точку. Лучше скажи, какие у тебя впечатления от поездки.

Александр Леонтьевич охотно стал рассказывать. Верный себе, школе работяг, которым

история дала миссию приструнивать и подхлестывать скупых на похвалы, питающих отражение и к самовосхвалению — таков же, заметим, был и Тевосян, — Александр Леонтьевич заговорил о том, чем возмущался в дни поездки. Нарушения режима, технологическая распушенность. Надобно еще и еще подтягивать гайки. Какой-то вопрос Тевосяна или, возможно, просто поворот фразы привел Онисимова к флокенам. Отдаленные последствия технологической неряшливости или самовольства когда-нибудь еще скажутся. И вряд ли избежим малоприятного занятия — расследовать катастрофы. Тут Александру Леонтьевичу припомнился Головня-младший.

— Не люблю менять директоров, — произнес он, — но решил от Петра Головни избавиться.

Он кратко сообщил собеседнику о прегрешениях директора Кураковки: самоуверен, подвержен изобретательному зуду, непослушен, публично дерзит.

Темно-карие, почти черные глаза Тевосяна не выразили одобрения.

— Знаешь, тебе могут сказать: ты предлагаешь странное. Молодой директор. Тянет неплохо. Ему надо помогать. Не спешишь ли?

Невнятные сомнения, которые беспокоили Онисимова, миготом приобрели ясность, как бы кристаллизировались. Да, по всей вероятности, ему скажут что-либо подобное. Он, однако, не сдался:

— Спешить, конечно, не к чему. Но, с другой стороны, если убежден, зачем тянуть?

— Но убежден ли?

В эту минуту откинулась темно-зеленая портiera. Выглянула жена Тевосяна. Она уже сняла свой розовый шарф.

— Что же вы? — В спокойном, звучном голосе слышался легкий упрек. — Думаете, вас будут ждать?

Сквозь приоткрытую драпировку дошла настороженная тишина, уже водворившаяся в зале. Оба наркома заторопились в ложу.

Установленный на сцене длинный, застланный малиновым бархатом стол еще пустовал. Вглубь уходили никем пока не занятые ряды стульев. Театральными прожекторами был ярко высвечен на заднике своего рода огромный медальон: лицо нарисованного в профиль Сталина и как бы служивший ему фоном профиль Ленина. Лишь изощренный взгляд мог бы отметить, как из года в год в таком двойном портрете Ленин становился чуть поменьше, а облик Сталина крупнее.

Юпитеры, доставленные кинохроникой, уже источали пучки слепящего голубоватого света, пока направленного в зал. Впрочем, один или два, еще не вспыхнувшие, были нацелены в глубину кулисы, скрытой от партера и ярусов, но ясно просматриваемой из крайней ложи, куда ступили, не садясь, Тевосян и Онисимов. В кулису уже вышли те, кто был приглашен занять места на сцене, тесно выстроились, оставив открытым ведущий к столу проход. Почти все они были широко известны. Вон несколько полярных летчиков, рядом широченный лысоватый конструктор авиационных моторов, далее столь же прославленный чернородый академик. Различима красиво вскинутая голова Пыжова. Виден и седой гладкий зачес старой большевички, немилость миновала ее.

Не отрывая взора от кулисы, Тевосян легонько толкнул локтем Онисимова:

— Э, и старика Головню, гляди-ка, туда вытаскивали.

Онисимов невозмутимо откликнулся:

— Что же, значит, опять металлургам честь и место.

Рыжеусый мастер-доменщик выглядывал из-за спин тех, кто стоял впереди. Видимо, он то и дело приподнимался на цыпочки, высывая подальше горбатый большой нос. Довольный, раскрасневшийся, Головня-отец все поглядывал в ту сторону, откуда вел проход.

Еще минута — и как-то вдруг, хотя именно это ожидалось, в проходе появился Сталин. Он шел не быстрым, но и не медлительным, словно бы деловым шагом. Его военного кроя одежда, пожалуй, так с былых лет и не переменилась: вправленные в сапоги, слегка свисающие на голенища брюки защитного цвета, такая же куртка без каких-либо знаков. Впрочем, нет — это была уже не куртка, а отлично сшитый китель, свободно облегающий неболь-

шое туловище. Даже и такие не сразу уловимые изменения костюма свидетельствовали: отброшен вид солдата, проступило некое иное обличье.

Хозяин шел вдоль рукоплескавшей шеренги, не поглядывая по сторонам, будто никого не видя. Неподвижность головы была величественной. Маленький его рост не замечался. За Сталиным, блюдя дистанцию, следовала вереница его ближайших сподвижников. От зала он был еще заслонен кулисой, однако возникшие на сцене аплодисменты сразу перекинулись туда.

Внезапно Сталин приостановился. Живым движением, — да, да, когда-то, еще на памяти Онисимова, он этак по-молодому оборачивался, — живым движением протянул руку кому-то из сгрудившихся в проходе. Кому же? Рыжему доменному мастеру. Мгновенно перед Головней расступились. Покраснела уже не только его физиономия, но и изрытая морщинами шея. Нарядный галстук съехал набок, старый доменщик этого не замечал. Он обеими руками затряс кисть Сталина. Тот что-то проговорил, шевельнулись черные, еще казавшиеся густыми усы.

Вспыхнули наведенные юпитеры. Но кинокамера не успела запечатлеть на пленку этот миг. Вновь обретая монументальность, опять недвижно неся голову, Сталин уже шел дальше. Рукой он как бы отмахнулся от льющегося на него света. Послушные этому безмолвному велению, пучки лучей тотчас несколько переменили направление.

Вслед Сталину, держа под мышкой папку, шагал Молотов. Он тоже остановился возле Головни-отца для рукопожатия. И далее каждый в веренице, что двигалась за Сталиным, тоже задерживался близ рыжего мастера, пожимая ему руку. Казалось, все они без рассуждений единообразно исполняли команду. Мастер сперва все улыбался, потом на его красном лице, которое с удивительной непосредственностью передавало внутреннюю жизнь, выразилось удивление, а напоследок, когда с ним за руку здоровались совсем ему неведомые люди, он выглядел вовсе ошарашенным.

А он уже стоял за столом и не спеша аплодировал, как бы отвечая на гремящие раскаты овации.

Изливая свои чувства, преданность Сталину, веру в его гений, жарко хлопал в ладоши и Онисимов. В какую-то минуту его потянуло шепнуть Тевосяну: «Н-да... Непопадание в анализ».

Однако сработали действовавшие безотказно тормоза. Эту шутку он оставил при себе. Даже не произнес: «Н-да».

...Конечно, он отложил намерение сместить Головню-младшего. Но, разумеется, сохранил лицо. Онисимову в этом помог один номер «Правды», что вышел вскоре после миновавшей годовщины Октября.

Положив перед собой газету, он позвонил из своего кабинета директору Кураковки и, порасспросив о делах, сказал:

— Прочитай внимательно сегодняшнюю «Правду».

— Я ее всегда внимательно читаю. А что сегодня там?

— Сам поймешь, когда помотришь. Но если желаешь, могу и сейчас удовлетворить твоё любопытство. Напечатано постановление Совнаркома о самовольных нарушениях технологического режима в машиностроительной промышленности.

— В машиностроительной?

— Не беспокойся. Мы тоже тут никуда не денемся. Так процитировать?

— Пожалуйста. Послушаю.

— Послушай. «Внесение изменений в технологический процесс... допускается... только с разрешения народного комиссара». Уяснил?

— Это для меня не ново.

— Но есть кое-что и новое. Послушай-ка еще: «Невыполнение настоящего Постановления рассматривать как уголовное преступление, а директоров, главных инженеров и главных технологов заводов, допустивших эти нарушения, предавать суду». Тебе понятно? Думаю, сможешь догадаться, кем это подписано.

— Что же, почитаю еще сам.

— Не только почитай, но и положи под стекло на стол, чтобы время от времени возобновлять в памяти. И продолжай работать. Но свои ереси забудь.

А. ЩЕРБАКОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА

Какие же они еще маленькие! Вове не очень давно два исполнилось, Леня почти вдвое его меньше, а Юле (Роман Ласково зовет ее «Кролик») и года нет.

Ну как им про все рассказать: про то, как он, Роман, получал в Минске настоящую медаль, на которой написано «За отвагу на пожаре», про «Артек», про то, как жмет ему руку при встречах главный пожарный района Валерий Нестерович Крек... Рассказывал матери и отцу, рассказывал журналистам, в школе рассказывал, конечно... А вот им... Жди, когда подрастут! Не терпится! Ведь с них, маленьких, все и началось, за них и медаль получил, и в «Артек» поехал.

Вова, Леня и тем более Юля не поняли, что случилось в тот час. Он один — самый старший — понял...

Мать с Леной пошли в сельсовет, а их четверых заперли в хате. Ребята играли, Юля лежала в коляске. Что-то слегка треснуло на стене под потолком, Роман поднял голову и увидел, как огонь прыгнул с проводки на обои и пополз в стороны и вниз. Он был еще не страшный, но Роман сообразил: огонь тихий, пока не разгорелся, а разгорится — наделает бед. Ждать нельзя! Бежать к соседям?.. А вдруг сюда потом уже не войдешь... Надо, пока не поздно, спасти младших! Роман разбил оконное стекло и побежал к Юлиной коляске, взял Юлю, положил на подоконник, а сам вылез на улицу и бегом отнес девочку в сад. Леню тащить оказалось труднее. Огонь стал большим и злым, но и у Романа тоже прибавилось сил. Леня остался в саду, а Роман еще раз вскарабкался на подоконник и помог выбраться Вове. Помедли мальчик еще несколько минут... Взорвался газовый баллон, и пламя завладело всем домом. А еще минут через десять примчались пожарные.

...Когда мы, журналисты «Огонька», приехали в колхоз имени Жданова, Роман Ружин ждал нас в правлении. Знал, что предстоит фотографироваться, и потому надел новый джинсовый костюмчик и, конечно, прикрепил на грудь медаль.

...А ТОГДА УЧИЛИСЯ В ПЕРВОМ

Разговорились быстро.

— Как жилось в «Артеке»?

— Очень интересно!

— В какую дружину тебя определили?

— В «Морскую»... Как и Саманту Смит, когда она у нас гостила.

— Ты подружился с ребятами?

— Да. Особенно с Сережей и Васей. У них такие же медали, как у меня. Только Сережа уже в девятый класс перешел, и Вася старше меня. Подружился со школьниками из Германской Демократической Республики. Они мне свои адреса дали.

— В дружине скоро узнали, что ты спас во время пожара братиков и сестричку?

— У костра собирались и слушали друг друга. И меня тоже.

— А что больше всего понравилось в «Артеке»?

— Море. Горы. На корабли понравилось смотреть...

— Может, моряком станешь, когда вырастешь?

— Нет.

— А кем?

— Пожарным!

Он взглянул на медаль, поправил ее и уточнил:

— Шофером на пожарной машине.

— А ты слышал о пожарных-героях, которые сражались с огнем на Чернобыльской атомной электростанции?

— Слышал. В «Артеке» ребята отсюда были. Только не в нашей дружине.

Роману в этом случае кажется, что время идет до обидного быстро — месяц пролетел в пионерском лагере, будто один день, и не познакомился Роман со всеми, с кем хотел, не хватило вечеров у костра, прогулок, путешествий, встреч... Жизнь, правда, большая, и, если будешь очень стараться, интересное от тебя никог-

да не уйдет. А стараться он теперь не перестанет!

— О твоём смелом поступке тут же узнали в Кременях, в Ананичах, в Ситниках... Тебе, наверное, хотелось, чтоб кто-то узнал раньше других?

— Ваня Скачок и Наталья Арсеньевна.

— Кто они?

— Наталья Арсеньевна — моя учительница в школе, а Ваня — комбайнер в нашем колхозе. Мы с ним давно подружались, он брал меня с собой на жатву. Я хочу так же красиво работать, как он.

...Учительница, колхозный механизатор, корабли, пожарные машины, пионерские костры, каждодневные домашние заботы... Мир современного деревенского мальчика. Частица нашего огромного мира, увлекающего красотой, тайнами, подвигами... Роман входит в него свободно и естественно, как входил его земляк, чья фотогра-

фия висит в школьном Музее боевой славы. — Николай Чепик, ставший Героем Советского Союза в Афганистане, погибший там и похороненный в родной деревне Блужа, недалеко от Ананичей; как входили отважные пожарные, спасавшие Чернобыльскую атомную электростанцию и сотни тысяч человеческих жизней, как входили юные герои Великой Отечественной...

Я попросил Романа: «Покажи свои книжки». Он принес «Горячий камень» Гайдара, «Робинзона Крузо», «Лис и мышонок» Бианки, сказку «Мороз Иванович» Одоевского.

— Сказки им читаю — Вовке, Лене и Юлечке. Они же еще маленькие...

Сам Роман Ружин ходит во второй класс.

Пуховичский район,
Минская область

С друзьями.

Л. ПЛЕШАКОВ,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Ж

онец августа. Кострома. К старинному особняку с приземистыми гранитными колоннами у входа, над которым красуется не совсем грамотная вывеска «Гостинница», подкатывает несколько пролеток с важными господами в окружении веселых, поющих цыган. Из первого экипажа прямо в объятия цыган буквально вываливается сильно подвыпивший мужчина в коричневом пальто и шляпе, с неимоверных размеров медалью на шее и с нелепой в данной

Первые зрители будущего фильма.

По-русски —
с ветерком!..

Н. Михалков:
«Как сложится
эпизод!»

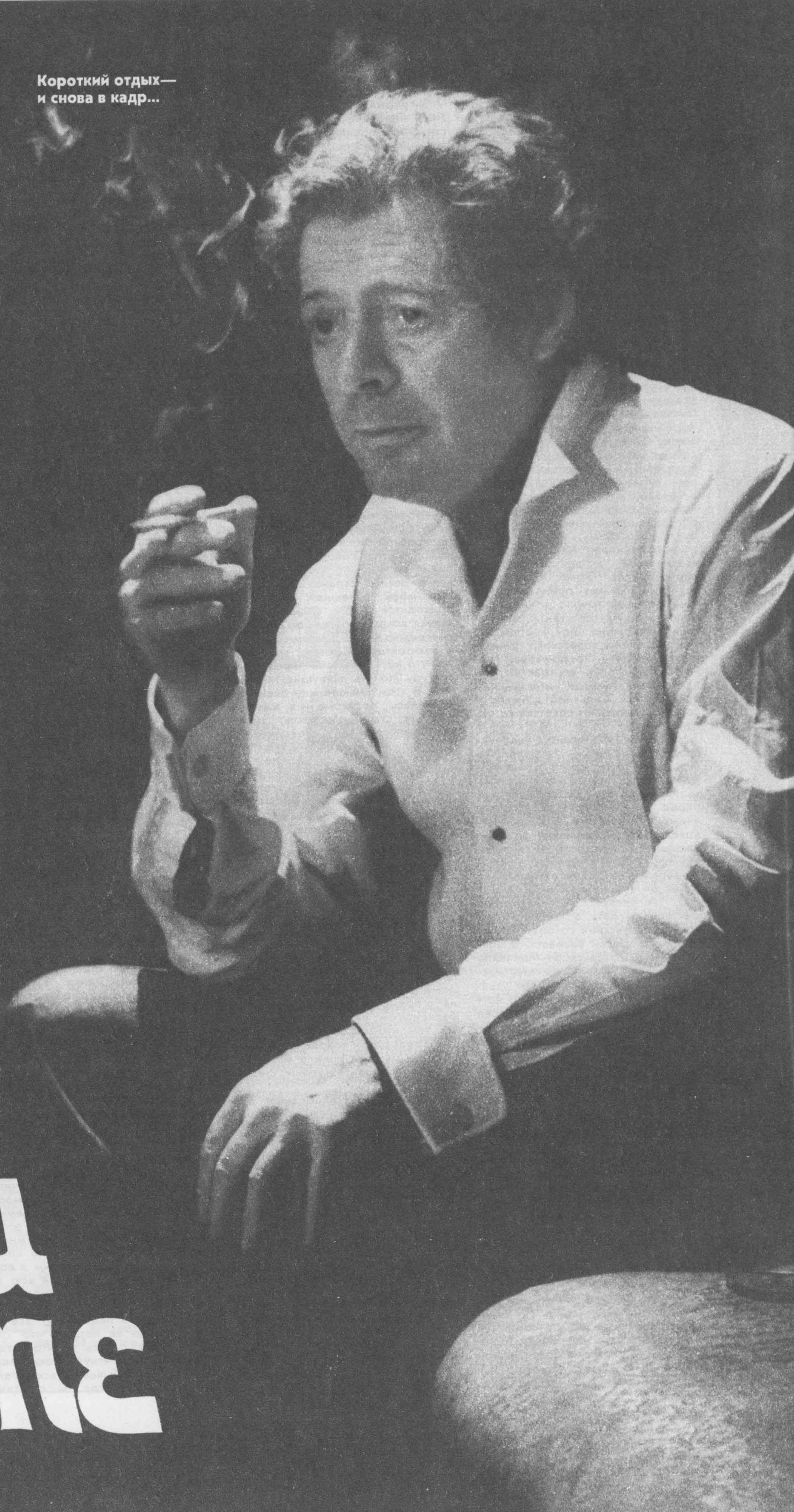
машин
в жбс

Короткий отдых—
и снова в кадр...

СЕРГЕЙ
МОНОВ

ситуации бронзовой скульптурой (лошадь с жеребенком) в руках.

Эта картинка — один из эпизодов встречи итальянца Романо в провинциальном городке Сысоеве, куда его забрасывает судьба по сюжету нового фильма Никиты Михалкова «Очи черные». Роль главного героя, архитектора Романо, играет Марчелло Мastroяни.

В начале нынешнего года несколько центральных газет опубликовали интервью с этим известным итальянским актером, в которых он высказал желание поработать с Никитой Михалковым.

Для самого Михалкова такое пожелание гостя нашей страны было полной неожиданностью: подготовительный период работы над будущим фильмом о Грибоедове отнимал все силы и время. Но в конце концов случилось то, что и должно было произойти: Никита Михалков и Александр Адабашьян в соавторстве с итальянкой Сузо Чекки д'Амико написали сценарий, сюжет которого построен на нескольких рассказах Антона Павловича Чехова. В начале августа в Ленинграде начались съемки нового фильма. Через две недели киногруппа переехала в Кострому.

Существенная деталь: фильм итальянский, а не совместного производства. Этим объясняется то, что в съемках принимает участие большая группа итальянцев: операторы, их ассистенты, осветители, художник по костюмам... Участие в нем советского режиссера, актеров, костюмеров, гримеров оговорено контрактом, заключенным между итальянским продюсером Сильвией д'Амико и соответствующими советскими организациями.

Но, конечно, «главный человек» среди итальянцев — Марчелло Мastroяни. Его соотечественники держатся с ним с подчеркнутым уважением. Это не преклонение перед знаменитостью, а именно уважение, которое вызывает человек, много сделавший за свою жизнь. О костромичах и говорить нечего: место съемок каждый день осаждали толпы любопытных.

Как он выглядит вблизи? О человеке, перешагнувшем шестьдесят лет, в Италии с оттенком сочувствия говорят, что он «вошел в третий возраст». В конце нынешнего сентября Марчелло Мastroяни исполнит шестьдесят три. Давным-давно, лет двадцать пять — тридцать назад, когда Мastroяни успешно сыграл роли молодых мужчин в нескольких замечательных фильмах (вспомним хотя бы «Сладкую жизнь», «Белые ночи», «Ночь», «Восемь с половиной»), близкие друзья стали любовно называть его «жених всей Италии». Пожалуй, сейчас они так уже не говорят, но, даже шагнув в свой «третий возраст», он ухитряется работать так же интенсивно, как в ту далекую пору, которую считают «золотым периодом» в его творческой биографии.

В процессе съемок всегда находится время, когда актер не занят игрой или репетициями. В такие минуты Мastroяни обычно не покидает площадки.

Став в сторонку от хлопочущих над своими камерами операторов или присев на лавочку, он закуривает свою очередную сигарету, и в этот момент его можно принять за участника массовки, а вовсе не за кинозвезду с мировым именем. Внешняя доступность рас-

полагает к разговору. И он охотно поддерживает его.

Он родился в местечке Фонтана Лири неподалеку от Рима. В юности был рабочим, освоил специальность слесаря. Потом поступил учиться в университет, решил стать архитектором. Студентом играл в труппе любительского театра.

— Как-то на один из наших спектаклей пришел тогда уже известный режиссер Лукино Висконти. До сих пор не знаю, что он такого во мне увидел, но пригласил в свой профессиональный театр. — Чтобы было понятнее, Марчелло показывает пальцем, как Висконти поманил его. — Я вовсе не собирался оставлять архитектуру и становиться актером, а просто подумал: почему бы не попробовать?.. Дебют в театре Висконти прошел успешно. А когда после спектакля я услышал гром аплодисментов зрительного зала, их яд сразу отравил меня: я решил бросить университет (хотя был уже на четвертом курсе) и стал актером...

— Не жалеете, что не стали архитектором?

— Пожалуй, нет. Хотя по-прежнему считаю эту профессию самой прекрасной и необходимой людям. Честно говоря, архитектор сидит во мне по сию пору. Бывая в разных странах и городах (при моей нынешней профессии приходится много ездить), я все время ловлю себя на том, что рассматриваю их не глазами туриста, а архитектора. Смотрю, что удачно, что нет. Стараюсь через архитектуру понять живущих там людей. В этом смысле мне очень понравилась Кострома — я имею в виду ее старинную часть: тихие, зеленые улицы, своеобразные дворики со служебными постройками, деревьями, каким-то необычным уютом. Чего, кстати, не скажешь о новой части города. Я вообще не люблю новые застройки. Они слишком прагматичны. Будь ты в Риме, Алжире, в новых районах Парижа или еще в каких-то городах, где идет современное строительство, обязательно замечаешь их одноликость, схожесть между собой.

Говорят, что жилые дома должны быть функциональными. Конечно, тут не поспоришь. Люди должны жить в удобных квартирах. Но нельзя забывать о внешней эстетике, нельзя, чтобы наши дома походили на бетонные стены с прямоугольными дырами для балконов и окон... Надо думать и о том, что мы оставим после себя грядущим поколениям. Ведь сами-то мы получили в наследство немало архитектурных шедевров...

Многие, кто хорошо знает Мastroяни, говорят о его удивительном трудолюбии и работоспособности. Статистика подтверждает это. Начав сниматься в кино в 1947 году, он сыграл с тех пор примерно в 120—130 фильмах (точную цифру он и сам, как говорит, не помнит). И играл в основном главные роли. Бывали периоды, что за год он снимался в трех-четырех картинах.

В Костроме вся наша киногруппа жила в гостинице «Волга». Как-то в одиннадцатом часу вечера я поднялся в номер к Никите Михалкову, с которым накануне договорился об интервью.

— Сегодня ничего не получится, — извинился он. — Сейчас будем репетировать с Марчелло завтрашний эпизод.

В этот день погода позволила снимать до восьми вечера, и Мastroяни с самого утра (короткий обед не в счет) находился на площадке. И вот теперь, когда дело шло к ночи, ему опять предстояло работать. Но на следующее утро оба были на съемочной площадке.

Так получилось, что в том эпизоде я был совсем рядом с Мastroяни и мог видеть вблизи всю его работу в кадре. В принципе, в чисто актерском плане тот кусочек не был особенно сложным. Толпа жителей города Сысоева, собравшись на вокзале, бурно приветствовала итальянского гостя. С оркестром пожарных, речами, цветами, песнями и пляской цыган. В этом непонятном ему, иностранцу, шуме и гаме, где он был центром всего действия, Романо должен был успевать реагировать на каждую обращенную к нему реплику и в то же время не забывать о главном, ради чего он приехал в этот город: искать в восторженной толпе свою возлюбленную.

Провели одну репетицию, вторую, третью. Что-то в этом гвалте сначала не нравилось режиссеру, потом не устраивало оператора... И только Марчелло каждый раз делал все как надо. Наш переводчик Виктор Радецкий, загримированный под учителя истории сысоевской гимназии, а потому всегда находившийся в толпе рядом с Романо, переводил Мastroяни указания, которые Михалков выкрикивал в мегафон. Ясно, что Мastroяни — профессионал, что он великолепно владеет актерским ремеслом, но я не мог понять, как он успевал всякий раз очень точно и пластично сделать все, что от него требовалось на каждой из многочисленных репетиций, когда, казалось, он мог бы и не особенно выкладываться.

Потом ту же сцену сняли с обратной точки, затем укрупнили — короче, работали до тех пор, пока позволял световой день. После ужина Мastroяни и Михалков снова репетировали эпизод, который предстояло снимать на следующий день. Если переводить на рабочее время, Марчелло в тот день трудился две смены. Вот тебе и «третий возраст».

На съемки в Советский Союз Мastroяни приехал со своей четырнадцатилетней дочерью Кьярой. Постоянно она живет в Париже с мамой, французской актрисой Катрин Денёв. Я спросил Кьяру, какие роли отца в кино ей нравятся больше всего.

— Я мало видела фильмов с участием папы, специально стараюсь не ходить на них. Когда я вижу отца на экране, мне хочется быть вместе с ним, а это, к сожалению, невозможно: у меня школа, уроки, он же все время на съемках, в разъездах. Увидеться можем только во время каникул.

Конечно, профессия актера дала Мastroяни много: известность, уважение окружающих, наконец, материально обеспечила. Но и требует взамен она немало. Как-то в перерыве между съемками я заговорил с ним об этом.

— В профессии актера много своих сложностей, которые непонятны людям, работающим в другой области. Несмотря на всю ее внешнюю привлекательность, в ней, как во всякой профессии, есть свои взлеты и падения. И все-таки я люблю ее потому, что она позволяет выразить то, что хотел, позволяет достигнуть таких вершин, когда забываешь все прежние неудачи. Тогда ты счастлив.

Читатели не только читают книги, но хотят знать, как работают писатели, как рождаются герои, которые со страниц романов, повестей, поэмы вступают в нашу реальную жизнь. С одними мы спорим, не соглашаемся, другие становятся друзьями, соратниками, к которым обращаемся в трудные минуты за советом, сочувствием. Читатели радуются каждому писательскому успеху и близко принимают к сердцу неудачу, заблуждение. Все это с особенной остротой ощущалось в дни VIII съезда писателей. Съезд был откровенным, критичным и самокритичным, без каких бы то ни было недомолвок, умолчаний.

Первый секретарь правления Союза писателей СССР Владимир КАРПОВ

аш съезд начал работу 24 июня. Может быть, поэтому, слушая выступления своих товарищей, вглядываясь в их лица, я вспоминал о том страшном и трагическом дне, когда грянула война. Я смотрел в зал, тут присутствовали уже немногие представители тех миллионов, что сражались на фронте. Воспоминания о пережитом в боях перешли на первые послевоенные годы, когда некоторые из нынешних делегатов стали студентами Литературного института. И вот теперь они страстно говорили о том, какой быть советской литературе, чтобы занять достойное место в решении самых первостепенных проблем своей Отчизны и всего человечества. С этого короткого выступления Владимира Васильевича Карпова и началась наша беседа.

— Владимир Васильевич, писателей всегда считали дальновидными людьми. Это верно. Многие они предвидели, предсказали. В чем эта писательская дальновидность должна, по-вашему, проявляться в наши дни, в обстановке подъема и перестройки во всех сферах жизни, деятельности страны и народа?

Фото Г. Копосова

сегодня уже в другом. Это не простой вопрос, и решаем его мы коллективным разумом, какой и представлял собой наш съезд.

Движение жизни заставляет задуматься о положительном герое, о новых его активных делах на пути осуществления больших перемен в жизни страны, народа, связанных с решениями XXVII съезда КПСС. Но и о так называемом отрицательном нельзя забывать. «Мировая литература, и русская в частности, создала галерею героев зла и порока,— напомнил Гранин.— На них проверялись и ставились острейшие проблемы нравственности... И вот на фоне тех героев наши антигерои слабосильны, безвредны и глуповаты». Это правильно, только не полностью. Вспомним антигероя, созданного в конце двадцатых годов двумя молодыми неизвестными тогда сотрудниками газеты «Гудок» — Ильфом и Петровым, ставшими всемирно известными писателями благодаря роману «Двенадцать стульев». Нельзя не согласиться с Граниным, что борьба, которая разворачивается сегодня, укрупни-

Сергей Залыгин. Их книги любят, ждут. Не отразится ли отрицательно на их творческой деятельности длительная оргработа в бюро секретариата, не помешает ли она их прямому делу?

— Опасение закономерное. Но суть в том, что доверенное им дело имеет громадное значение для решительной перестройки деятельности, нашей организации, и тут большее влияние могут оказать истинные мастера. В Союзе у нас к дню открытия съезда было 9523 члена. А сколько вы можете назвать «настоящих», как вы говорите, книг, вышедших за пятилетие между съездами? Сто? Триста? А что же написали остальные? Вот мы и стремимся к активизации членов СП: и тут было бы грешно не воспользоваться влиянием наиболее талантливых наших коллег. В бюро входят представители нескольких республик, они не намерены в связи с избранием переезжать в Москву. Бюро будет собираться по проблемным вопросам работы СП. Все продолжают плодотворно трудиться. Уже после съезда были опубликованы новые художественные и публицистиче-

писательские заботы

— Я бы хотел начать ответ на ваш вопрос с выступления на съезде Валентина Распутина, представителя уже более позднего поколения, чем наше. Он вел довольно острую полемику с учеными — и даже с самим президентом Академии наук СССР Александровым. «Сколько мы говорим о проблеме поворота рек, сколько пишем, сколько надорвали сердец, не написали поэм, романов, повестей, отдавая силы и время защите родной земли,— и никакого толку: нас слушают и делают по-своему...» Он прочитал официальные бумаги, где подтверждалась необходимость переброски части стока северных рек в южные районы страны... «Как будто не было обоснованных, разумных доводов общенности, писателей, многих и многих ученых, подтвердивших как раз обратное — несостоятельность и преступность этого замысла...» А теперь вот мы с вами читаем в «Правде» от 16 августа 1986 года: «Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесооб-

разным прекратить указанные работы...» Всего полтора месяца разделили два факта, и каких факта! С неопровержимой убедительностью отражены в них и дух нашего времени, чуткость нашей партии, место писателя в общем строю, в общей борьбе.

— Пример с Распутиным, безусловно, имеет отношение к профессии писателя. Нельзя ли в этой связи сказать более подробно об атмосфере съезда, о новых идеях, проблемах, выдвинутых делегатами?

— Писатели высказали все, что хотели и считали нужным сказать о недостатках в нашей жизни и работе. Острой критике подвергли администрирование, кое в чем ставшее выше творчества, прямо, без обиняков, говорили о бюрократизме, чиновничестве, всевозможных несправедливостях, допущенных в вопросах издательских. И вот сейчас, когда все выяснено, получило должную оценку, мне кажется, настал момент, когда необходимо спросить себя и тут же ответить: что же дальше? Разгребать старые завалы недоделок, беспорядки и бюрократические рецидивы? Да, и это надо доводить до конца. Но все же главное

ла и чувства, и характеры. В этом единоборстве зло предстало куда более сильным, опасным и многочисленным, чем нам казалось. Оно не очень-то выбирает средства, если посягают на его власть. У него связи, деньги, умение приспособиться.

Зачем ему перестраиваться... Изменились мерки нравственного и безнравственного. Пришло время больших надежд, больших поступков, потому что слово и дело, разорванные до этого, стыкуются в одно целое. При всем том надо сказать, что все эти годы создавались и вещи действительно значительные. Судьба некоторых из них оказалась несправедливо трудной. Гранин сказал, что знает несколько талантливых романов, написанных во имя непреложных требований совести и боли. Кто должен был заинтересоваться их многолетними мытарствами, помочь, обсудить, разобраться? Кто? Думаю, что Союз писателей. Иначе для чего же он?..

— В бюро секретариата, Владимир Васильевич, вошли такие популярные в народе писатели, как Георгий Марков, Чингиз Айтматов, Василь Быков, Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Олесь Гончар,

ские работы Чингиза Айтматова, Сергея Залыгина, которые сразу же привлекли всеобщее внимание. Разумеется, крупные произведения писались и до съезда, но доработка, чистка версток шла после съезда, и, как видим, работа в бюро не помешала их завершению. Да и писатели, избранные или назначенные на штатные должности, как показывает практика, плодотворно трудятся и на литературном поприще — Ананьев, Иванов, Вергелис, Чаковский, Исаев и многие другие коллеги в республиканских, областных организациях.

— Нельзя ли, Владимир Васильевич, более детально рассказать, с чего начинается реализация пожеланий делегатов съезда?

— Секретариат сосредоточивает свои главные усилия на тех направлениях, которые стимулируют прежде всего творческие дела и усилия писателей и Союза в целом.

Любимым у Максима Горького при встречах с писателями был призыв, ставший крылатым: почаще заглядывайте в рукописи друг друга. Это и есть творческая атмосфера. Сам он являл пример подобной заботы о качестве будущих книг. Толстые тома «Лите-

ратурного наследства» донесли до нас тысячи писем, адресованных Горьким советским писателям, многие из которых впоследствии стали классиками советской литературы. Горький прочитывал до сорока рукописей в месяц, написал более двадцати тысяч писем. Сам над собой шутил: «Постепенно превращусь в писмоносца».

— А кто из ныне здравствующих писателей следует в этом отношении примеру Горького?

— Не знаю, кто из наших писателей проявляет в горьковских масштабах интерес к судьбам чужих рукописей. Правда, очень многие по характеру своей работы читают огромное количество рукописей — главные редакторы, работники книжных и журнальных издательств заняты таким чтением повседневно. Иногда случается — после смерти писателя комиссия по литературному наследству обнаруживает увесистые пачки переписки с молодыми писателями. Эта работа очень специфическая, ведется по велению сердца, чаще на обоюдном влечении и того, кто поддерживает, наставляет, и того, кто ищет, нуждается в такой поддержке. Я вспоминаю студенческие годы в Литинституте. Руководитель нашего творческого семинара Константин Георгиевич Паустовский учил нас всех, но была у него определенная сердечная привязанность, более пристальный взгляд к тем, кого он уже разглядел как серьезных будущих писателей.

— На съезде писателей вы, Владимир Васильевич, вспомнили редакторов «Нового мира» Твардовского, Симонова, Наровчатова, ушедших из жизни вскоре после шестидесяти лет, и сказали, что должность редактора была не последней причиной их ранней кончины. Печально сложилась судьба писателя Крона; несколько лет, сообщили вы, «новомировцы» пробились его рукописи «Капитан дальнего плавания». В конце концов повесть увидела свет. Но чего это стоило и вам, и автору? Не думаете ли вы, что всего этого можно было бы избежать, если бы в Союзе писателей существовала подлинно творческая обстановка, истинная заинтересованность в судьбе коллег, положивших жизнь на алтарь литературы? Есть ли гарантия, что подобное после съезда станет невозможным?

— Не хочу кривить душой: то, о чем вы спрашиваете, не всегда зависело от редакций или руководства СП. Вы сами назвали «пробиванием» то, чем приходилось и мне, и СП СССР заниматься. Сейчас секретариат направляет свои усилия именно к тому, чтобы подобное не повторялось. Безразличие к труду коллеги, отговорки, отписки, боязнь поспорить с бюрократом, преградившим путь к читателю хорошей книги, — все это нам хотелось бы отпраздновать в области неприятных воспоминаний.

Партия осуществляет гигантскую работу, чтобы повернуть общество к новым задачам, обратиться к их решению творческий потенциал народа. Тут главное — человеческий фактор. Одним из мощных средств политического, идеологического, нравственного воспитания людей является искусство и наиболее действенный и распространенный вид его — художественная литература. Вот из чего руководство нашей писательской организации исходит, решая задачи, о которых мы с вами сейчас ведем речь. Ясно, черствость, формализм, бюрократизм нетерпимы. Об этом говорилось на съезде, этим руководствуемся мы, реализуя его реше-

ния. Но вот уже в первые месяцы моей работы, к сожалению, не раз сталкивался я и с такими авторами, которые пытаются использовать удобную для них ситуацию обновления для проталкивания в печать своих слабых творений. Чаще всего это случается с людьми, которые заменяют недостаток таланта и работоспособности энергичными действиями локтей. Порой, беседуя, а точнее сказать, защищаясь от таких нахрапистых авторов, я внутренне поражаюсь: к чему, к каким нравственным качествам может приобщить читателя этот человек? Вот с такими «писателями» нам предстоит вести очень трудную работу, неважно на их возраст и количество изданных (с помощью локтей) книг.

Немало было сказано о необходимости активного вмешательства секретариата в решение творческих проблем, привлечение к этому всего выборного актива писательских организаций. Первейшее значение придается расширению демократических, коллегиальных начал в деятельности Союза. Разумеется, что главным показателем в работе СП в целом и его руководства будут новые, талантливые произведения. По ним, и только по ним, народ будет судить о нашей перестройке.

— Хотелось бы узнать подробнее, Владимир Васильевич, чем будет заниматься каждый из секретарей, по какому принципу распределена между ними работа, есть ли у них реальная возможность воздействия на литературный процесс. Словом, говоря без обиняков, не превратятся ли освобожденные секретари в «сидельцев», принимающих посетителей «от и до», а остальное их не касается? Ведь вы же сами говорите об обновлении и в стиле руководства?

— Секретари, я имею в виду тех, кого называют рабочими или освобожденными, будут работать по своим творческим направлениям. Мы старались, чтобы каждый литературный жанр возглавил авторитетный в данной области профессионал. Не стану тут перечислять титулы секретарей, их лауреатства, премии, звания, награды, — и без того каждая фамилия говорит сама за себя. Скажу одно — они опытные и уважаемые писатели, и прежде всего поэтому делегаты съезда избрали их в руководство Союзом. Поэзией будет заниматься Егор Исаев; прозой — Петр Проскурин; важнейшее направление (литература народов СССР — она выходит у нас на 78 языках) возглавит Юрий Суровцев; критику — Александр Михайлов; драматургию — Афанасий Салынский. Издательские дела поручены прозаику Юрию Грибкову, имеющему немалый опыт, он руководил еженедельником «Литературная Россия», а затем «Неделей». Литфонд возглавит прозаик Николай Горбачев. Особый разговор был о том, кому поручить работу с молодыми. Это проблема из проблем. Не без основания упрекают нас в том, что нет членов СП моложе тридцати лет. Конечно же, о писательском мастерстве судят не по возрасту автора, а по его книгам. Я лично сторонник такой точки зрения, что не может состояться настоящий писатель, особенно прозаик, критик, драматург, без содержательной биографии. Мне представляется одним из необходимых условий для писателя сложная жизнь, насыщенная событиями, переживаниями и борьбой. В народе об

этом говорят: что-то должно быть за душой! Иначе с чем ты идешь к людям? Да, в Литинституте можно приобрести некоторые приемы литературной работы, навыки, но ведь наши творческие наставники нам открыто говорили: здесь на писателя не учат. Здесь дают человеку знания, теорию, каноны творчества, помогают развить, активизировать талант. Работа по выявлению способной молодежи, поддержка ее должны вестись не только в стенах Литинститута, но и «в миру».

Обсуждая кандидатуру секретаря по работе с молодыми, учитывали и его писательские возможности, и организаторский опыт, наконец, и возраст. Выбор сделан на руководителя Челябинской областной литературной организации писателя Константина Васильевича Скворцова. Он член Челябинского обкома партии, был делегатом XXVII съезда КПСС, знает неплохо рабочую молодежь Урала, да и сам еще близок к ней.

— А наши международные литературные связи? Этой областью будет руководить один из освобожденных секретарей или дело ограничится иностранной комиссией?

— Союз поддерживает связь с литераторами более ста стран. Они бывают у нас, наши товарищи наведываются к ним. Проводятся симпозиумы, диспуты, беседы по различным проблемам литературы. Одному из освобожденных секретарей, а именно международному публицисту, прожившему пятнадцать лет в США, кроме того, побывавшему во многих странах, владеющему несколькими иностранными языками, известно нашим телезрителям по обзорам, а также по книгам очерков, театральным постановкам на международные темы, Генриху Боровику, поручена работа, о которой вы спросили. Как вы могли убедиться, и в этом назначении мы руководствовались компетентностью и профессионализмом писателя. В этой большой и ответственной работе будут участвовать, разумеется, не только Генрих Боровик и работники иностранной комиссии, а все секретари и многие писатели из всех союзных республик. После Заявления М. С. Горбачева 18 августа о новых инициативах нашего правительства в борьбе за мир и разоружение мы полностью сознаем, какой весомый вклад в осуществление нашей миролюбивой политики могут внести писатели и своим публицистическим словом в газетах, журналах, на радио и телевидении, и во многих личных контактах при выездах за рубеж, и при встречах с коллегами из других стран.

— На съезде высказывались соображения, не прибегнуть ли к сменности секретарей, заранее определив, кто кого и когда сменяет, так, чтобы в период между съездами секретариат переходило «из рук в руки», скажем, трех или четырех человек?

— Мы решили провести подобный опыт пока на одном направлении нашей работы. Проведем своеобразный эксперимент в драматургии. Поработав полтора-два года, секретарь Салынский передаст бразды правления Розову, а тот через определенный промежуток времени — Шатрову. Все время они будут трудиться вместе, в любой момент готовые и подкрепить, и подменить друг друга. Если опыт удастся, мы его

применим на других направлениях.

— Наверное, Владимир Васильевич, это и для вас не секрет, иногда приходится слышать от людей, не причастных к литературе, что у нас государство балует писателей, создает для них особенные условия, тратит на них крупные суммы денег. Как бы вы ответили на подобные разговоры?

— Начну с того, что Союз писателей СССР находится на полном самообеспечении. Ни одного рубля от государства не получает. Наоборот, приносит в Госбюджет большой доход. Назову лишь два источника наших доходов (из многих других): «Литературная газета», например, дает более 15 миллионов рублей прибыли; издательство «Советский писатель» — тоже более 15 миллионов. Часть этих сумм расходуется на содержание Литинститута, строительство жилых домов, домов творчества, содержание уже существующих, а их двадцать плюс одиннадцать пансионатов. Мы располагаем своими поликлиниками, больницами. Кроме того, писатели — такие же труженики, как и другие, мы оплачиваем бюллетени по болезни, пособия по нетрудоспособности. Но вообще, если говорить о среднем заработке писателя, он весьма невысок. Разговоры о больших гонорах, открытых счетах в банке — обычные обывательские сплетни. Существует авторское право, в котором определено, кому, сколько и за что положено уплатить. Кое-кто издавался и переиздавался многократно. Когда книга высокохудожественная, пользуется успехом и спросом у читателей, тогда переиздания закономерны, но были случаи, когда некоторые авторы желали переиздания больше, чем читатели того желали. Но, повторяю, случаи это единичные, по ним нельзя судить о заработках многих тысяч других писателей.

Из всего этого можете заключить, что от организационной работы Союз отказаться не может. Без нее тоже, как видите, нельзя обойтись, все дело, видимо, в пропорции.

— Воспользуюсь случаем, Владимир Васильевич, и спрошу, как продвигается ваша книга о маршале Жукове?

— Материал собрал громадный, удалось повстречаться со многими из тех, кто соприкасался с маршалом на войне. Однако нахлынувшие дела в Союзе СП пока не позволяют целиком посвящать свое время книге. Чаще с грустью посматриваю на рукопись и материалы, вроде бы остывающие на моем столе после недавней горячей работы. Разумеется, и у меня, и у других выбранных на руководящую работу писателей определенные издержки будут, но, с другой стороны, надо оправдывать доверие и уважение, оказанные нам товарищами по перу.

Мы живем в эпоху гласности, и я старался быть с вами, а значит, и с читателями «Огонька» максимально откровенным. Все стороны деятельности СП СССР могут быть проверены очень просто любым читателем даже без помощи компьютера, а именно: получат ли в ближайшее время наши читатели больше книг хороших, разных, настоящих.

— С Владимиром Васильевичем Карповым беседовал специальный корреспондент «Огонька» Зигмунд ХИРЕН.

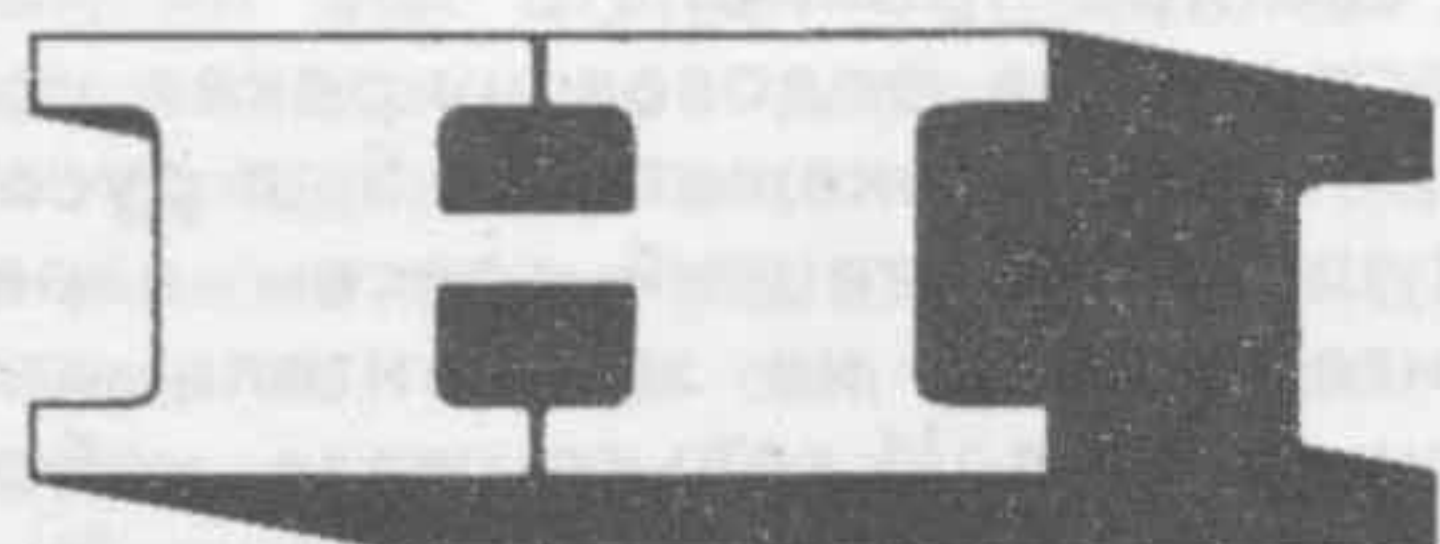
ПАДАЮЩИЕ

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

...е верилось, что все, что происходит, происходит с ним. Человек, не обученный падать, падает всегда неловко, что-то там непременно ушибая в себе. Обученный падать падает легко и просто. И глядеть, легко, как он шариком катится. Упал, вскочил — и все дела. Но сколько нужно науки, чтобы суметь стать шариком, чтобы, падая, суметь покатиться. Он не прошел этой науки. Его тренировали, чтобы крепко стоял на ногах, а никак не падал. Его тренировали, натаскивали на успех, а не на неудачу, ведь падение — неудача. Ошибка: надо тренировать на неудачу. На боль. На отчаяние. На утрату. Нет, на утраты. Господи, как умен этот затасканный призыв: хочешь мира, готовься к войне! Хочешь счастья, не беги от горя. Да таких быстроногих бегунов и нету, которые могли бы убежать от горя. Оно каждому дано. Когда-нибудь нагрывает. И тогда...

И все же не верилось, что все, что происходит, это с ним происходит.

ТУ-154, вполне солидный самолет, летающий за границу, могущий потягаться и со всякими там «Боингами», — он знал людей, европейцев, «штатников», которые предпочитали ИЛ-62 и этот вот ТУ американскому «Боингу», заносчивость которого их раздражала. Он и сам не любил заносчивых самолетов, отлетав на разных и порядочно много, поняв, что перед богом в небе глупо нос задирает. Так вот, этот

самый ТУ-154, славный и плавный, принес его и высадил на эту самую землю и лишь только высадил, как выяснилось, что тут пекло, просто пекло, что тут нечем дышать. Жить тут? Да тут дышать нечем! Дышать!

Между тем аэродромный автобус, сразу же заполнившийся потными телами, покати к недалекому зданию аэропорта, на флаштоке которого безжизненно повис аэрофлотский выпел, выцветший от яростного солнца, исплестанный, как боевое знамя, налетающим из близкой пустыни жестоким песком. Да, да, совсем рядом была пустыня. Не шуточная, Каракумы, а это в переводе означает Черные пески. Вот он куда попал! К черным пескам прикатил. Точнее сказать, докатился до оных. Но был ведь и у Сахары. Был и в знойном Египте. Изнывал от жары в Кувейте. То все иное, тогда было все иным, настолько иным, что боль терзала мозг, когда позволял себе вспомнить что-либо из недавних тех дней. Из недавних! Боль взорвалась в нем. Он запретил себе вспоминать. Чуть только начинал, как боль, просто боль, будто кто ударил по вискам, по глазам, обрушивалась на него, как обрушивается на свою жертву переступивший черту каратист. Как отбиться, укрыться, отгородиться от этих жестоких, коварных, внезапных ударов? Он научился вроде бы. Научился ввергать себя в безмыслие. Вот так вот, движется, что-то делает, а мыслей нет. О чем-то даже думает, а о чем — не понять. Нет мыслей. Сжался, отбился. И сейчас, в автобусе, притиснутый какой-то потной, рыхлотелой женщиной к стенке, он сжался, отбился, запямятовал. Боль отвалила. Взмок весь. Он сказал женщине, примерив к губам самую свою расчудесную улыбку — а он был мастером улыбаться, обучен был и природой наделен, — он сказал ей, выползая из отчаяния к озорству, что ли:

— Будто полюбили друг друга...

— Что? — Она не поняла его. Из-под губы с усиками мелькнули траченные золотые коронки. Но тотчас и поняла, и рассердилась: — Зачем сам прижимаешься?!

Они попытались разъединиться. Где там! Автобус утрясал их на бетонных швах, зной изнурял миг за мигом все больше.

— У вас тут всегда так? — спросил он, стараясь удержать на губах улыбку, но, наверное, жалкой она была, вымученной.

— Случается и по жарче. — Бывалой она была, эта толстая женщина, сверкнули чертеныа в ее глазах, в черноту ли, в сизину, еще молодых. — В командировку к нам?

— Насовсем.

Сказал и обмер: а ведь это так, он насовсем сюда. Насовсем!

— Не горюй! У нас тут хорошо.

— Я уже понял.

— Ничего ты не понял. Зачем так улыбаешься, будто плакать собрался? Женат? Если нет, повезло тебе. У нас тут невесты замечательные. Женись на армянке, советую. Нет лучше жены, чем армянка. Еще живут устои. Между прочим, я сама армянка.

— А я думал, туркменка.

— Думал! Смотри, все туркменки пешком идут от самолета. Их мужья и братья им головы оторвут, если увидят в такой тесноте с незнакомыми мужчинами.

— Еще живут устои? Кстати, и в Кувейте тоже. Там и лица у женщин закрыты.

— Было и у нас. На базаре и сейчас можно встретить.

Автобус остановился, двери расползлись. В зное этом, оказывается, жил все же свежий ветерок, и он сейчас пробежал по взмокшим лицам.

А тут было все как у людей. Вполне внушительное здание аэропорта открылось глазам. Стекло, стекло — и здесь стекло, хотя здесь бы, чтобы хоть как-то укрыться от солнца, карские, кувейтские, алжирские нужны были бы стены, эти стены-ниши, средневековый ужим окон, когда кажется, что здание прищурилось на солнце, рукой-козырьком прикрыв лицо. Нет, тут было стекло, стекло, будто поплавившееся, в ажурных разводах. Немудрено, и поплавишься. Оказывается, и еще может быть жарче, обманул ветерок. Но в жаре этой, в зное, в пекле жил какой-то особенный воздух. Вокруг на клумбах много было усыхающих роз — нет, не от них, не розовой квелой сладостью он был пропитан. Асфальт истаявал — от него этот дух? Нет, воздух пах не асфальтом. Догадался: воздух пах пустыней. Горьковатый, строгий, завлекающий дух пустыни, тех самых Черных песков, витал тут. Серьезное местечко, когда так пахнет воздух. Посреди океана, в Атлантике, где громадный пароход кажется шелушинкой, когда выйдешь на палубу, на нос корабля, когда ветер несильный, вдруг услышишь ты, учуешь этот запах громадного тела, этот звериный запах океана — тоже строгий, даже грозный и тоже завлекающий. Что человек? Песчинка, затерявшаяся в океане или вот на самом краю великой пустыни. Зачем, человек, тебя все носит и носит, вот сюда занесло — в эти нешуточные места? А потому и занесло, что ты песчинка.

За загородкой, в толпе встречающих, он сразу углядел своего институтского друга, самого у них на курсе добрейшего из добрых, которому все всегда поверяли свои беды, к которому и сейчас обратился, ища помощи. И тот помог. Нашел тут работу, да, тут, на краю пустыни, в этом зное, а все же работу, вызвал телеграммой, в которой было столько слов, что показалось, есть в нем нужда, и вот встречается, не одну, а обе руки воздев к небу. Друг единственный, как оказалось. Все прочие — где они? Боль, опять нагрнула боль пострашнее этого пекла. Сжался, кинулся навстречу другу. И тот уже бежал к нему. Обнялись.

— Ростик, ты?! Едва узнал! Идет в толпе молодой Джеймс Бонд! Словом, элита!

— Я, я это, Захар. Спасибо, что встретил.

— Да ты что?!

— Спасибо, спасибо.

— Да ты что?! Я просто весь пою от счастья. Ростик Знаменский прибыл в наши палестины! Сам Ростислав Юрьевич Знаменский! Краса и гордость... Эталон обаяния...

— Все в прошлом, как ты знаешь.

— А вот и нет! Турнули? Кабы не был виноват, тогда бы действительно было обидно. А ведь виноват?

— Виноват.

— Ну, а тогда действуй по законам цирка.

— Как это?

— А как канатоходец. Сорвался, повис — лезь опять. Номер надо повторить, арену нельзя покидать неудачником.

— Эх ты, цирковых дел мастер! Милый ты

человек, Захар, легко с тобой. Но чего это ты тройку натянул? Ведь испечешься. Ради меня?

— Ради протокола. Забыл, что я дипломат? Учи, по сути, в ранге заместителя министра иностранных дел республики.

— И такая персона меня встречает! Меня, человека, по сути, в ранге нуля.

— В ранге друга, сэр.

Они встретились в толпе, но теперь толпа сместилась к круглому навесу, куда должны были привезти чемоданы, их еще долго надо будет дожидаться, томясь в этой жаре, но эта жара и потом никуда не денется, она будет и в машине, она будет и в гостинице, она не уйдет и вечером, не исчезнет и ночью. Не повернуть ли назад? Как это его угораздило согласиться на работу в таком пекле? Выбора не было, дружок, выбора не было. Теперь часто ты будешь принимать решения не потому, что так вот решил, а потому, что выбора у тебя иного нет, иного нет выбора. Но здесь Захар. Друг, славный малый. Он и позвал, договорился с кем надо, организовал вызов. А выбора не было, выбора не было.

— Пошли к машине,— сказал Захар.— Водителю отдадим твою бирку, и он вмиг притащит чемоданы, вон их уже везут. Давай бирку. О, ты не знаешь еще, что у меня за водитель! Джигит! Озорник! Кудесник по части что достать!

— Туркмен?

— Почему? Алексей. Русский паренек. Ярославский, кажется. Здесь у нас кого только нет, всех городов и весей посланцы. От своего зачина так складывался город. Российские, закавказские, заднепровские, уральские невезуны сбегались. Армяне сюда бежали через Каспий от резни, и тогда же, при царизме, сюда, между прочим, ссылали проштрафившихся армейских офицеров. Пестрое сообщество. Но знаешь, когда ударило горько знаменитое землетрясение сорок восьмого года, убившее половину населения и все тут дома и домишки, а знаешь, ведь не дрогнули здешние жители, не побежали, подняли свой город. И не только туркмены, которым земля эта — родина, но все, все невезуны, бегуны, перекасти-поле. Все! Я уважаю, знаешь ли, местное население. Особый характер у народа. Как-никак, а земля-то под ногами что ни год в дрожь кидается. Ну, пока невелика эта дрожь. Пока. А вдруг да и лихорадка начнется, очередной припадок? Уважаю я здешний народ. Смелые люди!

— С неба огонь, земля сотрясается — славное местечко.

— Но зато смелые люди.

— Да, вот и я сюда прибежал.

— Не о тебе речь. Я и не подумал. Ты из другого теста.— Засуетился Захар, длинный, нескладный, в наряднейшей, иностранного происхождения светлой тройке. Но как ни наряжайся, а крестьянская родовая широкая кость из любого кроя себя покажет. Он был русоволос, добродушен, простецкий совсем парень, хоть и в ранге чуть ли не заместителя министра иностранных дел. И только глаза, небольшие, тоже крестьянские — из глубины синевы, — только глаза у него светили каким-то таким сильным светом, когда и ум в человеке угадываешь, и надежность угадываешь, а надежность в человеке всего дороже.

Алексей, бойкий, веселый, усмешливый, в черноту загоревший, с глазками в таком прищуре, что не угладеть было, что там в них, вмиг добыл чемоданы Знаменского, притащил, явно гордясь, что они такие заграничные, такие кругосветные.

— А чемоданчики-то, Захар Васильевич! А! Не верил вам, когда рассказывали, а теперь поверил. Знали небось и «мерседесы», и «шевроле» с «люкс-фордами» в придачу. Заметили, никаких наклеек? Нынче не носят. Кофр по коже, по шрамам на ней свой ранг показывает. И еще вот замки с цифровыми комбинациями. Дипломатические кофры!

Тараторя, укладывая чемоданы в багажник старенькой «Волги», Алексей зорко поглядывал из своих прищуров на Знаменского, устанавливая для себя и его собственный ранг. Ну, чемоданы что надо, а сам каков? А сам этот приезжий товарищ тоже был что надо. Тянул! И дело не в том, что одет во все заграничное. Нынче это не диво. В субботу на толкучке за час, если, конечно, повезет, можно раздобыть и эти штаны фирменные, и эту гонконговскую рубашу с погонами, которые, отстег-

ни их, могут рукава держать. Удобная штука. Материальчик такой, что потей под ним сколько угодно, а пот не проступит. Ветерок чуть дунул, а тебе прохлада. Нет, этот тянул сам по себе, хотя и одежда тоже роль играла. Алексей сказал:

— Рубашечка у вас, ну, прямо для наших мест! В Гонконге брали?

— Какая осведомленность.— Знаменский улыбнулся широко, приязненно, выложил для этого малого, еще не зная, как всякий приезжий, кому как себя подавать, и уже не умея — в растерянности жил — оценивать человека с первого взгляда, даже полувзгляда, а умелость эта, наука эта им вроде бы была освоена, и давно. Все разлеталось, потери ощущались по всем линиям, он растерялся перед жизнью и знал, что растерялся. Стал путаться: не то говорить, не так себя вести.

— Ты куда смотришь?— спросил Захар. Они уже ехали по шоссе от аэропорта в город по изнеможенной от жары асфальтовой полосе, пролегшей извилинами между домами-новостройками, в которых слепили, будто плавилась, стекла.— Не смотри пока, вот въедем в город, на проспект Свободы, там тебе понравится.

— Не буду смотреть,— сказал Знаменский и поглядел на эти дома-коробки, на землю вокруг, такую же древнюю, как ту, еще стоявшую в глазах.

— Не смотри, не смотри, сейчас грянет город.

— Уже успел влюбиться в свой Ашхабад?

— Знаешь, а в нем что-то есть. Привораживает. Многие так считают. Но, конечно, тебе, понаблюдавшемуся...

— Мы товарищу покажем такие уголки,— оглянулся Алексей,— что... А как вы насчет дам?

— Алексей!— строго одернул его Захар Васильевич, не шутя рассердившись.— Ну бабник, спасения нет!

— Это точно, разные мы,— сказал Алексей.— А в общем-то все мы бабники. Только один маскируется, а другой — душа нараспашку.

— Ты на что намекаешь, это кто же тихарит?— Захар Васильевич даже покраснел от негодования.

— Не о вас речь, Захар Васильевич, начальство вне подозрений. Да вам, дипломатам, и нельзя.

— Что нельзя?— спросил Знаменский.

— Все нельзя. Закованный народ. А чуть что, на коллегую.

— Это так,— и усмехнулся, и погрузился опять Знаменский.— Это уж точно.

— Дамы, дамы, погубят они нас,— сказал Алексей, старательно крутя баранку, обходил как раз пылящий и зловонный самосвал.

— Это уж точно!— повеселел Знаменский. Нравился ему этот парень.— Но, Алексей, об этом догадались еще задолго до вас.

— А мне какая разница, что кто-то догадался, главное, что я сам догадался. Но поздно. И наука не впрок. Третий раз развожусь.

— Вот такой он у нас,— сказал Захар Васильевич.— Ох, Алексей, займусь я тобой!

— А нас учи не учи, а мы такие, какие есть. Характер — штука железная. Верно говорю, Ростислав Юрьевич?

— Железо гнется, утверждают.

— Не знаю. Я бы рад согнуться, а смотрю, и опять занесло. Куда, кричу, куда ты меня, подлюга, тащишь?!— это я характеру своему, а он знай себе тащит.

— И затаскивает в очередной шалман,— сказал Захар Васильевич.— Погибнет, честное слово. Спасибо хоть пьет только по выходным.

— А в другие дни водителю нельзя,— сказал Алексей.

— А как же характер?— спросил Знаменский.

— Так я же не пьяница, у меня в другом вопросе катастрофа.

— Ну, понял, ясно. Каждому свое.

— Именно!

— А вот теперь смотри! Город!— торжественно провозгласил Захар.— Приехали!— И помолился: — Аллах, пусть будет счастлив сей путник в твоих земных чертогах!

Знаменский глянул. Прямая, широкая улица открылась глазам. Дома за разросшимися кронами карагачей были едва различимы, даль над асфальтом плыла в знойном мареве. Люди, их было мало в этот дневной час, шли по улице,

держась поближе к стенам, выискивая тень погуще. Что за люди? Что за стенами этих домов? Он столько видел таких улиц, в стольких успел побывать городах, что улицы и улочки давно слились для него в одну сплошную улицу, а города, большие, маленькие, громадные,— в один сплошной город. Но здесь, среди этих стен и людей, ему предстояло жить, сюда его выбросило на берег.

— Да, приехали,— сказал Знаменский.

И верно, приехали. Машина подкатила к бетонному, в нишах и окнах зданию, почти такому же, как там, и там, и там — по всему миру,— на фронте которого значилось: «Отель «Ашхабад». И рядышком, чтобы и иностранец все понял: «Hotel».

Машина остановилась, и Алексей королевским жестом повел рукой:

— Прошу, джентльмены!

2

Номерок был маленький, как келья в крепости, не повернуться. Да еще эти хвастливые чемоданы,— сразу их бахвальство тут увиделось, в скудном убранстве кельи. Да еще духота такая, что просто впахивать себя пришлось в эти недра, хотя на подоконнике красовался громоздкий ящик кондиционера, который, ясное дело, не работал. И запахи, запахи, весь букет от недалекой ресторанной кухни, от журчащего всеми кранами туалета и душа, набухшая от сырости дверь в который плотно не притворялась. Когда-то все тут работало, не протекало, затворялось, но пик славы отеля прошел, как и у человека минует молодая пора, и пришла старость, обветшалость. Жить тут? Вот на этой, тронул рукой, продавленной и скрипучей койке ночь провести? Мысль эта удручила.

А Захар за спиной, явно гордясь, что раздобыл другу номер в лучшей гостинице города, радужные уже строил планы:

— С месяцком тут поживешь, а потом раздобудем тебе в каком-нибудь тихом частном домике комнату с окнами в сад.

— И чтобы хозяйка кофе умела варить!— подхватил Алексей, утонувший в продавленном кресле.— Лет сорока, не больше!

— Кофе лет сорока?— подхватил игру Захар Васильевич, надеясь хоть как-то развеселить удрученного этим задохшимся номером друга.

— На первое время!— понял свою задачу Алексей.— А потом, при такой-то внешности, товарищ сам найдет себе кофеварку. Но, Захар Васильевич, если по совести, в сорок лет женщина, именно в сорок, ну, плюс-минус три годика,— она особенно хороша.

— Это почему же?— морщась, досадуя, что втягивается в подобный разговор, но уж больно убитый вид был у друга, спросил Захар Васильевич.

— Неужто не ясно? Последний вальс, так сказать.

— И практик, и, гляжу, теоретик. Ростик, да не дергай ты этот шнур. Сгорел кондиционер, не загудит.

— Уморился, машина все-таки,— сказал Алексей.— А мы его заменим. У меня тут администраторша в больших подругах. Сейчас, как спустимся, все налажу.

— Наладь, сделай милость.

Поняв, что кондиционер не загудит, поняв, что и окно не распахнуть, да и зная, что в жару такую распахнутое окно мало что даст, Знаменский, как за спасением, кинулся к одному из своих кофров, лихорадочно зашелкал массивными, сверкущими замками с колесиками кода. Отмахнул крышку, зарылся руками в чем-то ярком, модном, фирменном — у Алексея аж глаза заблестели, заглядывая в эти заморские недра,— и выхватил, выставил на утлый столик бутылку виски.

Стаканов в номере не нашлось, были лишь пиалушки. Ничего, можно и из пиалушек. Торопливо отвинтил Знаменский покорно-хрусткую крышечку, торопливо забулькал в пиалушки золотистую влагу. Проник, вступил в беспросветную духоту свежего ветерка, дуновение это с зеленого поля проникло.

— Поехали, друзья!— Знаменский не стал ждать, чокаться там, жадно приник к пиалушке.

— Спятил?! В такую жару виски! Надо бы разбавить!— Захар Васильевич из солидарности взял со стола пиалушку, но вертел в руке, не решаясь пригубить.

— Спятил! Вот именно!— Знаменский уже подхватил бутылку для новой порции, но еще не начинал наливать, а вслушивался в себя, в тот пожар в себе, который сейчас должен был выжечь в нем отчаяние. И потихонечку, потихонечку разгоралась на его лице улыбка. Засмотрелся на этого человека Алексей, на улыбку его разгорающуюся.

— Понял, улыбка!— сказал Алексей.— Я мигом, я сейчас!— Он кинулся к двери, обернулся: — Нельзя мне этого напитка, баранка держит! Но последний вальс я ради вас станцую хоть с бабой-ягой!— И исчез.

— Влюбился,— сказал Захар Васильевич, продолжая вертеть в руке пиалушку, не решаясь пригубить.— Ты это всегда умел, в себя влюблять.

— Иногда с самим собой просто невыносимо оставаться.

— Расскажешь?

— Расскажу. Тебе — обязан. Да ты разве не знаешь? Слухи-то быстрее скорости звука.

— Слухи — они слухи и есть. Врет часто эта информация.

— А, чего там, все правда, хуже не придумаешь!— Стал пьянеть Знаменский, прихватило его виски, помогая самого себя казнить, вот так вот небрежно рукой взмахнуть, мол, все пропало, чего там, не помогая и душу излить, не держать в себе свою беду, разговорить ее, разболтать даже — чего там?— нате, слушайте!

— Может, отложим разговор?— Захар поставил пиалушку, так и не решившись отпить хоть глоток.— В такую жару что за разговор?

— Пьяной исповеди испугался? Я не пьян, Захар, меня не берет, рекорды начал ставить по этой части — не берет.— Знаменский снова налил себе, снова одним глотком, мучительно напрягая горло, выпил. И, даже не отдышавшись, на выдохе от огненного глотка, выдохнул: — Проворовался я, знаешь ли.

— Так это называется?

— А по слухам как это называется?

— По слухам, ты растратил три тысячи долларов, которые тебе выдали на приобретение служебной машины. Кинулся у кого-то одалживать. Одолжили, да не те. Вот как по слухам. Детали мне неизвестны.

— Детали! Три тысячи долларов я проиграл в гостиничной рулетке в Каире. Играл и раньше. Часто везло. Втянулся.

— Это худо.

— Вот, вот, это худо. Ты «Амок» Стефана Цвейга читал? Что поделаешь, втягиваются люди.

— Литературные ассоциации, Ростик, всякие возможны. Раскольников старушку убил. Но зато князь Мышкин...

— Ладно, к чертям ассоциации. Ну, сходило, поигрывал, всегда был уверен, что далеко себя не пушу. Да три тысячи, разве это деньги? Думал, что перехвачу у кого-нибудь. Там, когда там долго поживешь, как-то все проще представляется. И изворачиваются наши людишки, поверь, изворачиваются, комбинируют. Вокруг-то не наша жизнь, а ты живешь не дома, а там, в их воде плаваешь.

— Ну и как же ты извернулся? Перехватил денжат у их разведчиков?

— Прикинулись приятелями.

— Ты что, рядовой необученный?

— Не кори меня, Захар. В теории так, а на практике эдак. Подвернулись, двое их было, посочувствовали, выручили. Да и что за деньги? О чем разговор, Рони? Меня там так звали, Рони да Рони.

— А у нас Ростик да Ростик.

— Да, да, все в Ростиках хожу. Даже когда исключали из партии, часто Ростиком называли. Как думаешь, в чем дело, почему я, до тридцати двух лет дожив, все в Ростиках хожу?

— Располагаешь. Славный парень, сразу видно.

— Не то говоришь. Вот ты Чижев, тебя бы Чижином звать, а никогда никто в институте так не называл. Чиж — бывало, а Чижином — нет. Может, в школе?

— И в школе Чиж. Да и какой я Чижинок, не располагаю.

— Не то говоришь. Ты не хмурься, я еще глотну. Горит голова.— Знаменский снова налил себе, снова поднес пиалушку к губам, но вдруг судорожно отвел руку, расплескал виски.— А, не поможет! И вот поймали меня! Потребовали вернуть деньги немедленно. Распис-

ка, протокол. Попытка завербовать. Ну, как маленького!— Эти слова стоном вырвались.— Как новичка! Туристика!

— Почему как маленького? Все логично. Смотря, попирает советский журналист.

— Все там пьют, о чем ты?

— Поигрывает в рулетку.

— Я не был тут исключением.

— Контактный сверх меры.

— А бывают контактные чуть-чуть?

— Ну, словом, Ростислав, они шли за тобой. Они тебя вели. Так, кажется, это называется? Помнишь, нам в институте рассказывали о приемах вербовки западной разведкой?

— Чепуха все эти лекции! Нет, я все же выпью! Или принять душ?

— В самую жару, пожалуй, не стоит. И воду днем не пей. Да ты знаешь, что наше пекло, что ихнее. Но ведь ты на вербовку не пошел, погнав их? Это-то не слух, это так?

— Так. Вырвался, отбил, да, да, отбивался, рванул в наше консульство и с первым же самолетом — домой. Но... Но шум, огласка, прессы — я и у рулетки был сфотографирован, — расписка эта, три тысячи долга. И кому!.. Словом, вон из партии, вон с работы, вон, собственно говоря, вообще. Считаешь, справедливо обошлись?

— Трудный вопрос, Ростик. Но я отвечаю: справедливо. По сути, ты был близок к измене Родине.

— Громко, не слышу!

— Да, да, к измене Родине.

— Но я отказался, отбил!

— Близок, сказал я, близок.

— Полагаешь, мне теперь нельзя верить?

— Теперь ты громко заговорил. Доверие! Громкое слово. Оно, как зал пустой, гулкий зал. Его надо еще заполнить, этот зал.

— И чтобы те, что займут ряды, мне поверили?

— Да. Чтобы пришли и чтобы поверили.

— Здесь, в этом пекле, и предстоит мне завоевывать доверие?

— Какая разница, где?

— Но ты меня вызвал. Почему? Из жалости? Или, может, чтобы самоутвердиться? Вот, мол, кем был Знаменский, всех обогнал, а теперь... Нет, прости, это не про тебя.

— Не про меня. Вызвал, потому что всегда считал себя твоим другом. И хватит об этом. Нам еще нет тридцати трех, Ростик, Илья Муромец в нас еще на печке сидит. Как жена?

— Пока не понял.

— Как твой тесть-министр?

— Пока не понял.

— А мама?

— Хватит! Хватит об этом!

— Прости. Поговорить было надо, но и все, теперь все. Поверь, Ашхабад — замечательный город. Черт его знает почему, но замечательный. Пекло? Оно всегда пять месяцев в году. Но зато потом... Меняй рубаху — и покатым ко мне. Каких я для тебя дынь раздобыл, какой виноград! А моя Ниночка, знаешь ли, стала просто мастером восточной кухни. Ждет тебя! Ну, ты еще когда ее покоришь! Вчера в парик-

махерскую бегала. В сорок два градуса! О женщины!

— А тебе не повредит, Захар, дружба со мной?

Стало тихо в комнате. С улицы пришли звуки. Млеи где-то в тайниках какие-то квакающие существа. Вечен этот звук на Востоке — на Ближнем ли, на Среднем ли, вот и в Средней Азии. Где затаились эти квакуны в асфальтовых и бетонных недрах — не понять, но вскрики их звучат и звучат, будто исходят от самой земли.

— Тихо говоришь, не слышу, — сказал Захар.

— Чуть ли не предатель, исключен из партии.

— Не слышу, не слышу тебя.

С грохотом распахнулась дверь и, пятась, с поклонами ввел Алексей в номер стройную, строголикую туркменку в красном платье-тунике. Не первой молодости женщина, но величавая была ее еще не избывшая красота, коронованная замысловатая прическа, выложенные торжественно две косы. Но главное, что прохладой веяло от этой женщины, никакой, ну, никакой не испытывала она жары.

— Вон они у нас какие, — сказал, залюбовавшись, Захар. Он поклонился. — Рады вам, рады.

— Салам, салам, — деловито сказала женщина, быстро глянув на Знаменского, на дорогие его чемоданы. — Так что тут у вас? Вот товарищ, — она небрежно повела царственной, в браслетах рукой на Алексея, — вот товарищ жалуется... Вполне приличный, между прочим, номер.

— Так ведь кондиционер же ты-то, дорогая Айсолтан! — взмолился Алексей.

В трехрублевых номерах кондиционеры почему-то всегда ты-то, — чуть улыбнулась дорогая Айсолтан. На своего приятеля Алексея она не обращала никакого внимания, даже как-то подчеркнуто не обращала, неинтересен ей был и этот нескладный в ладном костюме высокоценный русский, ее заинтересовал лишь вот этот вот, с разгорающейся восхищенной улыбкой на лице товарищ. В нем что-то было, что-то такое, что приобвыкшей в отельной службе к самым-рассамым экземплярам мужской породы Айсолтан показалось интересным, примечательным, заслуживающим хотя бы двух-трех пристальных, из-под ресниц фотографирующих взглядов.

— Милая, дорогая Айсолтан, — сказал Знаменский и сложил ладони, как это делают на Востоке, умело, привычно, поклонившись без подобострастия, но только потому, что перед такой женщиной невозможно было не склониться, пусть даже она всего лишь администраторша гостиницы, а он, может быть... Ханум! Но тут дышать же нечем!

Она задумалась, взглядывая сквозь густые ресницы. Там, за ресницами, в ее агатовых зрачках затеплилось сочувствие.

— Зачем такому человеку такой номер заказал? — спросила она Захара. — У меня два «люкса» свободных. Жарко, начальство не едет.

— А такой человек приехал! — подхватил Алексей.

— Я как-то не подумал, — смутился Захар. —

Ну, номер как номер. Не на гастроли приехал. — Он подошел к Знаменскому, спросил, шевельнув в шепоте губами: — Потянешь?

— Потяну. А здесь ноги протяну. Выбора нет.

— Вот вошла женщина, и пришли шуточки да прибауточки, — усмехнулся Захар. — Да, ты все тот же.

— Не просто женщина, Захар, а дорогая Айсолтан.

— Тогда вопросов нет, перебирайтесь в угловой номер на этом же этаже, — сказала администраторша, водворяя строгость на своем чуть только помягчавшем лице. — Алексей, ты знаешь, куда нести чемоданы. — И удалилась, плавающая, царственная, еще раз убедившаяся в своей власти над смешным этим мужским племенем. А это чувство, что ни говори, женщины не устают в себе подкармливать.

— Ты заметил, услышал, как она русские слова произносит? — спросил Захара Знаменский. — Акцент ее туркменский, мягкое «л», напористое «р» и часто «ю» вместо «у». А вместе какая-то загадочность входит в обычную казенную и скрипучую фразу. Загадочность и даже женственность.

— Все такой же, такой же, — покивал другу Захар. — Алексей, твои связи сработали, перебираемся.

— Обычное, самое первое лингвистическое наблюдение, — сказал Знаменский. Он закрыл крышку у бутылки, глянув на свет, много ли еще в ней плещется забвения, поспешно сунул бутылку в чемодан, отделяваясь, с глаз долой, и, подхватив чемодан, кинулся из удущья номерка в коридор.

— Куда бежать?! Дышать же нечем!

— Следуйте за мной, сэр!

С двумя чемоданами в руках Алексей бегом припустил по длинному коридору, а Знаменский не отставал.

И вот они уже стоят посредине довольно большой комнаты, замерли, вслушиваются. Да, гудит, гудит тут кондиционер. Но не в звуке дело. Тут ветерок повеваает, тут прохлада угнездилась. Бог мой, какое это чудо — прохлада! Как спасшийся от огня, как выскочивший из горящего дома, стоит, замерев, Знаменский и дышит, дышит, просто дышит.

— Да, тут совсем другое дело, — сказал Захар, нарушая молитвенное молчание.

— Две комнаты — раз, кондиционер японский — два, цветной телевизор, телефон, — перечислял, поворачиваясь локатором, Алексей. Он потрогал диван, присел на пробу в креслице. — Мебель югославская с подбросом. Житуха, Ростислав Юрьевич! Набор посуды! Рюмочки-бокальчики! В выходной к вам в гости напрашусь с сопровождающими лицами. Примете?

— Пренебреженно!

— А потянешь? — спросил Захар. — Рублей семь-восемь в сутки.

— Деньги есть, вот как раз деньгами меня снабдили, — сказал Знаменский и разом все вспомнил.

Продолжение следует.

НАШ ДРУГ ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВНА ЕРЕМАШВИЛИ

В. С. Еремашвили.

Раздался в корпункте телефонный звонок.

— Я пожилая женщина, перебираю свою библиотеку, потому что в доме у нас катастрофа: наводнение книг. Книжки вытесняют людей, негде повернуться. С 1936 года я выписываю и ежегодно переплетаю «Огонек». Теперь чувствую, что надо с этой коллекцией расстаться. Можно ее вам подарить?

Я узнала адрес и поехала. Ветхий тбилисский домик «на слом». Темные комнаты с подтеками на стенах. В семье нет мужчин, кроме пятилетнего внука. Хозяйка дома седовласая женщина Валентина Семеновна Еремашвили, член партии с 1939 года, оказывается, только в этом году ушла на пенсию. А ей семьдесят семь.

— Значит, вы начали выписывать наш журнал, когда вам было двадцать семь лет?

— Да, тогда его еще редактировал Михаил Кольцов. Посмотрите, какой хороший журнал, сколько иллюстраций и есть что почитать. Сейчас он, конечно, красочнее стал, и за последнее время появилось тоже много интересных материалов. Впрочем, моя любовь к нему постоянна. Я и на следующий год подписалась.

Вот это подписчик!

Но это еще не все. Правда, не с таким постоянством и не столь издавна Валентина Семеновна подписывается на толстые журналы — «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Звезда». А «Неву» и «Иностранную литературу» берет у соседки. Из всех этих изданий, выбирая на свой вкус наиболее значительные,

составляет опять же переплетенные тома книг. Таних у нее набралось сто. Да еще девять томов из тех книг, которые ей было не под силу приобрести, но она их одалживала и собственноручно перепечатывала тиражом в один экземпляр, а переплетчику платила еще за имя автора, выполненное на обложке золотым тиснением (Высоцкий, Ахматова, Цветаева, Мандельштам) и т. д.

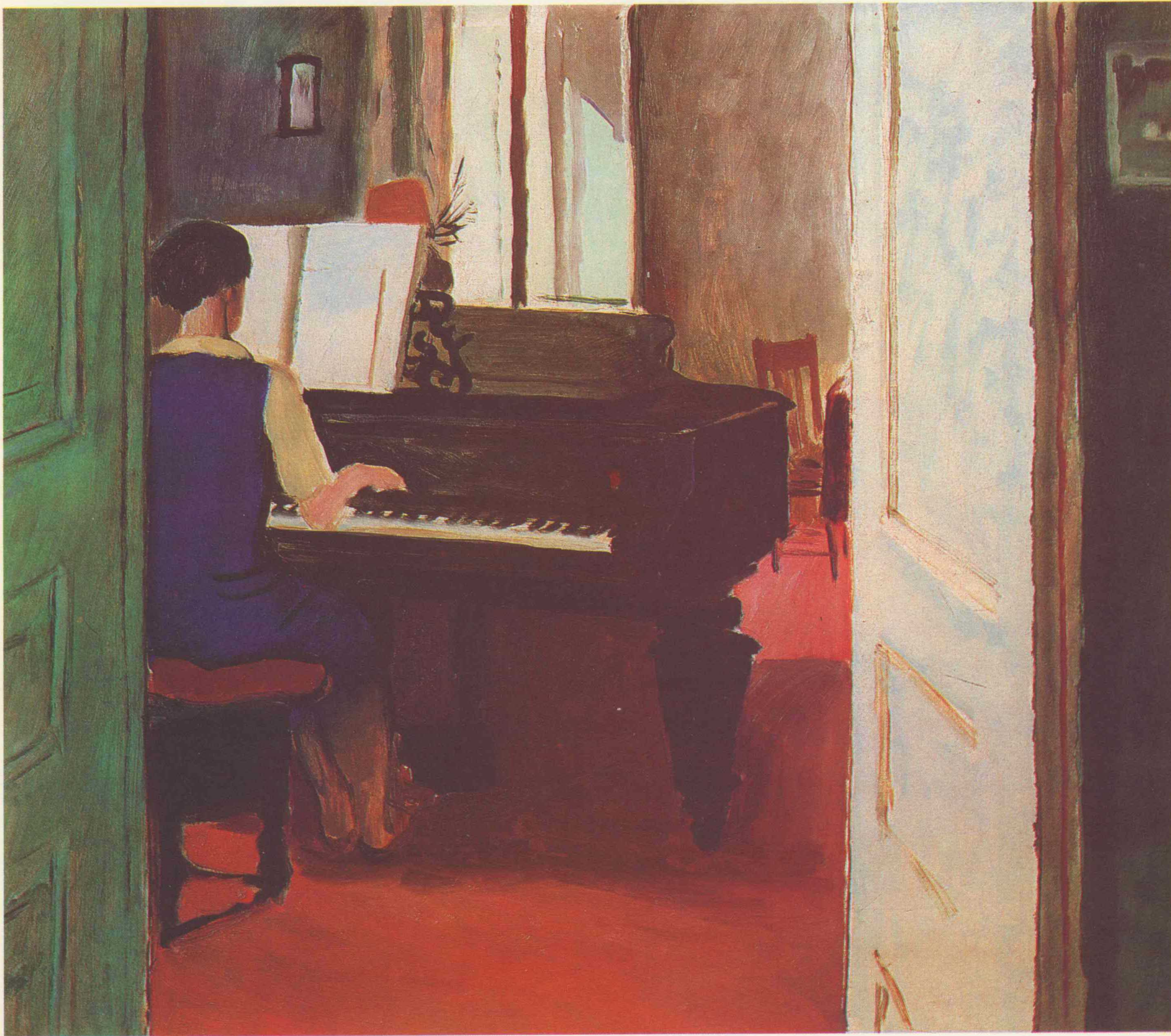
Я уж не говорю о собственной библиотеке, в которой есть редкие, вызывающие белую зависть книги.

Какая же профессия у Валентины Семеновны? Профессия ее — машинистка. За свою долгую трудовую жизнь она исполняла разные канцелярские обязанности в профсоюзных и партийных органах Тбилиси. Последние тридцать лет руководила административно-хозяйственным отделом в производственном объединении «Чай-грузия».

Еще и еще раз убеждаюсь, что культура человека не в профессиях и в должностях, а в том, чем он полнит свою душу, чем в этой жизни дорожит.

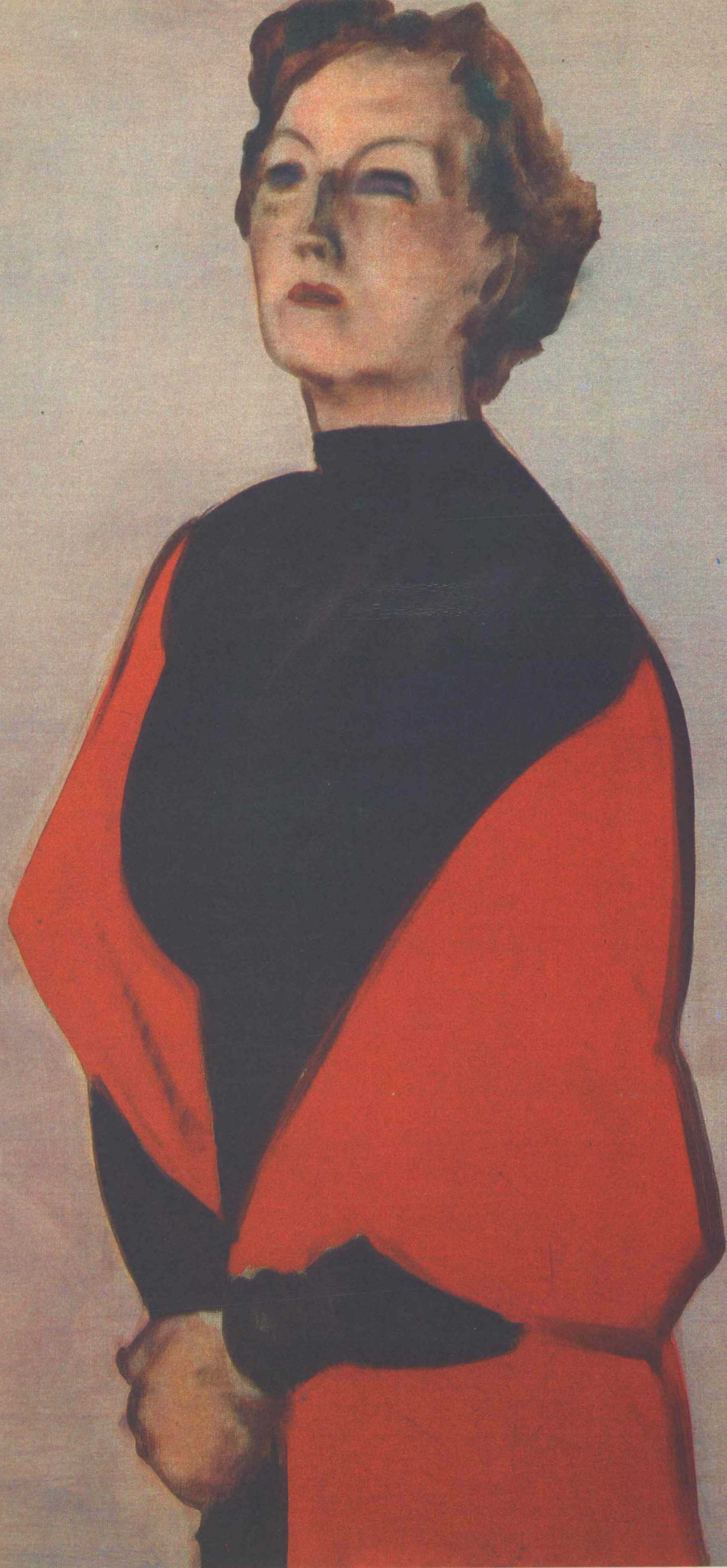
И. МЕСХИ

А. Гончаров. ЗА РОЯЛЕМ. 1934.

А. Гончаров. ПОРТРЕТ А. СУДАКЕВИЧ. 1959.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Николай
ДОРИЗО

ОДЕРЖИМОСТЬ

С годами стихи пишутся реже, строже, скупер. Тянет на прозу, на литературоведческие эссе, на поэтическую драматургию.

Видимо, поэтому третий том собрания моих сочинений, вышедший недавно в издательстве «Художественная литература», — проза, поэтическая драматургия.

В августе 1986 года прозвучала по радио моя трагедия-памфлет «Звездная версия». Действие этой версии может произойти в далеком или не в таком далеком уже будущем...

Я намеренно обратился к необычному в наши дни жанру

трагедии в стихах, соединив его с публицистической трибуной интонацией памфлета — памфлета политического, международного.

Тема трагедии животрепещущая. Быть или не быть. Это уже не рефлексия гамлетовского выбора. Это альтернатива: или — или...

Это трагедия одновременно и о Хирошиме, и о милитаристском безумии современного Запада, и о дне завтрашнем с его гудящей в наших сердцах тревогой. Ведь сегодняшний день — это точка

пересечения дня вчерашнего и завтрашнего.

В издательстве «Современник» готовится книга, в которую войдут стихи, поэмы, трагедии в стихах, проза. Она посвящена А. С. Пушкину — «России первая любовь». Книга эта писалась более четверти века.

Но порою ко мне приходят и стихи, которые как бы сами складываются в четверостишия. Парадоксальная закономерность: чем больше по объему задумываются прозаические и драматические произведения, тем рядом с ними короче пишутся стихи.

Чем меньше женщину мы любим,
тем легче нравимся мы ей...

А. С. Пушкин

Ты добр и талантлив,
Приветлив и мил,
В тебе одержимость и сила.
О, если бы так ты ее не любил,
Она б тебя очень любила.
Во всем перед ней превосходство твое,
Его виновато ты прячешь,
Но чем ты восторженней
любишь ее,
Тем меньше
в глазах ее значишь.

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

Мы слушаем космические дали,
Нас будят телефонные звонки...
А письма вы когда писали,
Когда писали дневники?
Вчера?
Сегодня?
Нет, едва ли!..
В наш реактивный век радарный,
Нетерпеливый, как порыв,
Немоден жанр эпистолярный,
Поскольку он нетороплив.
И мы на языке убогом,
Согласно купленным словам,
Грустим, ревнуем, любим слогом —
Машинным слогом, телеграмм...
Когда бы где-нибудь в подвале,
А может быть, на чердаке,
Мы б связку писем отыскали
В обитом жестью сундуке
Тех, что когда-то Пушкин некий
Писал жене, родне, друзьям,
И было б неизвестно нам

Ничто об этом человеке,
То и тогда бы благодарно
Мы бы сказали:

гений он!..

Друзья, забудьте телефон.
Любой из нас на свет рожден
Творить и жить эпистолярно!

С другими не кичусь я похвалойю,
Но все ж таю свои грехи от них.
Люблю тебя за то, что пред тобою
Я не скрываю слабостей своих.

Усталый засыпаю наповал.
Привык работою себя неволить.
Я очень по тебе бы тосковал.
Такую роскошь не могу себе
позволить.

Я гляжу с тоской на небо,
Звезды дальние считая,
Я гляжу с тоской на небо,
Повторяя вновь и вновь:
На какой планете дальней
Я оставил свою юность?
На какой планете дальней
Моя первая любовь?

ДО ТЕХ ПОР...

Слышал в Мюнхене я
Заклинания:
Мол, войну начала не Германия.
Мол, Россия на немцев напала —
Территории ей не хватало.
Слышал в Лондоне
я утверждения:

Мол, решили войну не сражения
В Сталинграде,
В Крыму,
под Моздоком,
А сраженья в Египте далеком.
До тех пор,
Пока бешено злятся
Ядовитые эти клеветы,
За Победу приходится драться
Даже после
Великой Победы.

В МЮНХЕНЕ

Нянчили нежно детей
Или молились
святоши.
А над столом абажур
Из человеческой кожи.
Керчь,
Моабит,
Бухенвальд.
Дымные фабрики смерти.
Это жестокость?
О нет!

Это страшнее, поверьте.
Это обычная вещь
В тихой гостинной ночной.
Тот абажур,
Как для нас
Куртка из кожи свиной.

ДЬЯВОЛЬСКАЯ СИЛА

С гортанным, хрипловатым
вдохновеньем
Он пел, плясал, и, как на божество,
Глядели люди то ли с удивленьем,
То ли с немим восторгом на него.
И лишь один кабаньими своими
Кровавыми глазенками глядел
Не на певца, на головешки
в дыме

И все мрачнел,
Как камень тяжелел.
Не понимал он, что его смутило!
Казалось бы, он до отвала сыт.
Так почему же дьявольская сила,
Как жгучий голод, плоть его томит?
Он ночью подстерег певца
в пещере,
Сбил с ног дубиной, лютой злости
рад,
Неандерталец, родственник
Сальери.
Десятки тысяч лет тому назад.

ВОСТОЧНАЯ ПРИТЧА

Старый нищий, что в лохмотьях
смердных
Клянчил подаенье у мечети,
Позавидовал великому султану,
Юному владыке всей вселенной.
— Если б стать мне им
хоть на мгновенье!..—
Он простер с мольбою к небу
руки.
И аллах мольбу его услышал.
И, как подаенье,
не монету
Бросил с неба,
а его желанье
он исполнил.
Нищий стал султаном,
Молодым владыкой солнцеликим.
Прожил день он в роскоши и неге,
День второй он властью
наслаждался,
Третий день блаженствовал
в гареме,
На четвертый день бедняга умер,
Задраный тигрицей на охоте,
Умер он мучительной смертью,
Смертью, предназначенной
султану.

А В ЦИРКЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ ГРУСТНО...

И нет у нас уверенности, что в ближайшее время станет лучше. Почти полгода назад о трудном положении артистов цирка, сложных взаимоотношениях пятидесятилетнего артистического коллектива с администрацией Союзгосцирка писал в журнале народный артист РСФСР Мстислав Запашный. И сразу начались звонки в редакцию, пошли письма — как хорошо, что журнал выступил на эту тему, цирку трудно, помогите.

— У нас действительно очень плохо, — сказал в беседе с нашим

корреспондентом Мстислав Запашный. — Так плохо, как сейчас, никогда не было. Наш генеральный директор В. Г. Карижский потерял авторитет среди артистов. Люди ему не верят, а это самое страшное, что может быть. Аппарат Союзгосцирка работает из рук вон плохо. После появления моей статьи вместо серьезного обсуждения долго выясняли, сам ли я ее писал и вообще зачем я это сделал. Так у нас реагируют на критику.

Критические статьи о работе Союзгосцирка, о застое в цирке, неудовлетворительной работе Государственного училища циркового и эстрадного искусства появились в «Правде», «Труде», «Московском комсомольце». Но в Министерстве культуры СССР и Союзгосцирке делают вид, что критика их не касается. «Огонек» так и не получил ни одного официального ответа: прочли ли, обсуждали, что решили? Больно отозвалась в сердце многих трагическая смерть на манеже (полное невнимание к вопросам

техники безопасности) Ирины Асмус — клоуна Ириски, которую хорошо знали по телепередаче «АБВГДейка».

До сих пор не может войти в норму прекрасный дрессировщик Тофик Ахундов, потерявший из-за халатного отношения служащих по уходу за животными группу выдрессированных бегемотов, погибших во время перевозки.

— То, что сейчас происходит в цирке, — это безобразие, — сказал нашему корреспонденту прославленный дрессировщик Степан Исакян. — Гибнут животные. Бюрократизм в нашем главке стал настолько силен, что пробить эту стену невозможно. Журналисты пишут, артисты читают, зрители сочувствуют, но дело не меняется.

В редакции есть копия письма, направленного в Министерство культуры СССР и подписанного ведущими деятелями циркового искусства. В письме поставлены многие конкретные вопросы, на-

званы болевые точки циркового дела. Но на письмо ответа нет.

На одном из собраний генеральный директор Союзгосцирка с гордостью сообщил, что за последние пять лет создано более 500 новых номеров. На этом же собрании выступил Юрий Владимирович Никулин и во всеуслышание заявил, что это «липа», очковитительство и приписки. Нет такого количества новых номеров. Но его слова, хотя он и говорил в переполненном зале, почему-то никто не услышал. И это неудивительно. Вот не услышали же выступление «Огонька» пять месяцев назад! Мы возвращаемся к этой теме. Надеемся, Министерство культуры СССР, Союзгосцирк, столичные городские организации (Союзгосцирк, как и многие его подразделения, находится в Москве) все-таки ответят на статью Мстислава Запашного и наше вынужденное послесловие к ней.

ОТДЕЛ ИСКУССТВ

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ.
ЧТО СДЕЛАНО!

● **ЗАЗВУЧАЛИ ИНСТРУМЕНТЫ,
МОЛЧАВШИЕ ТЫСЯЧУ ЛЕТ...**

● **КТО ПРОДОЛЖИТ ДЕЛО,
НАЧАТОЕ ТАЛАНТЛИВЫМ
ЭНТУЗИАСТОМ?**

**Сергей ВЛАСОВ,
фото автора**

III

Почему талантливому человеку подчас живется так трудно? Потому ли только, что талант — уже сам по себе явление из ряда вон выходящее и вписаться ему в общий строй сложнее? Или еще потому, что талант почти всегда бескомпромиссен и не умеет подлаживаться?..

О нелегкой судьбе таланта заставила меня в очередной раз задуматься встреча с удивительным человеком. Живет он в Новгороде, а известен тем, что воссоздал из праха и заставил звучать те музыкальные инструменты, на которых играли тысячу лет назад. Помните в «Слове о полку Игореве»:

*...А Боян персты на струны клал,
И живые струны рокотали
Славу тем, кто не искал похвал.*

Как ни странно, но звучание древних гуслей нам всегда представлялось примитивным, бедным. Это ошибочное мнение поддерживали многие археологические находки. В целости до нас не дошел ни один древний инструмент —

только отдельные фрагменты. По ним и велась реконструкция. Но в ее задачи до некоторых пор не входило восстановление звуковых качеств инструментов. И поэтому под стеклом музея они лежали мертвыми. И вдруг...

И вдруг древние гусли ожили и зазвучали. Зазвучали так, что пробирали слушателей до слез, до душевного содрогания, до потрясения, которое уже не оставляло сомнения, а нужно ли нам знать, какой была музыка наших далеких-далеких предков. Нужно! Непременнo нужно — приходила очевидная мысль, — нужно затем хотя бы, чтобы сверить нашу нынешнюю жизнь с неким эталоном духовной чистоты, а сверив, попытаться понять, верно ли мы живем...

Имя человека, подарившего нам такую возможность, — Владимир Иванович Поветкин. Он оживил умершую музыку.

Научные сотрудники Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского Дома) сделали стереозаписи звучания гуслей, восстановленных Поветкиным,

эти записи хранятся теперь в Ленинграде в коллекции фонограмм-архива вместе с голосами Льва Толстого, Сергея Есенина...

Предвижу скептический вопрос — ну откуда нам знать, такой ли именно была русская музыка тысячу лет назад, кто решится с уверенностью это утверждать? — и потому привожу здесь мнение человека авторитетного, Валентина Лаврентьевича Янина, члена-корреспондента АН СССР, руководителя Новгородской археологической экспедиции (сотрудником которой является В. И. Поветкин): «Владимир Иванович с научной достоверностью воссоздал самые ранние из всех известных современной археологии гусли и сопель XI века, гудок XII века. Это мастер, обладающий интуицией ученого, художник-реставратор высочайшего класса, чувствующий душу дерева, умеющий сочетать строгую научность с ювелирным мастерством. С уверенностью можно утверждать, что музыка в его исполнении — это те самые подлинно древние мелодии, которые звучали на Руси в исполнении легендарных Садко, Бояна. Недооценивать значение работ Поветкина — значит проявлять идейную и политическую близорукость».

А разве кто-нибудь их недооценивает, недоуменно спросите вы. Как это ни парадоксально, но достижения уникального реставратора, которые могли бы стать гордостью любого города, любой страны (если бы ей еще повезло родить такого самобытного Мастера!), здесь — в древнем русском крае — не очень-то интересуют тех, кто призван ими интересоваться по долгу службы.

Теперь я скажу, что меня в этой истории больше всего поразило: Поветкин занимается воссозданием старинных инструментов в свободное от основной работы время, это его, извините за выражение, хобби, и занимается он им не где-нибудь в специальной мастерской, а в тесной своей квартире. Комната, которая служит хозяину и лабораторией, и гостиной, и столовой, и музеем, неред-

ПОМОЧЬ ЧЕЛОВЕКУ

**ЧЕТО Ж
НОВОВЕТКИН
ЕЩЕ
ХОЧЕТ...**

Рисунок В. РОЗАНЦЕВА

ко бывает устлана шуршащим ковром деревянной стружки.

Когда-нибудь, я уверен, Новгород непременно будет гордиться тем, что жил в нем такой человек — Поветкин.

«Росич всегда хотел невозможного. Вечно голодный душой, он жил стремлением. Не жил еще на свете счастливый росич, ибо для себя самого он всегда оставался ниже своей мечты». Я вспомнил эти слова из романа Валентина Иванова «Русь изначальная», выходя от Поветкина после первой с ним встречи. Что я до этого знал о нем? Немного, зато сведения достоверные — от его друзей. Знал, что учился Владимир Иванович в художественно-графическом педучилище в Курске, четыре года служил на флоте, знал, что в Новгороде он живет семнадцать лет, а когда приехал сюда, не было у него здесь ни кола ни двора, ни единой близкой души. Десять лет прожил в сырой, не отапливаемой даже зимой клетухе Воротной башни, что на знаменитом Ярославовом дворе. Здесь он и мастерил свои инструменты. Не единожды его обворовывали. Не единожды выселяли из его «хором». А куда ему было переезжать?.. Наконец дали квартиру неподалеку от Волхова, на улице Славной, но въезжал он туда на костылях: долгие годы, проведенные в холодной, сырой комнате, не прошли бесследно. Несколько месяцев был прикован к постели, потом заново учился ходить.

А еще довелось мне слышать о Поветкине разное, эдакое снисходительно-скептическое: и заносчив, мол, и не хочет отдать в музей все свои инструменты, и не стрижется — волосы до плеч отпустил, и кружок во Дворце пионеров не желает вести, и не совсем ясно его социальное лицо — числится вроде в археологической экспедиции, но ведь там работают только летом, а остальные девять месяцев года что Поветкин делает, тунейдствует? (Это о человеке, чьи уникальные творения украшают музеи Москвы, Ленинграда, Новгорода.) И вообще чего он такого сделал и чего он еще хочет?

Поверьте, читатель, я не сгущаю краски, а почти со стенографической точностью цитирую здесь слова тех, кто поставлен у «руля культурной жизни» города и области.

А действительно, чего еще хочет Поветкин?

С этого вопроса и начался наш разговор с Владимиром Ивановичем. Но сперва было знакомство. Дверь мне отворил человек среднего роста, аскетически худой и оттого кажущийся высоким, с лицом откровенно одухотворенным. Большие яркие глаза глядели настороженно (кто ты, с чем пришел?), а у меня невольно мелькнула в памяти строчка: тот нестерпимо синий, тот нестеровский взор.

Узенький коридорчик ведет в комнату, где все необычно и где почти все сделано руками хозяина: кровать, половики, лавки, плетеная из бересты посуда — хлебница, солонка, подносы, подстаканники, сухарницы и прочая утварь. Когда мы сели на самодельные табуретки, я и спросил:

— Чего ж вы, Владимир Иванович, хотите?

— А ничего уже не хочу, раз уверился! — сказал взволнованно и замкнулся, замер, уставив взгляд в одну точку. На высоком чистом лбу нервно пульсирует голубая жилка...

Постепенно я привыкну к такой его манере — говорить откровенно и тут же умолкать, погружившись в себя, словно переживая сказанное или, может, жалея о сказанном...

Так о чем же мечтал Поветкин? А вот о чем — открыть древнюю русскую музыку для всех, для народа. Но разве мы не знали ее, спросите вы, не однажды слышали те же гусли... В том-то и дело,

что те, да не те. Гусли, которые мы слышим в концертах, — это усовершенствованный инструмент, приспособленный для игры в больших залах и потому утративший и свою первоначальную конструкцию, и исконное свое звучание.

— Настоящие гусли, как и прочие инструменты, нами забыты, — снова горячится Владимир Иванович, — они принадлежат народной музыкальной культуре, существенно отличающейся от привычной для нас. Согласно преданиям, звуки гудебных сосудов — так на Руси прежде называли музыкальные инструменты: бубны, варганы, сопели, кугиклы, желейки, свирели, гудки, гусли, рога, — их звуки наделялись магической силой. В их звуках можно услышать нечто из того, что было доступно человеку, восхищенно почитавшему силу природы. Гласы, звуки, или, как их еще называли, наигрыши, тонцы, игры гудебных сосудов служили, помимо прочего, и оградительным знаком, оберегом против любой напасти. Игра на гудебных сосудах считалась одной из форм общения с духами природы. Например, на курских и брянских землях играть на кугиклах начинали не раньше, чем зацветет рожь — «чтобы колос пустой не был», и уже не играли, когда приходила пора сеять озимые. Музыка в данном случае была заклинанием, заговором. Таково исконное народное отношение к музыкальному звуку.

Слушая вдохновенную речь Владимира Ивановича, понимаешь, почему к нему тянутся люди. Так к родниковому источнику издалека, хоть под боком воды хватает, едут многие и многие ценители особой ее чистоты и прозрачности.

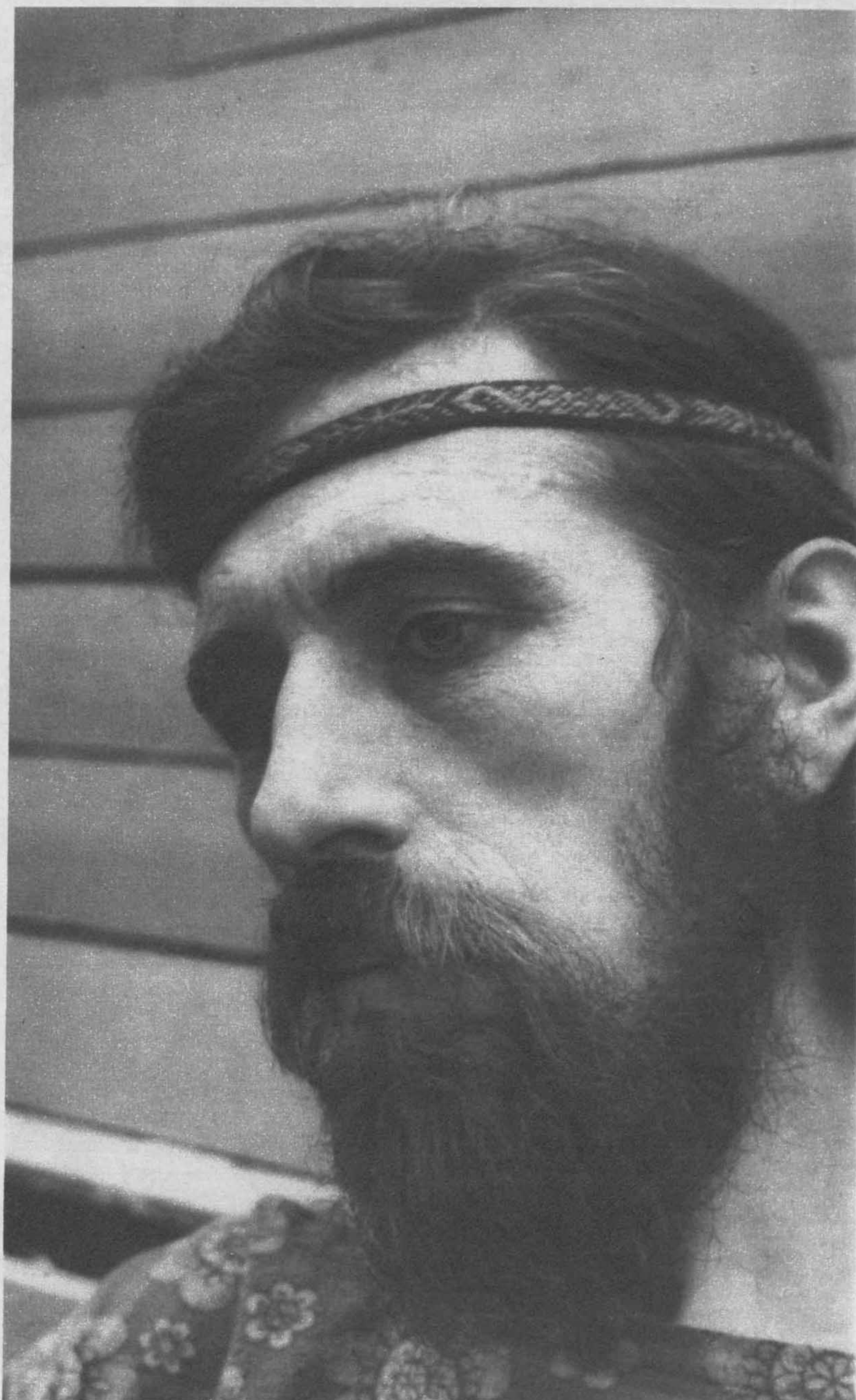
Поветкина без конца приглашают выступать с музыкой и с докладами в разные уголки страны. Был он на фольклорных фестивалях и концертах в Литве, Латвии, Эстонии, в Ленинграде, Москве, где встречали его восторженно. Приходится только удивиться, как точно совпала подвижническая деятельность Поветкина с веянием времени — с явным стремлением, общей тягой к корням, к истокам нашим.

— Через гусли я открыл для себя великую культурную традицию — устную, изначально единственную, а затем бытовавшую параллельно с письменной, — снова загорается Владимир Иванович. — Сложный путь обретения утраченных истин может начаться с изучения обычаев народного музицирования.

Такой вот у Владимира Ивановича проницательный взгляд — через призму истории, через гусельные струны в день сегодняшний да и завтрашний тоже.

Десять почти лет он носится с идеей: создать в Новгороде (где еще!) центр по изучению и реконструкции древних музыкальных инструментов. Но чтобы не мертвыми там они лежали (вот почему он не хочет их отдавать в Новгородский музей, где, впрочем, и без того хранятся — в запасниках! — множество воссозданных им гуслей, гудков, сопелей), а чтобы эти гудебные сосуды стали средством общения и взаимобогащения людей.

Здесь можно будет получить исчерпывающую информацию о реконструированных инструментах и об их роли в народных обычаях. Здесь можно готовить пре-

подавателей, кстати, для того же Дворца пионеров, которые смогли бы учить детей строить музыкальные инструменты и играть на них. Здесь инструменты будут храниться не под стеклом — каждый, кто захочет, пусть потрогает гусли, пусть проведет по их струнам рукой, пусть затронет струны своей души...

Владимир Иванович — максималист и на компромиссы не идет. Поэтому и не захотел вести просто кружок во Дворце пионеров. Для такого важного дела, убежден он, именно центр нужен. С лабораторией, мастерской, демонстрационным залом, со складскими помещениями... Сто двадцать квадратных метров, никак не меньше, для этого понадобится, по скромным прикидкам Владимира Ивановича.

Эх, мечты, мечты! А пока ютится мастер у себя в квартире. Комнатки забыты стеллажами, полками и всякими хитрыми приспособлениями с инструментом и материалами. Но разве все необходимое здесь уместить! Вот и гниют в сарае заготовки для гуслей, мокнут под дождем, сохнут на солнце. Квартиру Поветкина отличишь сразу — вход в нее практически забаррикадирован деревянными чурчурками.

Десять лет пробивал Владимир Иванович свою идею о центре. Ходил, обивал пороги, доказывал, унижался, как сам считает. Его

идею поддерживали многие авторитеты. Валентин Лаврентьевич Янин, например, считает, что центр изучения и пропаганды средневековых музыкальных инструментов проложил бы более широкую дорогу к до сих пор недоступной исследованию области нашей национальной культуры. В 1984 году под давлением общественности (музыканты, археологи, писатели хлопотали) новгородские власти взяли было за создание центра, но дальше разговоров и обещаний дело не пошло. На удочку этих обещаний попались многие, волна общественного возбуждения вокруг Поветкина схлынула.

...В последний свой приезд в Новгород, в июле, я застал Владимира Ивановича в состоянии крайнего уныния. Стена, на которой раньше красовались древние инструменты, была теперь голой.

— Спрятал, упаковал, — хмуро пояснил он, — уеду отсюда. Не найди мне здесь понимания.

Оказывается, приезжали к нему недавно два ответственных работника (опять-таки под давлением — на сей раз поэт Виктор Боков вступился), поговорили и вынесли свое решение: вместо центра сделать просто мастерскую.

— Но это же совсем не то, — доказывал Владимир Иванович, — рушится идея!

— Идея хорошо, а у нас в городе жилья не хватает, — отвечали ему, — в прошлом году одиннадцать тысяч квадратных метров недодали новгородцам. Так что с центром придется подождать.

Осерчал Поветкин на Новгород.

В этом году «Огонек» третий раз обращается к рассказу о работах удивительного ученого и человека, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии профессора Г. А. ИЛИЗАРОВА (см. «Огонек» №№ 5, 26).

Недавно в Кургане прошла международная конференция, посвященная изучению метода профессора Илизарова. В сибирский город на Тоболе съехались ученые из 19 стран.

КУРГАН-86

— Это человек-легенда, — говорит профессор из Бомбея, член международной организации ортопедов, основатель и президент ассоциации травматологов Индии С. К. Гойял. — Я познакомился с профессором Илизаровым, когда он был на Кубе. А сейчас приехал сюда, чтобы досконально изучить его методику. Буду вести речь о покупке уникального аппарата.

— У Илизарова миллион идей, — вторит индийскому профессору вице-президент Польского ортопедического общества Витольд Шульц.

На конференции было заслушано 80 докладов о разносторонних исследованиях, как медико-биологических, так и медико-инженерных, проводимых сотрудниками профессора Илизарова. Видные зарубежные ученые рассказали об опыте применения этого метода в разных странах: Франции, Италии, Югославии, Испании, на Кубе...

Итальянская фирма «Медикал Пластик» приобрела лицензию и сейчас выпускает и продает аппараты Илизарова в Западной Европе. Однако научный консультант фирмы профессор Антонио Бьянки-Майонки выразил озабоченность тем, что уникальное изобретение Илизарова при существующей на Западе конкуренции может получить промышленное тиражирование, когда еще только идут экспериментальные исследования, а это может дискредитировать метод. Поэтому так важно научное сотрудничество с курганскими учеными. Итальянские врачи проходят здесь практику.

Доктор Бьянки-Майонки пояснил, что его самого заставило заинтересоваться методом Илизарова

Участники конференции в Кургане.

Уеду, говорит, туда, где люди меня понимают.

Но ведь обидно, обидно! Этот центр должен быть здесь, в Новгороде! И я тоже решился доказать то, что мне казалось таким очевидным: поветкинский центр мог бы стать гордостью города, как же от него отказываться! И потом человек! Для меня Владимир Иванович, с тех пор как открыл я его для себя, стал символом исконно русского мастера-подвижника, который всегда стремился сделать больше, чем хватало бы у него сил. Который, даже заканчивая свое творение, продолжал служить ему и ради него всегда готов был идти на жертвы. Одержимые только и двигают вперед историю, на них земля держится. Помогать им надо! А то ведь что получается — бьется человек о стену нашего равнодушия, чванства, бьется да скоро и озлобится, превратится в угрюмого, недовольного, сердитого на весь свет. Так главное национальное достояние (каким являются таланты наши) мы сами превращаем в балласт общества. Кому это на руку?..

— Как, неужели Поветкин со-

брался уезжать из Новгорода! — искренне удивился Владимир Александрович Кондратьев, заместитель председателя облисполкома. — Нет, этого допустить никак нельзя. Мы этого себе потом не простим.

Ничего не пришлось объяснять Кондратьеву, он сам хорошо знал Поветкина и еще два года назад дал распоряжение сделать проект центра, но потом сменилась у него должность, и распоряжение его выполнить «забыли».

— А вы не могли бы привести ко мне Поветкина? — спросил меня Владимир Александрович.

Дальше все было, как в сказке. Мы сели втроем в машину и поехали... выбирать место для центра. Решили, что лучше строить на небольшом пустыре за кинотеатром «Октябрь». На следующее утро Кондратьев призвал архитектора И. И. Кушнера, начальника стройтреста А. В. Крутова и объяснил им задачу. Оба сразу же загорелись, стали перебирать варианты. Проект словно материализовался из воздуха.

Поветкин сидел тут же, слушал и не верил своим ушам. Как, оказывается, все просто, думал я.

личное горе — его сын родился больным.

— Я не хочу, чтобы другие родители страдали, как я. У всех должна быть надежда на выздоровление ребенка, на счастливую жизнь, — взволнованно говорит он.

Универсальную систему аппаратов Илизарова, позволяющую решать многие лечебные задачи в разных отраслях медицинской науки и практики, называют самым гуманным и максимально щадящим методом ортопедии и травматологии.

Я беседую с профессором Илизаровым.

— Гавриил Абрамович, сейчас, когда ваши достижения признаны во всем мире, испытываете ли вы какие-либо трудности?

— Без трудностей жизни не бывает, увы... Идей много, но зачастую желание осуществить их опережают наши возможности. Чем больше мы углубляемся в изучение черескостного остеосинтеза, тем шире открываются возможности применения метода. Образно это можно представить так: наши научные исследования — океан, а мы — корабль.

— То есть большому кораблю большое плавание?

— Да нет, я имел в виду другое. Чем больше океан, тем интереснее плавание, даже если оно сопряжено с большим риском. А экспедиции у нас сейчас очень серьезные.

— Как вы считаете, достигнута ли цель конференции?

— Вполне, наши надежды оправдались. Очень важны для нас завязавшиеся контакты, итоги опыта практического применения нашего метода и в нашей стране, и за рубежом. Конференция дала возможность обсудить все проблемы на высоком научном уровне.

И еще одно интервью — с директором ЦИТО, заместителем председателя оргкомитета конференции Ю. Г. Шапошниковым.

Исследования, которые проводятся в Курганском институте ортопедии и травматологии, привлекают интерес все более широкого круга специалистов — и советских, и зарубежных. Концентрация проблем, обсуждавшихся на этой конференции, и участвующих в ней ученых настолько велика, что хватило бы не на один десяток симпозиумов.

Недавно состоялась коллегия Министерства здравоохранения СССР, где рассматривался вопрос распространения метода Илизарова в широкой медицинской практике. Принято решение о создании научно-производственного объединения во главе с Курганским институтом, в который войдет ряд других институтов и лабораторий. Это будет большой научно-производственный комплекс, что, безусловно, ускорит внедрение в практику метода профессора Илизарова.

Г. РЯВКИНА

Как, оказывается, все просто. Если повнимательнее быть к человеку.

— Спасибо вам, — сказал я на прощание Кондратьеву.

— Да за что! — удивился Владимир Александрович. — Общее же дело делаем.

...Когда материал уже готовился к печати, я позвонил в Новгород. «Все в порядке, строим для Поветкина центр, — сообщил В. А. Кондратьев. — Проект уже готов...»

* * *

Что ж, вопрос решился и Поветкин доволен? Нет. Нет, недоволен Владимир Иванович. Так чего ж он хочет? А хочет он теперь, чтобы не только в одном его городе были такие центры, а во всех краях страны возродилась старинная народная традиция, чтобы почувствовали люди вкус, тягу к своим корням, к истокам своим, чтобы осознали себя как часть единой цепи поколений...

«Россич всегда хотел невозможного. Вечно голодный душой, он жил стремлением...»

М. ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный
обозреватель «Огонька»

Скажу убежденно, ни в одном из матчей Каспарова и Карпова, ни на одном этапе их титанического соперничества события не развивались так увлекательно, непредсказуемо, драматично и интригующе, как на прошлой неделе в Ленинграде. И впечатления эти необычайны даже не столько беспредельной результативностью трех боевых поединков, исход которых ото дня ко дню резко менял спортивную ситуацию матча-реванша, сколько богатством творческого содержания партий, накалом борьбы, драматургией и психологическим подтекстом.

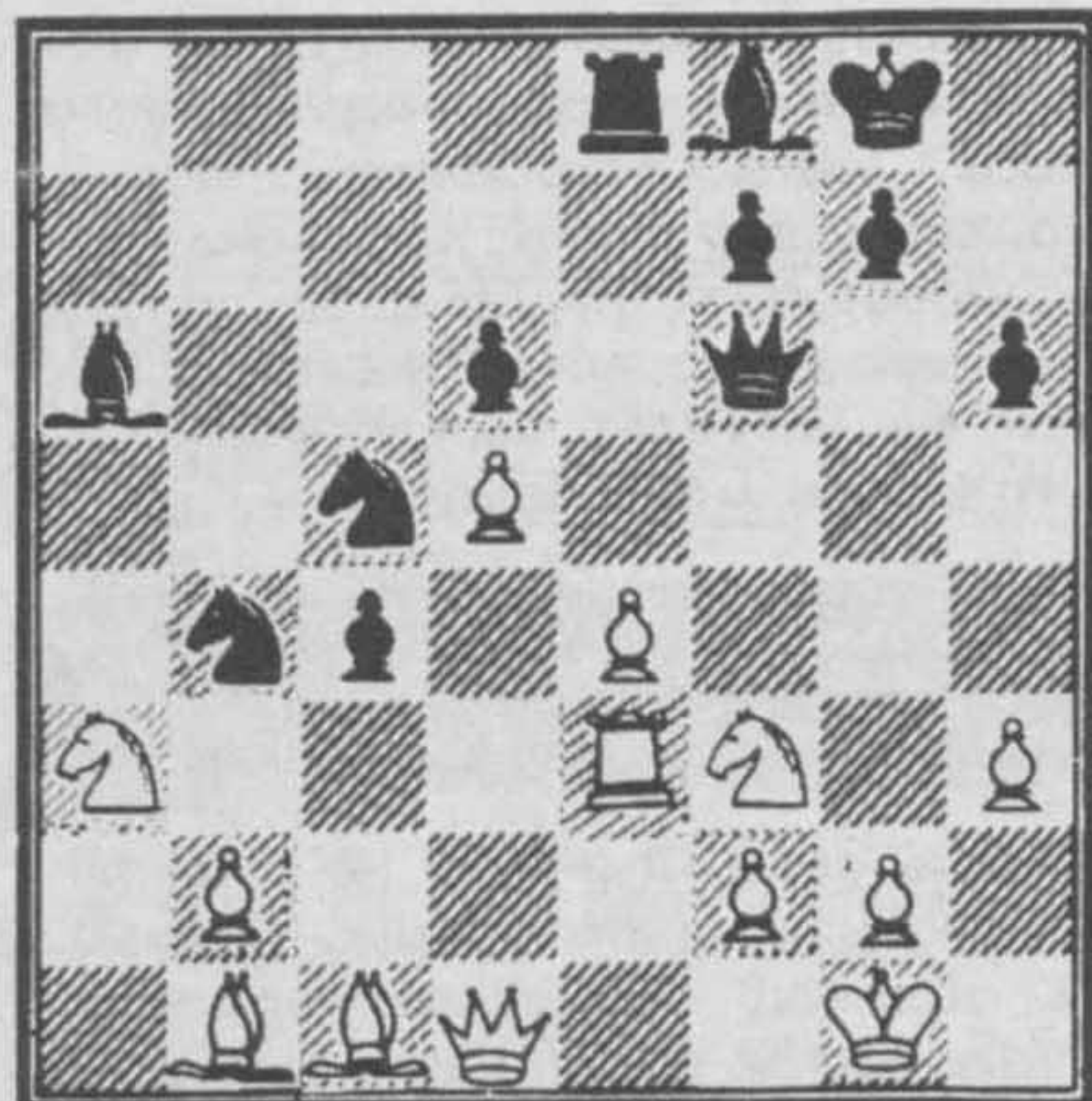
Невозможно даже выделить какую-либо из партий, поскольку каждая своеобразна, глубока, увлекательна. Когда Каспаров в чрезвычайно атакующем стиле, покоря богатством фантазии, победил в шестнадцатом поединке, эксперты единодушно признали его достижение лучшим в нынешнем единоборстве, но уже следующая партия, проведенная Карповым логически ясно, в строгом и вместе с тем изящном стиле, поколебала такую оценку. А после ярких, бурных и головокружительных событий 18-й партии, где аналитиков ждал еще бездна открытий, мнения и вовсе смешались, и стало очевидным, что творческое соперничество двух великих шахматистов приводит к их взаимообогащению и позволяет постигать шахматы до таких глубин, которые определяют поистине новую, историческую ступень в эволюции этого прекрасного искусства.

Но вернемся к началу недели. Ситуация в матче выглядела тогда весьма однозначно. Гарри Каспаров не только лидировал с перевесом в два очка, но, что считалось еще важнее, демонстрировал уверенную, подлинно чемпионскую поступь. Чувствовалось, что ото дня ко дню он все больше входит во вкус борьбы и его игра обретает вдохновенную раскованность. Поразительное совпадение: шестнадцатые партии по счету особенно удались Каспарову. В прошлом матче в этой партии он добился, бесспорно, красивой победы и вот снова в шестнадцатой партии порадовал ценителей шахматного искусства.

Разумеется, партнерами были подготовлены веские аргументы к спору. И первым их выложил на стол Карпов. При переходе из дебюта в миттельшпиль экс-чемпион осуществил многообещающую жертву пешки, компенсацию за которую усматривал в активной и фигурной игре. В этом замысле чувствовался и психологический мотив. Известно, что к подобной тактике всегда охотно прибегает Гарри Каспаров, и экс-чемпион мира, таким образом, предлагал сопернику непростую задачу бороться против собственного оружия.

НЕДЕЛЯ ПОТРЯСЕНИЙ

Ход за черными, и все ожидали, что Карпов попытается использовать свой главный козырь — форпост в лагере соперника и активизирует силы путем 23... Kbd3 24. С: d3 К: d3. Однако экс-чемпиону, видимо, не понравилось, что в распоряжении белых есть агрессивный выпад 25. Фа4, и он, памятуя, что угроза обычно сильнее ее выполнения, решил пока не форсировать игру, а предпочел наращивать фигурное давление посредством 23... Лb8. Теперь уже программный выпад коня был бы для белых опасен, и Каспаров находит возможность придать игре новое направление: 24. е5! de 25. К:е5, и после 25... Kbd3 у чемпиона мира возникла дилемма, то ли разрядить обстановку и путем 26. С: d3 К: d3 27. Л: d3 cd 28. Кd7 Фd6 29. К: b8 Ф: b8 30. Фа4, с учетом возможного варианта: 30... d2 31. С: d2 Ф: b2 32. Ф: а6 Ф: d2, быстро завершить партию ничью, что, в общем, по положению в матче, его вполне могло устроить, то ли, что называется, пуститься во все тяжкие и, сохраняя фигуры, направить игру в иррациональное русло, где власть над логикой берут фантазия и изобретательность. И Каспаров предпочел риск (правда, как уже выяснилось потом, в его распоряжении имелся и оптимальный вариант — очень сильный маневр 26. Фс2! Но говорят, что эта прекрасная идея пришла Каспарову в голову сквозь сон под утро следующего дня...). Каспаров сыграл 26. Кg4! и завязались события с непредсказуемым исходом: 26... Фb6 27. Лg3 q6 28. С: h6 Ф: b2.

Уже здесь очевидно, что чемпион мира сжег мосты. Бросившись в атаку, он отдал на растерзание свой ферзевый фланг, что неминуемо грозит материальными потерями. Но было бы наивным полагать, что Каспаров просто захлебнулся темпераментом. Отнюдь нет! При выборе планов он исходил из психологических предпосылок. Накопленный опыт подсказывал, что на пятом часу игры в условиях надвигающегося цейтнота Карпову будет нелегко вести борьбу, требующую предельной концентрации, далекого расчета вариантов и принятия единственно правильных решений...

29. Фf3! Только вперед! 29... Кd7. Стремление Карпова подтянуть силы на защиту своего короля понятно. И это определило его отказ от принятия жертвы фигуры. Тем более что экс-чемпион мира, вероятно, считал своим принципиальным долгом опровергнуть дерзкий план соперника. А при продолжении 29... Ф: a3 30. Кf6+ Крh8 белые среди других эффективных возможностей могли бы эффективно форсировать ничью посредством: 31. Фh5! Л: b1+ 32. Сс1+ Крg7 33. Кe8+ Крg8 34. Кf6+. И так, борьба разгорается.

30. С: f8 Кр: f8 31. Крh2! В пылу сражения нелишне подумать и о своем короле. 31... Лb3!

Этот энергичный выпад был воспринят всеми чуть ли не как решающий, поскольку материальные потери для белых теперь неизбежны.

Однако, как показывает дальнейшее течение борьбы, позиция содержит еще немало загадок. Последовало 32. С: d3, и Карпов погрузился в долгое раздумье.

Каждому опытному гроссмейстеру знакомо состояние, в котором оказался чемпион мира. Он прекрасно понимал, что наступил критический момент сражения и нужно найти единственно верный путь. Можно представить даже, что Карпов поначалу весьма оптимистично оценивал свои перспективы. Весь его опыт и глубокое понимание шахмат говорили за то, что в стратегии соперника были изъяны, которые следовало использовать. Но вот начинается расчет вариантов, и выясняется, что тактические особенности позиции играют роль не менее важную, чем стратегические. И хотя белые словно бы находятся на краю пропасти, у них всюду оказывается спасение. Более того, уже черным нужно проявлять бдительность.

Выбор был велик, но, как оказалось, не столь привлекателен, как ожидалось:

1) 32... Ф: a3 33. Кh6 Фе7 34. Л: g6! и во всех вариантах у белых сильная атака;

2) 32... Л: a3 33. Фf4 Л: d3 34. Фd6+, с преимуществом у белых;

3) 32... Л: d3 33. Фf4 Ф: a3 34. Кh6 Фе7 35. Лg6 Фе5 36. Фе5 К: e5 37. Л: a6 Л: d5, и хотя у черных активная позиция и проходная пешка, но все же и здесь минимальный перевес у белых.

Видимо, следовало на этом варианте и остановиться свой выбор. Но как трудно отказаться от радужных надежд, и Карпов, затратив чуть ли не полчаса и попав в цейтнот, избирает путь еще менее счастливый. 32... cd 33. Фf4 Ф: a3? Этот ход уже решающая ошибка, и хотя не спасал рекомендованный некоторыми авторитетами 33... Л: a3 ввиду 34. Лf3!, оставался все же способ, которым, как показали последующие анализы, можно было еще спасти партию — 33... d2! Но в цейтноте Карпов его не нашел. Дальнейшее уже просто: 34. Кh6 Фе7 35. Л: g6 Фе5 36. Лg8+ Крe7 37. d6+ Крe6 38. Ле8+ Крd5 39. Л: e5+ К: e5 40. d7 Лb8 41. К: f7, и Карпов сдался.

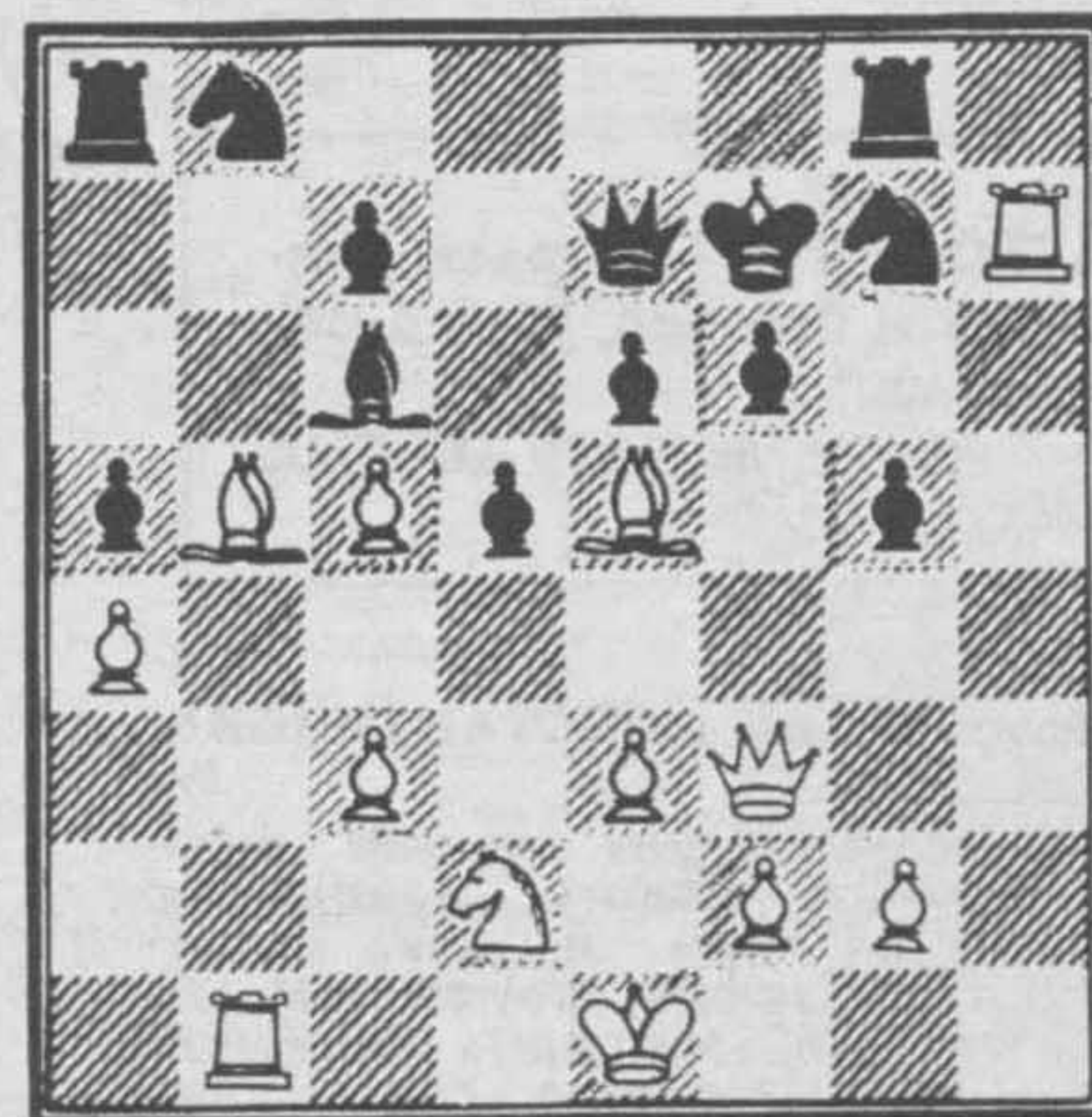
Думаю, что после проигрыша Карпова в партии даже самые непреклонные его поклонники дрогнули. Мнения большинства экспертов склонялись к выводу, что судьба матча-реванша предreshена, что долго он не затянется, а у некоторых зарубежных журналистов и вовсе появилось чemoданное настроение. Что и говорить, пережить такие удары, какие выпали на долю экс-чемпиона мира в начале ленинградской серии поединка, невероятно трудно, и они могли сломить любого. Любого, но только не Карпова. Сила его характера, хладнокровие и умение владеть эмоциями не раз его выручали в критических ситуациях. Вспомним финал матча в Багио, финиш предыдущего единоборства с Каспаровым, перипетии некоторых трудных международных турниров, где в драматически сложные моменты борьбы Карпов словно включал дополнительные резервные мощности и выправлял ситуацию, казавшуюся безнадежной.

Свою способность противо-

стоять невзгодам экс-чемпион продемонстрировал в 17-й партии. Он играл так, будто не было чувствительных поражений накануне, и сумел от начала до конца провести ее уверенно, целеустремленно и очень мощно, выиграв в классически карповском традиционном стиле.

Достаточно было Каспарову утратить бдительность в дебюте, как он оказался зажатым в стальные тиски, из которых выбраться было не под силу даже чемпиону мира. И хотя положение Каспарова по-прежнему оставалось прочным, он мог почувствовать холодок беспокойства, ведь стало ясно, что Карпов складывать оружие не собирается.

И следующая, 18-я партия только подлила масла в огонь. У Ильфа и Петрова в «Золотом теленке» есть блистательно точное сравнение: «Происшедшее нарастание улыбок и чувств напоминало рукопись композитора Ференца Листа, где на первой странице указано играть «быстро», на второй «очень быстро», на третьей «гораздо быстрее», на четвертой «быстро как только возможно» и все-таки на пятой «еще быстрее». Если слово «улыбка» заменить напряжением, то это будет точным барометром развития событий прошлой недели. Когда, казалось, уже использованы все ресурсы, партнеры по очереди словно включали неведомые резервы творческого подъема и мужества. И 18-я партия стала драматической кульминацией матча-реванша.

Это положение возникло после 25-го хода. На доске все свидетельствует об исключительной остроте предыдущей фазы сражения. Короли обеих сторон лишены права на рокировку, рисунок пешечных цепей необычен, фронт операции охватывает широкое пространство. Словом, игра насыщена иррациональным динамизмом. Но бросается в глаза более активное расположение белых фигур. Им, бесспорно, принадлежит инициатива, и потому Каспаров, несмотря на подступающий цейтнот и сложность в выборе планов, после ходов 26. Фh5+ Крf8 27. Фf3 Крf7 мужественно отказывается от практически заманчивой возможности решить все проблемы разом, форсируя ничью, а в еще большей степени обостряет игру.

Последовало 28. Лh6 Кe8 29. e4! g4 30. Фf4 С: b5 31. Л: b5 Кd7 32. С: c7 К: c5 33. Фе3! К: e4 34. К: e4 de 35. С: a5 f5 36. Сb4 Фd7 37. Фd4.

И после форсированной тактической перепалки стало очевидным преимущество белых. Их фигуры доминируют по всей доске, у черных даже нет возможности отразить инициативу разменом ферзей, поскольку на 37... Ф: d4 сразу решает 38. Лb7+, у Карпова уже единственный ответ — 37... Ла7, и здесь происходит неожиданное. То ли под влиянием цейтнота, то ли вследствие перенапряжения, но вместо напрашивающегося сильного хода 38. Сс5, ставящего черных в крайне затруднительное положение, чемпион мира двумя подряд неудачными ходами не только упускает преимущество, но и внезапно ставит партию на грань проигрыша. Поистине прав был шахматный философ Э. Ласкер, говоривший: «Пока мой противник имеет возможность совершить ошибку, я могу рассчитывать на успех».

Итак, 38. Лh7+ Кg7 39. a5? Еще не поздно было исправить первую оплошность, сыграв 39. Лh6. 39... Крg6 (Пожалуй, еще сильнее 39... Ф: b5 40. Ф: a7+ Крg6) 40. Фd7+ Л: d7, и здесь партия была отложена.

Когда после продолжительного раздумья Каспаров записал свой 41-й ход, стало ясно, что картина борьбы изменилась. Ввиду неотвратимого сдвояния черных ладей белый король, который в отличие от своего собрата не знал забот, теперь попал под прямые удары тяжелой артиллерии. Чемпиону мира предстояла нелегкая задача искать спасения.

Игра возобновилась на следующий день, и записанный Каспаровым ход был очевиден, так же как и ближайшие ходы, подготовленные в домашнем анализе.

41. Лh4 Лgд8. 42. c4 (заслуживало внимания 42. Сс5). 42... Лd1+ 43. Крe2 Лс1. 44. а6. Очевидно, что шансы на спасение оставляет белым проходная пешка. 44... Лс2+ 45. Крe1 Ла2. 46. Лb6 Лd3.

Тучи над белым королем сгущаются, Карпов подключает к атаке вторую ладью, и в его распоряжении остаются прорывы пешками «е» или «g».

47. c5 Ла1+ 48. Крe2 Ла2+ 49. Крe1 g3 50. f4 Л: g3 51. Крf1 Лq: q2 52. Се 1.

Наконец подступы к своему королю Каспарову удалось прикрыть, но какой ценой... И все же главные события еще впереди. 52... Лсc2 53. c6 Ла1. 54. Лh3 f4. Такой ход без колебания сделал бы каждый гроссмейстер, но еще сильнее было бы подключить к атаке коня путем 54... Кh5.

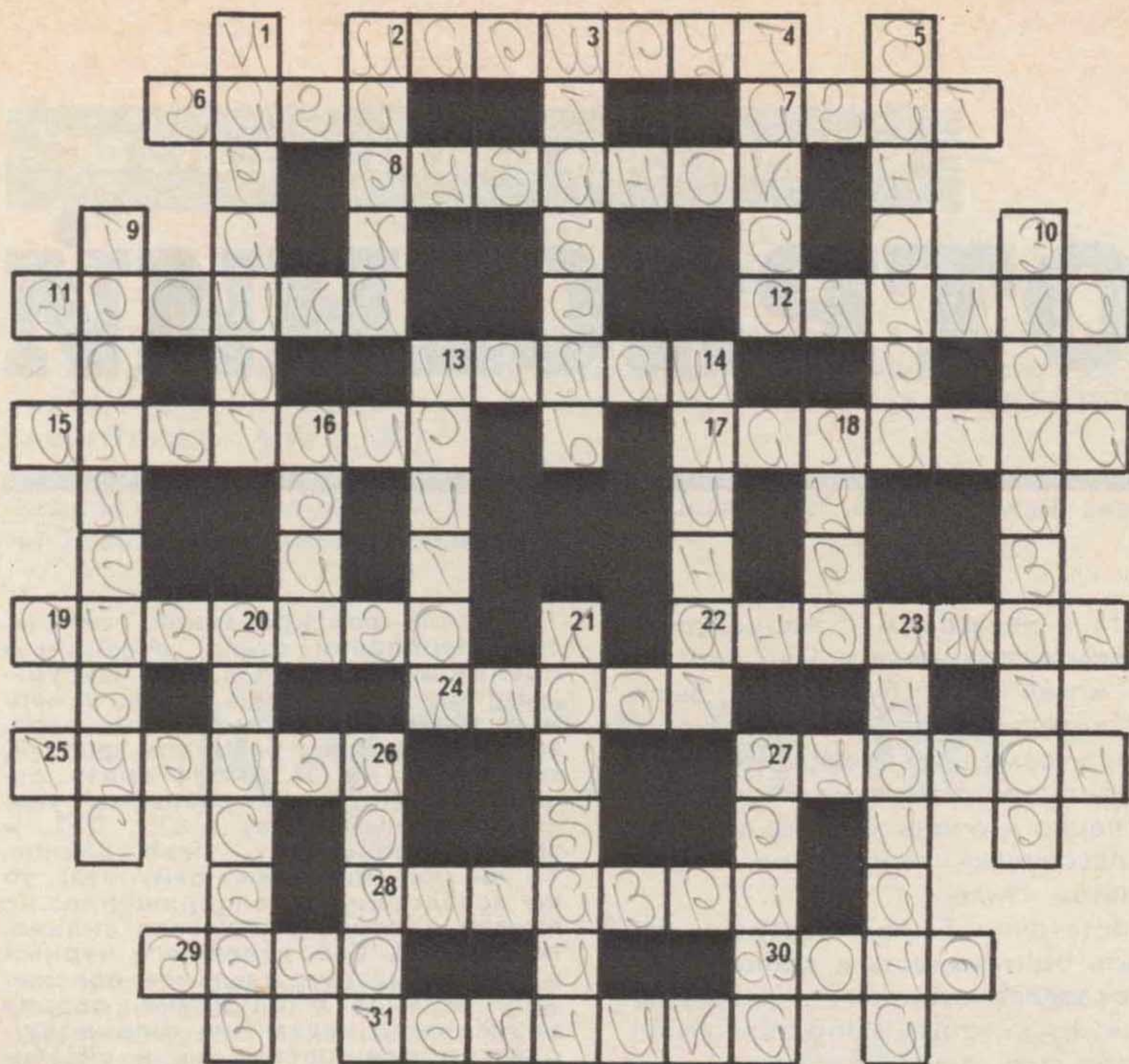
55. Лb4 Крf5. А это уже ошибка, ставящая выигрыш под сомнение. Правильно было 55... Кf5, и если 56. Л: e4, то 56... Кg3+.

56. Лb5+ e5 57. Ла5. Вот в чем дело. Теперь в случае 57... Л: a5. 58. С: a5 Л: c6 59. a7 Ла6 60. Сb6! проходная пешка белых становится убедительным фактором контригры. Карпову пришлось искать иной путь: 57... Лd1, и на очевидное 58. a7 он быстро ответил 58... e3, после чего ввиду неотразимой угрозы 59... Лf2+ (на 59. Лf3 выигрывало 59... Кh5) добился желанной победы.

Такой финал был воспринят как эффектное и закономерное завершение сложного эндшпиля. Но шахматы чудесны поистине скажочными тайнами. И, как потом выяснилось, Каспаров, избрав вместо очевидного продолжения 58. a7, казалось бы, неверное — 58. c7, имел шансы спасти партию, поскольку на естественный ответ 58. ...e3 могло последовать громоподобное 59. Лh2!

Итак, борьба заметно обострилась. Счет 9,5:8,5 предвещает увлекательные события на финише. До конца осталось всего шесть партий.

По горизонтали: 2. Путь следования. 6. Полярная морская птица. 7. Минерал, разновидность халцедона. 8. Столярный инструмент. 11. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 12. Курорт в Крыму. 13. Холодное оружие. 15. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 17. Легкая постройка для торговли, ларек. 19. Роман В. Скотта. 22. Областной центр в Узбекистане. 24. Скульптор, автор конных групп на Аничковом мосту в Ленинграде. 25. Вид путешествий, походов. 27. Смолистая масса, дорожно-строительный материал. 28. Ударный музыкальный инструмент. 29. Автор романа «Робинзон Крузо». 30. Ресурсы, запасы. 31. Машины, механические орудия.

По вертикали: 1. Приспособление для спуска с высоты. 2. Приток Вилюя. 3. Ровно сложенный в определенном порядке строительный материал. 4. Установленная расценка товаров. 5. Украинский музыкальный инструмент. 9. Вид городского транспорта. 10. Землеройная машина. 13. Боковой рукав реки. 14. Овощная культура. 16. Французский композитор XIX века. 18. Курорт на юге Франции. 20. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 21. Уборочная самоходная машина. 23. Роман Ж. Санд. 26. Легкоатлетический снаряд для метания. 27. Столбец в таблице.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 3. «Спартак». 7. Опушка. 8. Роллан. 9. Празеодим. 13. Фазетон. 14. Крона. 16. Лампас. 17. Глюкоза. 18. Уяндина. 20. Рудаки. 22. Цапфа. 23. Вольта. 25. Антоновка. 28. «Береза». 29. Токарь. 30. Кальман.

По вертикали: 1. Оправа. 2. Разряд. 4. Рахметов. 5. Эпитет. 6. Тамтам. 9. Пантомима. 10. Малиновка. 11. Рангоут. 12. Шаранта. 14. Кварц. 15. Аруша. 19. Спаниель. 21. Апогей. 24. Луфарь. 26. Тракай. 27. Витраж.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Не растерялся Роман Ружин, вынес из огня сестренку и братьев. (См. в номере материал «...А тогда учился в первом».)

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ЛЕСНАЯ СКАТЕРТЬ- САМОБРАНКА

Фото Игоря КОНСТАНТИНОВА

Щедра в осенние дни лесная скатерть-самобранка. Какого лакомства не найдешь на ней в эту пору! В разноцветном ковре, сотканном из опавших листьев, застыли крепыши боровики — наипервейшие грибы леса. По негустому ельнику разошелся хоровод волнушек. С едва заметного пригорка смотрят на их танец высокие, стройные подосиновники. В зардевшем осиннике мшистые кочки прикрыли красные бусинки. Это созрела брусника. По соседству поднялись сыроежки, в любом уголке леса можно встретить их красные, зеленые, синие, желтые, белые, фиолетовые, коричневые шляпки — в глухомани, на опушках, болотцах. Не растут сыроежки лишь на пнях и на стволах сломанных деревьев, их облюбовали другие грибы — опята. Случается, что целыми гирляндами покрывают они трухлявую древесину. Пора опять недолгая — неделя-другая, и пропадут они до будущей осени.

Алые узоры сплела на болоте клюква. Появились в сосняке стайки маслят и рыжинов. Раздумались на осеннем солнце гроздь калины и рябины. С каждым осенним днем становятся слаще их сочные ягоды. До поздней осени щедро угощает лесная скатерть-самобранка.

СЕЛЬСКОЕ МОРОЖЕНОЕ

Жители более тридцати сел Белгородской области получили минувшим летом возможность наслаждаться мороженым собственного производства.

Как так? Да так. В селах Белгородщины его готовят с помощью мощных фризеров, которые установлены в местных кафе и столовых.

Но ведь сегодня этот аппарат остается все еще крайне дефицитным оборудованием. В городских предприятиях общественного питания, например, их можно просто пересчитать по пальцам. И так по всей стране. Как же случилось так, что фризеры в большом количестве появились в белгородских селах?

Ответ прост. Учитывая их дефицит, Белгородский областной комитет партии поставил перед коллективом производственного объединения «Завод энергетического машиностроения» задачу изготовить фризеры. Разработка конструкции была поручена начальнику конструкторского бюро объединения Л. Левашову и заместителю начальника отдела товаров народного потребления В. Витохину. Сейчас белгородский аппарат не уступает импортному: за день он выдает около тысячи килограммов мороженого.

КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ

Немало удивился А. Шарыпов, житель села Фыкалка на Рудном Алтае, когда узнал, что его дом — памятник архитектуры. Ученые установили: дом Шарыпова — яркий образец зодчества середины прошлого столетия. К срубленной в крест избе примыкают просторные сени. Высокое шатровое кольцо, резные наличники и карнизы, конек на крыше. Такой дом и еще сто лет простоит: сработан он из крепчайшего дерева — лиственницы.

Интерес этнографов к строениям в глубинных таежных селах не случаен. По типу этих домов можно узнать, как жили, чем занимались здесь люди...

Рис. В. Буркина

ТЫСЯЧА МОНЕТ...

Повезло жительнице вологодской деревни Костинское А. Соловьевой, просто повезло. Пошла она за битым кирпичом, а в фундаменте старого дома неожиданно обнаружила клад. Чуть больше тысячи серебряных монет двадцатикопеечного достоинства.

Сотрудники краеведческого музея определили, что монеты датированы концом прошлого века. Таких представительных коллекций в фондах Вологодского краеведческого музея до сих пор не было. Интересно, что по количеству открытых кладов, представляющих весомую материальную и значительную историческую ценность, вологодская земля — одна из самых богатых в нашей стране...

КАК ИСЦЕЛИЛИ ШМЕЛЯ

Пожалел бывший зоотехник-пчеловод житель Ельни П. Свиридов... шмеля. Большой был шмель, красивый. Он залетел в комнату, где пенсионер, удобно расположившись в кресле, просматривал газеты. Залетел, но улетать не собирался. И вел себя как-то странно. И было с чего! П. Свиридов пригласил к нему и ахнул. На тельце шмеля разместилось несколько клещей. Справиться с ними шмель не мог...

П. Свиридов аккуратно положил шмеля в баночку из-под майонеза, потом свернул самокрутку, затянулся едким дымом и выпустил его под крышку. Клещи тут же отпали. А шмель как ни в чем не бывало тут же устремился в открытое окно.

Никотин, оказывается, убивает не только лошадей...

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька».

КАЛЕЙДОСКОП

Злой дух

Б. ГУРЕЕВ

Распределили Репкина далеко-далеко, за тридевять земель, чуть ли не на птицеферму.

А мама — ни в какую. Нервничает, волнуется, на мужа давит.

— Пошел бы, — говорит, — к этому. Который тебе по гроб жизни...

Папа и пошел.

— Что за вопрос! — сказал Дедкин. — Я ж тебе по гроб жизни... Сделаем в лучшем виде.

Вот он, значит, помогает, помогает, делает, делает — и никак. А мама нервничает.

— Ну, что ты сидишь? — говорит. — Зайди хоть узнай, что и как.

Папа и зашел.

— Очень кстати, — сказал Дедкин. — Я тут кое-что выяснил. Знаешь, кто твой вопрос может решить? Мышкин. Ему стоит только хвостиком вильнуть, и... понимаешь?

— Что-нибудь нужно? — понял папа.

— Что ты! Он человек принципиальный, бескорыстный, ему ничего не нужно. А вот теща... у него, понимаешь, сушая Баба-Яга! Терем-теремок ей подавай. По Казанской железной дороге.

И он объяснил папе, что и как.

Что есть такой Кошкин, который мог бы устроить теремок, но Кошкин, к сожалению, принципиально бескорыстен и ни в чем не нуждается; зато его жена, Василиса, желает мазать свою лягушечью кожу исключительно французской косметикой и одеваться во все «от Диора».

А приятель Дедкина — Башкин — как раз очень не хочет слетать в ту степь по делам службы; и если его все-таки пошлют, то он, конечно же, привезет не какого-нибудь джинна в бутылке; но с оформлением чего-то тянут-потянут, а подтолкнуть может только некий Внучкин.

А Внучкину позарез не нужен конек-горбунок на все семьдесят лошадиных сил в экспортном варианте. А Жучкин, который этих коньков пасет, — кристально бескорыстный и принципиально честный товарищ; и если у него дочь выходит замуж и ей абсолютно не нужен золотой ключик от кооперативной избушки на длинных ножках в районе ВДНХ, то это, собственно, ничего не меняет, потому что ключики выдает тот же Кошкин. Вот так.

Папа расстроился.

Выворачивается он, выворачивается, ищет, крутит, вертит... А время идет. Месяц идет, два идет, год идет. А Репкин где-то за тридевять земель топчет грязь, возится с курами и намекает в письмах на какую-то Машу. А мама вне себя.

— Сиди уж, — говорит. — Идеалист! Ребенок там на птицеферме, а он дудку какую-то дурацкую поволок, и ту подарить не смог. Двадцатый век, люди реальных вещей хотят, а не дудок. Видно, придется мне самой идти.

Взяла огниво типа «Ронсон» и пошла.

— Да что вы! — замахал руками Дедкин. — Мне не нужно. У меня спички есть, — и показал коробок.

А она не увидела.

А он опять отказался, почти так же решительно.

А она не расслышала.

И вскоре вызвали Репкина-младшего туда, где решают. А он не знал, что его вызвали, потому что как раз сам туда ехал. По другому вопросу.

— Ну, здравствуй! — сказал Мышкин. — Это, значит, ты и есть?

— Я, — зарделся Репкин и выложил на стол экспериментальное золотое яичко, выращенное по его проекту.

— Выходит дело, — сказал Мышкин, — тебя сначала — туда?

— Да, — гордо подтвердил Репкин.

— А теперь, выходит дело, сюда. И Репкина перевели из «туда» — в «сюда». Потому что надо.

Опять же и мама довольна...

Минувшее лето выплеснуло на улицы столицы яркое многоцветье одежды. Бесспорно, последние годы мы лучше одеваемся, с большим вкусом, разнообразием, но за счет чего? Задав такой вопрос, нетрудно связать его с разговором о престиже отечественной продукции, и прежде всего товаров массового потребления, к каким принадлежит одежда, та самая, по которой встречаются.

Вячеслав Зайцев... Пожалуй, у нас в стране нет художника-модельера более известного.

Зайцев не только интересный художник, он прежде всего человек ищущий, неравнодушный, стремящийся своим искусством внести реальный вклад в улучшение качества товаров народного потребления. Создать необходимый ассортимент добротных, красивых, конкурентоспособных товаров, отвечающих современным эстетическим требованиям,

— вот его главная забота. Четыре года назад он начал работать в системе бытового обслуживания. Здесь В. Зайцев сумел воплотить свои идеи художника-модельера в элегантные вещи, помог людям обрести радость в одежде.

Свои коллекции он создает из отечественных тканей. А как известно, ткань определяет творческое вдохновение художника-модельера. Именно ткань дает толчок для решения той или иной модели.

Непривлекательность, безликость, а порой и безвкусная пестрота некоторых тканей — проблема эта давно волновала В. Зайцева. И вот недавно Дом моды провел эксперимент со столичными текстильщиками, и полотно, созданное в ходе этого опыта, с учетом рекомендаций художника-модельера, обрело новую жизнь.

Разговор о том, как нам оде-

ваться, все ли хорошо, что дорого, как сделать из дешевой ткани красивую одежду, — этим и многим другим вопросам было посвящено очередное заседание «Клуба на «Огонек», на которое редакция пригласила Вячеслава Зайцева и представителей текстильной промышленности — Н. И. Захарову, начальника художественных мастерских шелкового объединения Роспромшелк имени Свердлова, и А. А. Андрееву, старшего художника шелкового комбината «Красная Роза».

ДАРУЩИМ КРАСОТУ ЛЮДЯМ

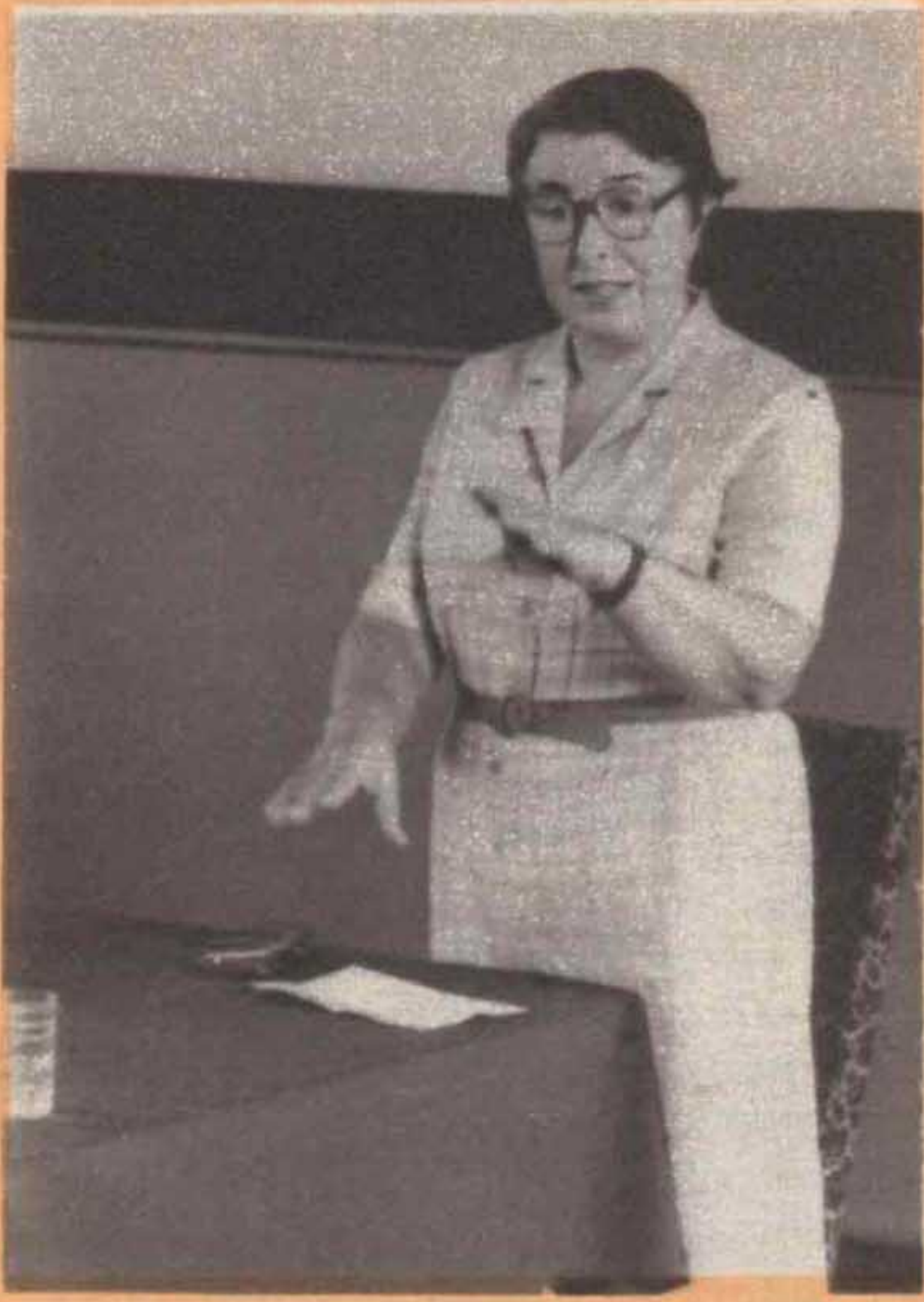
два ли состоялась бы эта встреча, если бы четыре года назад не был создан Московский Дом моды, который я здесь и представляю, — начал свое выступление Вячеслав Зайцев. — Вопрос культуры одежды,

насыщения рынка красивыми, современными изделиями очень актуален сегодня. Мне давно надоело отвечать на вопрос, где, мол, можно купить предлагаемые вами модели. Теперь я могу пригласить желающих к нам на проспект Мира сделать свой выбор.

Проблема ассортимента одежды достаточно остра в нашей стране. И это несмотря на то, что так много об этом говорится, создается, утверждается на художественных советах, эстетических и других комиссиях. Общий уровень изделий массового пошива, которые чаще всего видит в магазине покупатель, практически не поднялся. Если говорить откровенно, то я совершенно

Н. И. Захарова, художественный руководитель мастерских комбината имени Свердлова.

убежден, что проблема эта не будет решена, если не изменится система существования и сосуществования всех подразделений легкой промышленности.

Художник-модельер создает одежду из тканей, которые никак не удовлетворяют требованиям современного моделирования. Швейники, в свою очередь, не располагают достаточной производственной базой для воплощения идей модельеров. Они вынуждены калечить модель, упрощая, изменяя ее, исходя из своих производственных возможностей. Отсюда и получаются безликие «тряпки», иначе их не назовешь, пальто-«саркофаги», которые заполняют торговые залы иных магазинов. А главное, никто и ни за что не отвечает в целом.

За двадцать пять лет работы в индустрии моды мне ни разу не удавалось создать коллекцию, которая полностью отвечала бы моим принципам: не было необходимых тканей, не было нужной цветовой гаммы, прикладных материалов, фурнитуры. В Доме моды большую часть своего времени я занимаюсь тем, что реализую неликвиды (импортные ткани попадают к нам очень редко). При всей нашей экспериментальной программе мы пользуемся той же сырьевой базой, что и обычные ателье. Несмотря на то, что стоимость наших изделий много выше, чем в ателье «люкс», никаких условий для нашей работы не создано, и я, честно говоря, почти не надеюсь на какие-либо быстрые положительные сдвиги.

— Вячеслав Михайлович, вас часто обвиняли в чрезмерной экстравагантности, элитарности ваших моделей. Каково сегодня ваше художественное кредо?

— Да, мне это известно, я давно хочу объяснить тем, кто знает о моем творчестве понаслышке, что клеймо салонного модельера, работающего для элиты, в моем случае абсолютный абсурд. Прежде всего я приглашаю всех желающих посетить наш Дом моды и увидеть своими глазами, «что» и «как».

Глубоко убежден, что экстравагантная мода — это только для молодежи. Большинство же людей отдает предпочтение классическому стилю. Он-то и является основополагающим в коллекциях нашего дома. Экспериментировать я позволяю только молодым и для молодых. Отсутствие в сфере тор-

говли отечественных классических костюмов, самых обычных повседневных вещей заботит меня больше всего. Мечтаю подарить людям классического стиля строгие юбки, блузки, жилеты, брюки, рубашки, но не двух-трех цветов и оттенков, а пятидесяти. Так, чтобы, придя в магазин, человек мог сам подобрать ансамбль одежды, отличающийся от других не только по фасону, но и по цветовой гамме. Думается, что осуществление этой мечты было бы возможно при определенной поддержке наших идей.

— Большинство женщин обижаются на вас за то, что вы моделируете только на стройных.

— Еще одно заблуждение! Ко мне часто приходят заказчицы разной полноты и разного возраста, и я лично рисую для них одежду вплоть до 62-го размера. Каждая женщина по-своему прекрасна, надо только понять и определить ее сущность, уловить идею ее образа.

Я только что вернулся из Канады. В Ванкувере мы демонстрировали свои модели (сам факт приглашения советского Дома моды за океан считаю нашей победой). Впечатлений немало. Кстати, хочу заметить, что полных женщин в Канаде более чем достаточно. Просто у нас они закомплексованы в своих «саркофагах», а там раскованны, спокойно ходят в шортах, маечках, кроссовках. Причем проблема моды, кажется, не волнует их...

И вот мы начали демонстрировать свои модели. После показа к нам подходили, фотографировали, спрашивали, неужели мы русские, есть ли у нас ванны, комнаты, холодильники и т. д. Я говорю об этом к тому, что советских людей там просто не знают, не знают и нашу моду. Признание советских модельеров, бесспорно, состоялось, и авторитет советской моды связывали с авторитетом нашей страны.

Перейдя в систему службы быта, я нашел возможность реализации своего творческого потенциала, нашел небывалую радость в непосредственном общении с человеком, для которого работаю. Я считаю, что будущее моды — в таких предприятиях, где человек сможет заказать себе одежду, выпускаемую очень маленькими партиями, потому что мода всегда индивидуальна. Поэтому, говоря о путях дальнейшего совершенствования модной индустрии, система новых домов моды представляется мне очень перспективной. Может быть, к ним нужно прикрепить определенные предприятия, связать их какими-то договорами. Это один из путей.

Второй путь. В этом году мы совершенно неожиданно участвовали в новом эксперименте — совместная деятельность художника-текстильщика и художника-модельера. Мне кажется, неправомерна ориентация на создание новых моделей на два-три года вперед. Говорить, например, о том, что через два года войдет в моду цветовая гамма морской воды при лунном свете, бессмысленно. Последнее время мне пришлось работать с шелковым комбинатом имени Свердлова, с людьми, которые исходят из реальных возможностей сегодняшнего дня. Комбинат переживал нелегкие времена. Склады предприятия были забиты неходовыми тканями, главным образом ацетатным шелком, к которому покупатель утратил интерес. Не

хватало красителей для сочной, живописной гаммы. А если вдруг и закупают много красок, то оказывается, что машины не могут печатать больше восьми цветов.

Мне не нужно восемь красок. Сделайте ткань в двух цветах — черном и белом. Диагональные полосы разного масштаба, горошек, только не идеальные кружочки, а с неровными краями.

Главный принцип, чтобы не было мельтешения красок. В некоторых полотнах добавили третий цвет — красный.

— Каковы же практические результаты этого эксперимента?

— Я хочу ответить на этот вопрос, — поднялась с места Наталья Ивановна Захарова. — Создана большая коллекция тканей трех цветов — белого, красного, черного. Это ткани-компаньоны, о которых можно мечтать. Вот их образцы, которые пошли у нас под девизом «Елена». (Читатели могут увидеть модели одежды из этих тканей на наших вкладах. — В. М.) Когда на коллегии Министерства легкой промышленности РСФСР директор комбината Т. Н. Соловьева положила на стол образцы, члены коллегии даже не поверили, что это отечественный ацетатный шелк.

Первый наш опыт, мне кажется, удался. Хотелось бы его продолжить. Ведь если мыслить масштабно, по-государственному, сделано лишь полдела. Красивая ткань есть, а кто из нее будет шить? Дом моды — это капля в океане потребности нашего рынка. К тому же деловой женщине при дефиците ее времени удобнее было бы купить повседневное платье в магазине. Но фабрики не любят брать дешевые ткани. Для этого надо искоренить практику, когда план и его перевыполнение определяются предприятиями по валу в рублях. Без материальной заинтересованности в производстве именно таких товаров мы никогда не насытим рынок дешевыми красивыми вещами.

— Полностью поддерживаю Наталью Ивановну Захарову, — подает реплику В. Зайцев. — Ацетатное платье в Доме моды стоит не менее 120 рублей, а при фабричном изготовлении оно обойдется покупателю примерно в 25—30 рублей.

— С Вячеславом Зайцевым нас связывает давняя дружба, — включается в разговор Анна Алексеевна Андреева. — Старшее поколение работников комбината помнит, в

каком прекрасном контакте работали мы, какие великолепные полотна создавали. Потом связь эта нарушилась, но мы надеемся, что скоро она восстановится. А контакты эти нам необходимы. Как можно создать талантливую вещь, если у нее три автора, каждый из которых работает сам по себе? Мне кажется, что главная беда легкой промышленности именно в отсутствии генеральной линии по координации деятельности всех ее предприятий.

Мы видели здесь прекрасные модели Вячеслава Зайцева, выполненные из тканей комбината имени Свердлова. Почему их нет на прилавках магазинов? Этим «почему» накопилось слишком много.

— Мода как сиюминутное явление последнее время меня меньше интересует, — говорит В. Зайцев. — Какая она будет через два года или десять лет, не суть важно для наших заказчиков. Им необходимо сегодня иметь гардероб, который эстетически радовал бы глаз и свой, и окружающих. Нам удалось упразднить громоздкий художественный совет, и мне как художественному руководителю целиком позволили взять всю ответственность за продукцию, выходящую из стен Дома моды. Наряду с объемными формами одежды в нашей новой коллекции есть и небольшие по объему, облегающие фигуру, классического стиля костюмы, платья, пальто, которые мы решили вернуть по просьбе наших заказчиков. В этом сезоне вся коллекция будет окрашена серебристо-серым цветом, эти ткани нам предложили фабрики «Октябрь» и имени Петра Алексеева. Я думаю, что эта гамма благоприятна сегодня для глаз.

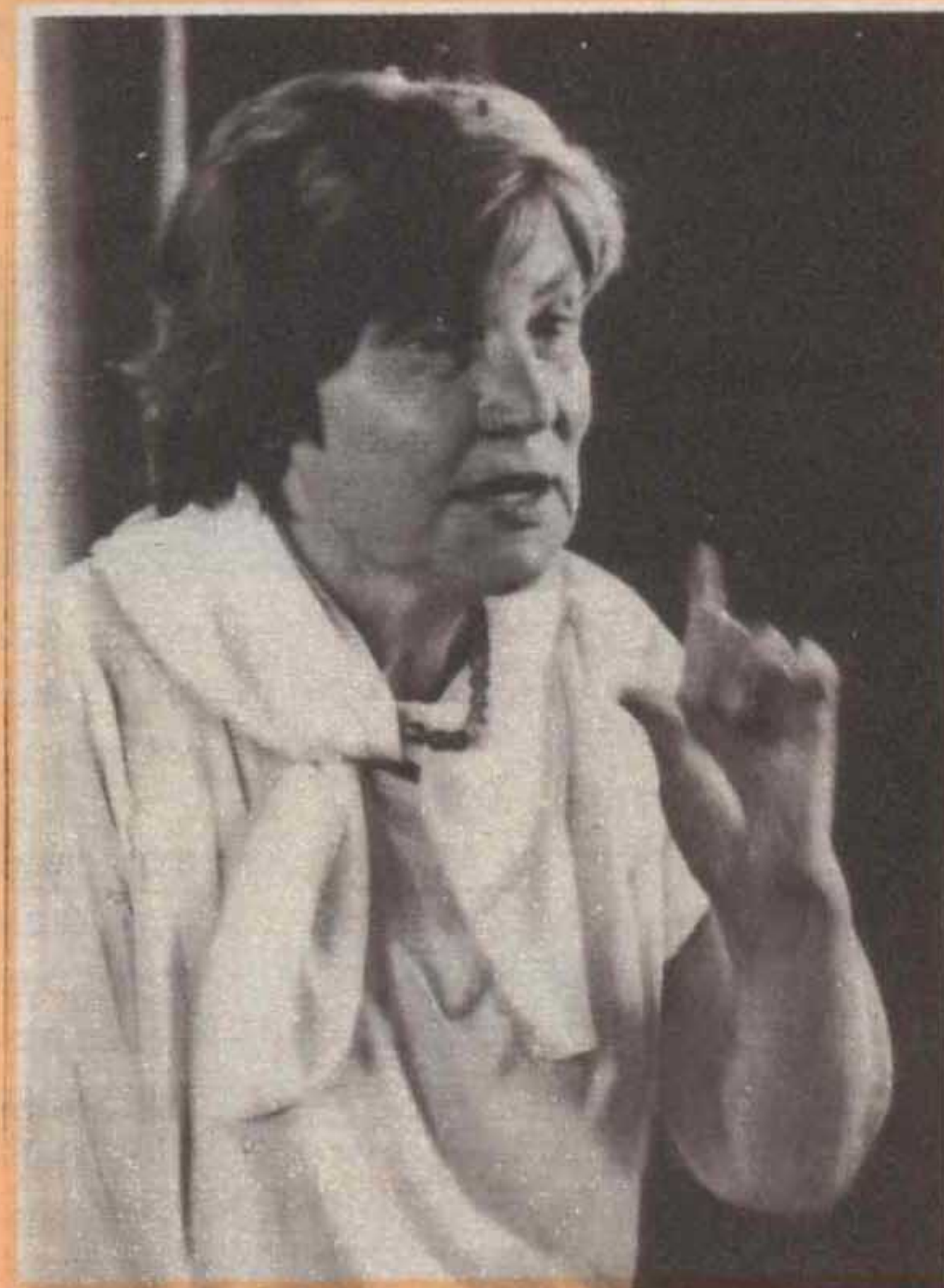
И, конечно, я очень надеюсь на новые ткани комбината имени Свердлова и «Красной Розы».

* * *

Вячеслав Зайцев — человек энергичный, болеющий за судьбу дела, которому посвятил свою жизнь, и, конечно, многое ему по плечу. Но есть ли необходимость тратить его талант на исправление чужих ошибок, на спасение «неликвидов»? Публикуя этот материал, редакция надеется, что работники легкой промышленности найдут реальный путь для использования высказанных здесь идей.

Однако даже в Министерстве бытового обслуживания населения РСФСР эти предложения не всегда находят поддержку. Останавливает привычная инерция мышления, настораживает новизна, необычность предложения руководства Дома моды создать предприятие, состоящее из моделирующего центра, фабрики и фирменного магазина. На наш взгляд, только таким путем, только решительными мерами можно добиться заметного рывка в выполнении задач, которые стоят перед легкой индустрией. Хотелось бы, чтобы и Министерство легкой промышленности РСФСР прониклось выдвинутой идеей, проявило бы больше доверия к человеку со вкусом. Сегодня В. Зайцев вдохнул жизнь в одну ткань — ацетатный шелк, завтра это будет крепдешин, шерсть, лен. Думается, что и другие моделирующие центры страны, а их немало в Советском Союзе, готовы поддержать этот опыт.

**Встречу вела
В. МОРОЗОВА.**

А. А. Андреева, старший художник шелкового комбината «Красная Роза».

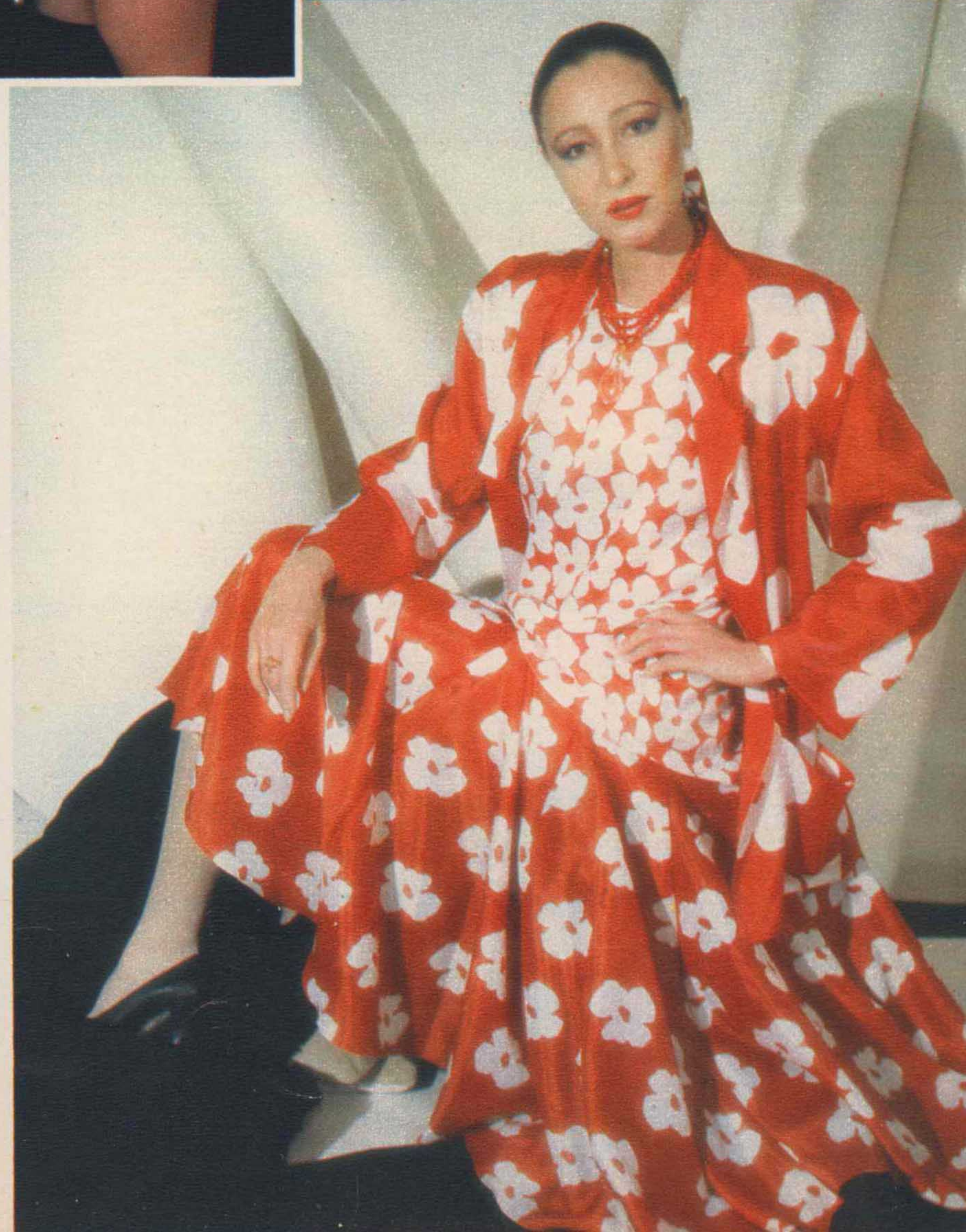

Рассматривая на фотографиях В. ЛОКТЕВА модели Вячеслава Зайцева, его такие узнаваемые и вместе с тем всегда оригинальные рисунки, не думайте, что это все не для вас. Все это доступно! В моделях использованы

исключительно отечественные недорогие ткани: ацетатный шелк, штапель, облегченное шерстяное полотно. Украшения специально выполнены по эскизам В. Зайцева чешской фирмой «Яблонекс».

А В Р Г Д 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

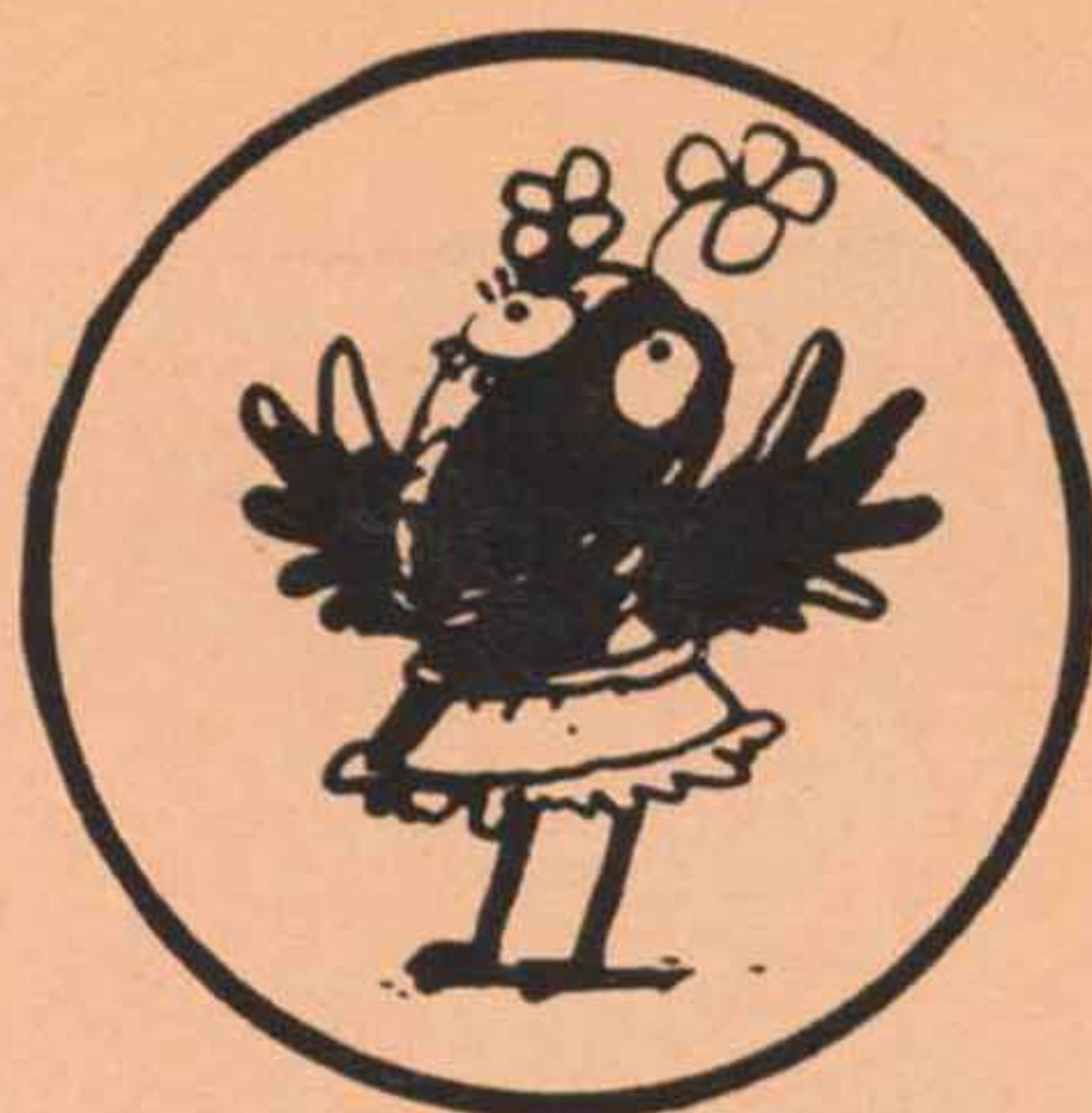
ВЕРШИНА, КОТОРУЮ ТЫ ПОКОРИЛ

Он рвался в небо, бредил сверхзвуковыми скоростями и почти осуществил намеченное, став курсантом знаменитого Качинского авиационного училища. Полеты, не во сне — наяву, стали реальностью. И счастье его было бесконечным, пока не случилась катастрофа. Не в небе — на земле: врач нашел рубец на стенке сердечного клапана. В двадцать с небольшим жизнь показалась перечеркнутой навсегда. О том, как в дальнейшем сложилась она у Александра Махова, ныне известного ленинградского рабочего, орденосца, соратника дважды Героя Социалистического Труда В. Чичерова, вы узнаете из очерка Олега Петриченко «Вершина, которую ты покоришь».

новая рубрика!

МУЛЬТПАННО

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННАЯ
ПАНОРАМА, ИЛИ ВСЕ
О МУЛЬТИПЛИКАЦИИ

«Мультпанно» будет рассказывать о фильмах и людях, вспомнит историю, представит текущую хронику и попытается заглянуть в будущее.

«Мультпанно» поможет вам найти в репертуаре кинотеатров то, что вы любите, и узнать о мультфильмах то, чего вы не знаете.

Вы встретитесь с мастерами — создателями мультипликационных лент — и со знатоками, ценителями этого уникального искусства.

Вы увидите рисунки лучших художников, прочтете стихи лучших поэтов и юморески самых талантливых сценаристов, работающих в мультипликационном кино.

Наконец, вы сами сможете вступить в диалог с журналом или с создателями фильмов, поспорить с критиками, высказать свое мнение.

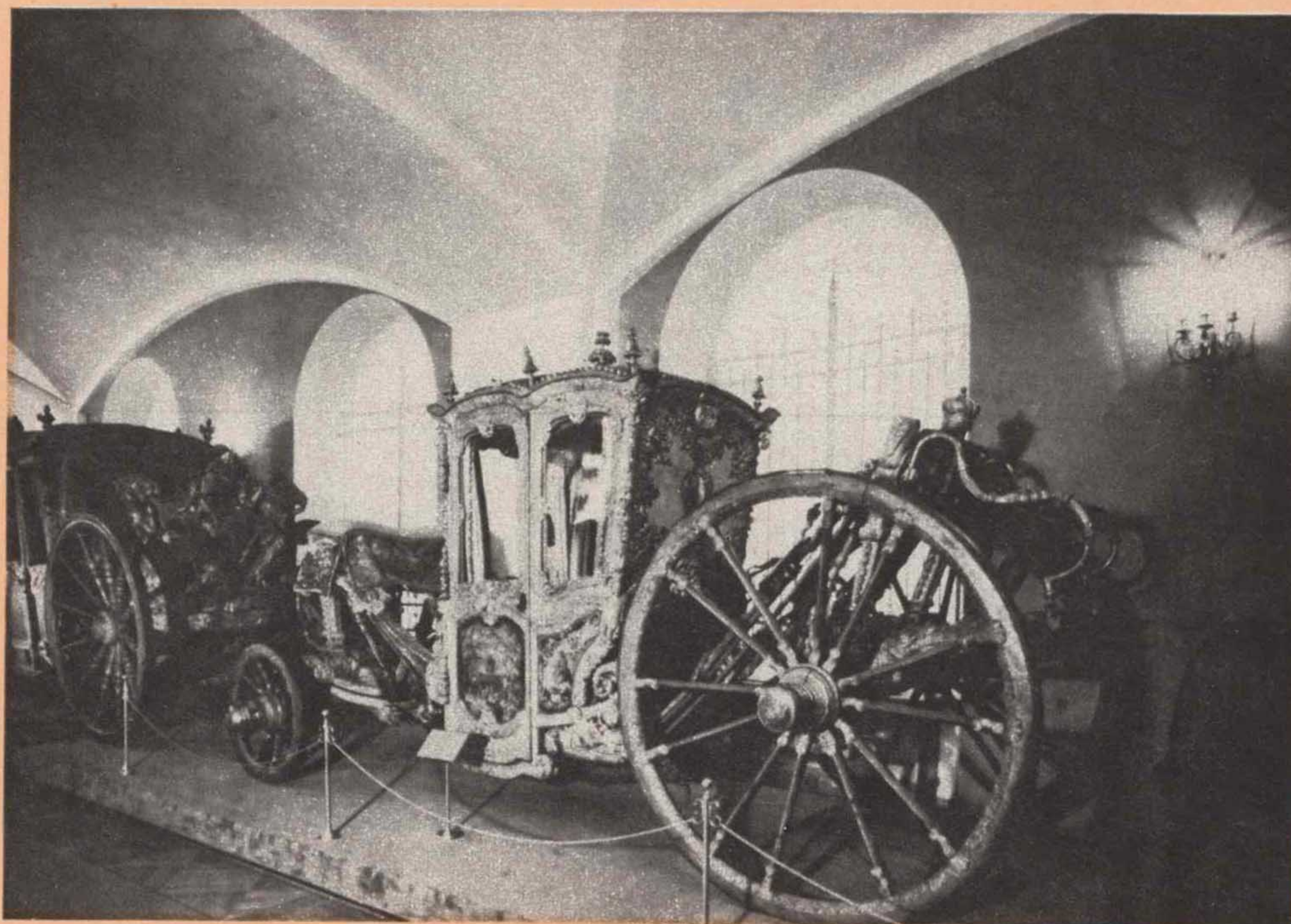
Первый выпуск «МУЛЬТПАННО» — очень скоро!

«БУДУЩИМ РОДАМ НА ПОСМОТРЕНИЕ»

Музейная премьера года... Событие, которого с нетерпением ждали... Так можно охарактеризовать открытие новой экспозиции Оружейной палаты после четырехлетних ремонтно-реставрационных работ огромной сложности и масштаба.

В одном из ближайших номеров журнала вы сможете познакомиться с очерком Ю. Осипова и цветной фотовкладкой Н. Рахманова, рассказывающими об обновленной сокровищнице Кремля.

Замечательные произведения прикладного искусства, старинное оружие и экипажи, уникальные изделия русских и иностранных ювелиров, государственные реликвии — все это является ныне достоянием советского народа, гордостью отечественного культурного наследия.

СКОРО • СКОРО • СКОРО

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663